

МИКА РТУТЬ

A movie poster for the film 'Стойкая невеста' (The Strong Bride) by Mика Ртуть. The poster features a man and a woman in a fantasy setting. The man, on the right, is wearing a dark mask, a blue vest, and a chain belt, holding a large, ornate sword. The woman, on the left, has long red hair and is wearing a white and brown dress, holding a staff with pink flowers. The background is a dark, rocky landscape with a large, glowing orb in the sky and several flying creatures. The title 'Стойкая невеста' is written in a stylized, cursive font at the bottom.

Стойкая
невеста

Annotation

Любая нормальная девушка мечтает стать королевой. А эта — мало того что маг Смерти, она еще и сбегает от своего жениха-короля через окно! В какие еще приключения она влипнет и устоит ли Академия Магических Наук, пока не знает даже автор.

- [Строптивая невеста. Любить нельзя убить](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1. О розах, мобилях и загадочных шевалье](#)
 - [ГЛАВА 2. О вахтерах, умертвиях и еще одном шевалье](#)
 - [ГЛАВА 3. О химерах храма науки](#)
 - [ГЛАВА 4. О зомби, мозгах и педагогике](#)
 - [ГЛАВА 5. О принцах, нищих и немножко маньяках](#)
 - [ГЛАВА 6. О королях, капусте и Барготовой матери](#)
 - [ГЛАВА 7. О троллях, фуриях и убийствах](#)
 - [ГЛАВА 8. О колбасе и путанице в показаниях](#)
 - [ГЛАВА 9. О братской любви и семейных традициях](#)
 - [ГЛАВА 10. О романтике, пари и супружеском долге](#)
 - [ГЛАВА 11. О безголовых скелетах и веселье на свежем воздухе](#)
 - [ГЛАВА 12. О цветах жизни и полутора порциях успокоительного](#)
 - [ГЛАВА 13. О дипломатии и Барготовых подштанниках](#)
 - [ГЛАВА 14. О нездоровой конкуренции с утра пораньше](#)
 - [ГЛАВА 15. О мышах, темных магах и прочих паразитах](#)
 - [ГЛАВА 16. О кумирах, злодеях и жабах](#)
 - [ГЛАВА 17. О книгах, крысах и проблемах недоверия](#)
 - [ГЛАВА 18. О времени, которое деньги, и проклятых костях](#)
-

*Строптивая невеста. Любить нельзя
убить*

Мика Ртуть

ПРОЛОГ

Виен. Астурия. Королевский дворец

Полковник Людвиг Бастельеро

— Ты должен ее найти. Немедленно! В строжайшей тайне! — было первым, что полковник Безопасности Короны услышал от его величества.

Вот прямо с порога. В половину девятого утра.

Его величество расхаживал по кабинету, злобно стуча каблуками, и доламывал в пальцах самопишущее перо.

— Кого найти? — переспросил полковник, мысленно прощаясь с выходным, который ему обещал календарь.

— Ее. Она сбежала. Ты только представь, она сбежала от меня!

В голосе короля слышалось столько возмущения, что полковник чуть не рассмеялся.

— Кузен, сядь и объясни толком. Кто сбежал?

— Моя невеста. Моя красивая, умная, благородная, прекрасно воспитанная невеста. Сбежала. Через окно! Это... это возмутительно!

— Что именно возмущает тебя больше, что сбежала или что через окно?

— Не смей смеяться над своим королем, Баргот тебя задери. Какого демона она сбежала накануне официальной помолвки? Найди ее и выясни.

— Найти, выяснить и вернуть?

— Выяснить и доложить. Только мне, — отбрил кузен. — Не хватало только слухов!

Король хмуро махнул рукой, позволяя удалиться и приступить к исполнению. Чужих, между прочим, обязанностей. В законный выходной. Но когда чей-то выходной останавливал короля?

Молча покидая кабинет и прикидывая, с чего начать поиски пропавшей невесты, полковник поймал себя на том, что в чем-то ее понимает. Иногда ему тоже хотелось сбежать от короля. Может быть даже через окно.

ГЛАВА 1. О розах, мобилях и загадочных шевалье

Ольга

Того, кто посадил под окном розы, очень хотелось проклясть. Благоухающие на весь парк, изумительно синие розы ее любимого сорта «Небесная страсть» были невыносимо колючими. И густыми. И уже успели порвать брюки, совершенно не подходящие княжне и почти королевской невесте.

Повезло, что только почти. Страшно представить, что бы сказала матушка, если бы Ольга сбежала от его величества не до, а после помолвки! И так придется долго и нудно с ней объясняться. Ведь матушка желала ей только самого лучшего, а что может быть лучше, чем стать королевой мирной, процветающей Астурии?

С точки зрения матушки — ничего.

Ольга была с ней не согласна. Категорически. Вот только спорить сразу и с матушкой, и с собственным государем, и с драконами, одержимыми каким-то своими, непостижимыми для простых смертных идеями, было бесполезно.

Не то чтобы Ольге не нравился Гельмут, король Астурийский. Для короля он был на удивление человечен. И сынишка его — прелесть. Их брак мог бы стать вполне удачным. Если бы Ольга отказалась от единственного для нее важного. Мелочи-то какие!

Отказываться она была не готова. Даже под угрозой совместного королевского, императорского и драконьего гнева.

Поэтому Ольга и удирала через окно. В брюках. Через отвратительно колючие и чудесно пахнущие розы, хватающие за штанины и норовящие вырвать из рук саквояж.

— Отцепис-с-сь! — зашипела она на самый приставучий куст. — Проклянущу!

То ли розовый куст испугался последней из магов Смерти, то ли она дернулась достаточно сильно, но ей удалось вырваться и припустить по дорожке парка прочь, к выходу.

Из парка ей удалось выбраться незамеченной. Здравый расчет, немножко везения и самая капелька волшебства — и вот она вышла

через ворота для слуг, влилась в утреннюю городскую суету и спокойно идет прочь от пряничного дворца, крутя в пальцах сорванную напоследок розу. И пусть переодетая княжна не очень-то похожа на снующих туда-сюда простолюдинок, на нее все равно не обращают внимания. Даже взгляды отводят, едва скользнув по короткому темному плащу с капюшоном и наткнувшись на брошь-маргаритку, знак некроманта на службе Безопасности Короны.

Скосив глаз на серебряный цветок, Ольга грустно усмехнулась. Как удачно, что полковник Бастельеро не заметил пропажи. Ольга не гордилась кражей. Да и кражей это не было. Маргаритку она просто ненадолго позаимствовала и вернет при случае.

Только сама не вернется.

Ее исчезновения не заметят до восьми, когда придет компаньонка ее будить. Вот будет переполох! И — никаких больше благотворительных мероприятий, на которых можно умереть со скуки!

О, Молчаливая Сестра, как же это все надоело! За два месяца Ольга посетила этих мероприятий минимум пятьдесят штук, одно скучнее другого. И ни на шаг не приблизилась к своей настоящей цели!

О том, зачем на самом деле Ольга поехала в Астурию, не знал никто. Даже ее собственная глубоко любимая матушка. Видимо, потому что на нее Ольга была совершенно не похожа. То есть внешне — почти копия. Такая же высокая и грациозная. С такой же белой, не поддающейся никакому солнцу кожей, синими глазами и светлыми, почти белыми волосами. Но вот характером Ольга удалась не мать, во всем послушную своему императору. Чем бесконечно расстраивала матушку, но радовала ныне покойного батюшку.

Вот отец бы наверняка понял, почему она сбежала. Потому что именно он позволял ей учиться не одобряемой Храмом магии Смерти по старым книгам. Он подарил ей первые брюки и первую шпагу. Он обещал ей учебу в Академии Магических Наук и брак по любви. А потом умер.

Что ж. Зато ее род не умрет. И княжеский титул не перейдет к младшей ветви. Потому что у нее все получится, не может быть иначе.

С этой оптимистичной мыслью она поравнялась с храмом Единого, где как раз звонили колокола. Восемь утра. Время дворцового переполоха.

Улыбнувшись свободе и надежде на счастье, Ольга задрала голову к золотым, сияющим на солнце шпилям храма. За центральный зацепилось крохотное белое облако, напоминающее дракона: крылья, хвост, хитро ухмыляющаяся пасть...

Толчок в спину оказался полной неожиданностью.

Ее отшвырнуло с дороги, роза и саквояж выпали из рук, а она сама рухнула прямо на кого-то. Мягкого, теплого и поймавшего ее обеими руками. Кажется, того самого человека, который ее и толкнул. А мимо промчался автомобиль. Длинный, хищный и очень знакомый мобиль полковника Людвиг Бастельеро.

Ольга совершенно не по-княжески выругалась. Вот была бы феерическая глупость: сбегав от короля, погибнуть под колесами мобиля его же, королевского, кузена!

— Совершенно с вами согласен, — раздалось из-под нее. Совершенно дивный, глубокий и бархатный мужской голос. Принадлежащий не иначе как демону-искусителю. — Не будет ли мадемуазель так любезна подняться?

— О, простите... — так же по-франкски ответила Ольга, заливаясь жаром, неловко поднялась с незнакомца (видела бы матушка такую непристойность, умерла бы на месте!) и, оборачиваясь, улыбнулась: — Благодарю вас, мсье...

Ольга неловко замерла, ее улыбка застыла.

— Ренар Соланж, — раздался все тот же волшебный голос, совершенно не соответствующий своему обладателю.

С земли вставал... вставало... Нечто изломанное, неуклюжее, горбатое... Ох. И лицо прикрыто белой полумаской, сквозь которую видны разные глаза: один желтый, другой черный.

— Прошу прощения, мсье Соланж. Надеюсь, я не причинила вам вреда...

Тонкие губы горбуна на мгновение искривились в болезненной усмешке. Кажется. Рассмотреть толком она не успела: он на удивление легко поднялся на ноги, оказавшись ростом с нее, и быстро накинул на голову капюшон серого плаща.

— Не стоит беспокоиться, мадемуазель...

— Ольга Вульф. — Она машинально протянула руку для поцелуя, и только потом вспомнила, что она притворяется обычной горожанкой. Но отдергивать руку было уже поздно.

— Рад знакомству. — Горбун неуклюже поклонился и поцеловал ее пальцы. — Ольга, очень красивое имя. Русскийское?

Прикосновение мужских губ обожгло, эхо голоса разлилось где-то внутри теплой и щекотной волной. Ольга еле сдержалась, чтобы не передернуться. Не от отвращения ко внешности своего нового знакомого, нет. От неуместности и неоднозначности собственной реакции. Потому что, если честно, выглядел мсье... э... ужасно.

— Э... благодарю, мсье Соланж. Моя матушка из России, — сказала она чистую правду.

— И вы в таком юном возрасте уже служите в Безопасности Короны! Кстати, это ваше.

Ей протянули ее же саквояж, только что буквально взявшийся ниоткуда. А если точнее — притянутый багровыми щупальцами темной магии. На улице. Перед храмом Единого. Он сумасшедший?!

— Вы очень любезны, мсье. — Взявшись за ручку саквояжа, она попыталась отступить на шаг. Не вышло. Мужская рука и не думала его отпускать. — Мсье?

— Шевалье, — мягко и вкрадчиво поправили ее. — Очень странно для некромантки так реагировать на мою магию.

— Отпустите сейчас же, шевалье Соланж, — потребовала Ольга, скрывая страх за холодностью и приказным тоном. — Я благодарна вам, и на этом — прощайте.

— Сказать вам «прощайте, прелестная мадемуазель», а завтра прочитать в газете ваш некролог? Не знаю, откуда вы и что делаете в Виен, но я вас провожу. Вы слишком нервничаете и можете попасть в неприятности.

Ольга чуть было не потрясла головой, отгоняя морок и наваждение. Темный маг заботится о ней? Да нет, не может такого быть. Темные маги так себя не ведут.

Не то чтобы у нее было множество знакомых темных магов. Скорее — ни одного. При русском дворе темных магов, как и некромантов, не жаловали. Даже ее, княжну Волкову-Мортале, едва терпели, и то исключительно по причине родства с императором. Что, впрочем, не помешало Игорю Второму радостно отдать ее замуж за Гельмута Астурийского, а титул князя Волкова пообещать старшему брату собственной фаворитки.

— Идемте, мадемуазель Олье. Куда вы направляетесь? — не отставал горбун с неземным голосом.

— Не думаю, что вам удобно отвлекаться от дел, мсье. Но вы могли бы помочь мне поймать экипаж.

— Все, что пожелаете, прекрасная мадемуазель Олье, — кивнул случайный знакомый и пронзительно свистнул.

Ольга вздрогнула, про себя возмущившись ужасными манерами шевалье. В самом ли деле шевалье? А ведет себя как простолюдин!

Фиакр подкатил тут же, словно только этого свиста и ждал.

— Вы очень любезны, шевалье. Благодарю, — немножко через силу улыбнулась Ольга, залезая в экипаж.

— До встречи, мадемуазель.

Темный маг коротко поклонился и... протянул ей ярко-сиреневую гортензию. Такую же, как росли на клумбе вокруг храма. Точно сумасшедший! В России его бы за такое неуважение к Единому сослали на дальний север, медведям хвосты крутить.

Однако цветок Ольга взяла. Ведь не взять было бы невежливо. К тому же... вряд ли они еще увидятся, а у него такой волшебный голос! Вот голос она и будет помнить. А внешность — забудет.

— Прощайте, шевалье Соланж, — солнечно улыбнулась она и велела кучеру: — Трогай.

— Скоро увидимся! — так же солнечно улыбнулся ей горбун и подмигнул.

Точно. Подмигнул. Да за кого он ее принимает?!

«За мадемуазель Вульф, — тут же напредила себе Ольга. — Привыкайте, княжна. Теперь у вас нет камеристки, личного мобиля с шофером и полусотни новых платьев. Зато есть свобода и шанс изменить судьбу. Конечно, без камеристки и шофера жизнь станет весьма непростой, но ваша много раз «пра» бабка Матильда начинала и вовсе с публичного дома. Так что вам грех жаловаться».

Улыбнувшись этой мысли, Ольга коснулась любимой заколки в волосах — старинной, подаренной бабушкой — и облегченно выдохнула. Первый пункт плана готов, она выбралась из дворца. На очереди пункт второй. Простой, проще некуда. Она вообще предпочитала не мудрить с планами. Так же, как Матильда Волкова-Мортале, сбежавшая из Франкии в Астурию и основавшая тут Академию Магических Наук.

Именно туда Ольга и направлялась. Учиться. Но не только. Где-то там, в архивах Академии, наверняка прячется дневник Матильды. Или еще что-то. Да что угодно, что поможет снять проклятие.

Иначе Ольга не сможет родить ребенка и останется последней в роду. Навсегда.

ГЛАВА 2. О вахтерах, умертвиях и еще одном шевалье

Ольга

Величественную башню главного корпуса Академии Магических Наук Ольга увидела издалека. Таких высоких зданий — целых двадцать пять этажей! — не было больше нигде. А о пятимерных часах, показывающих не только время, но и расположение звезд, и соотношение параллельных миров, ходило легенд едва ли не больше, чем о драконах.

— Нравится? — с гордостью спросил извозчик.

Ольга вздрогнула от неожиданности. Извозчик обращается к ней? Удивительно свободные нравы в Астурии.

— Не волнуйтесь, мефрау, вас обязательно примут. Вы ж из этих, некромантов, да? — продолжил болтливый простолюдин.

— Из этих, именно, — нехотя ответила Ольга, вспомнив, что свое княжеское происхождение она запрятала на дне саквояжа и там же его оставит на ближайшие годы, если конечно не соберется вернуться во дворец, стать королевой и навсегда забыть о мечтах.

— Так что, в самом деле с мертвяками говорите, а? Они ж того, воняют!

— Не больше, чем некоторые живые, — пожала плечами Ольга.

— И то правда, — хохотнул извозчик. — Откуда приехали-то? Франкия? Норланд? Бриттия?

— Издалека, — ушла она от ответа.

— А, от родных сбежала небось. — Извозчик оказался на редкость догадливым. — Не пойму я, что такой красавице дома не сидится. Вышла бы замуж за доброго человека, детишки бы пошли. Так нет, с мертвяками будет возиться, прости Боже. Вот что в них хорошего, в мертвяках-то?

— Ну к примеру то, что вы на ваши налоги не содержат армию, а напасть на вас все равно никто не решается.

— Еще чего! Напасть, скажете тоже! Что нам какие-то там армии? Наш герцог Бастельеро кому хочешь жару задаст! Видали Пустоши, а? Вот то-то же!

Ольга невольно заулыбалась. Милейший, утонченный герр Людвиг, задающий жару «каким-то там армиям» — сюжет, достойный поэмы. Нет, оды! А еще лучше, чтобы он научил задавать жару ее. Пока она жила во дворце, об обучении у сильнейшего некроманта в мире можно было только прекрасные сны видеть. Да какое там могло быть обучение, когда все беседы — строго под надзором десятка нянек и сотни придворных, а стоило Ольге заикнуться о визите в библиотеку Бастельеро, как его величество Гельмут из галантного кавалера превратился в рычащее и мечущее молнии чудовище. Метафорически, конечно. Но весьма убедительно.

Впрочем, несостоявшийся жених вообще предпочитал не помнить о том, что она — маг Смерти, а не живая болванка для шляпок.

Какая она молодец, что сбежала! Воздух свободы — сладок и прекрасен!

Извозчик тем временем продолжал рассказывать сказки о Бастельеро Ужасном — ничего нового, лишь вариации на уже известную тему, не мешающие Ольге разглядывать приближающуюся башню Академии и соединяющие ее с соседними корпусами воздушные галереи.

— ...Волкова-Мортале сделала музей. Вот это была дама! Тоже некромантка, да. Великая женщина!

Выхватив из монолога собственную фамилию, Ольга насторожила уши. Не то чтобы извозчик говорил что-то новое. О том, что Матильда Волкова-Мортале вместе с герцогом Бастельеро и доктором Куртом основала Академию и ввела в Устав пункт о равенстве мужчин и женщин, знал весь мир. Как и о том, что благодаря ей — и половине состояния Волковых, вложенных в Академию — тут могут обучаться студенты из любой страны, любой веры и любого благосостояния и происхождения. Стипендию имени Матильды за два века существования Академии получило больше десяти тысяч одаренных студентов.

Вот будет забавно, если в этом году ее получит она, Ольга Волкова-Мортале. Точнее, Ольга Вульф — именно под этим именем она послала документы.

В двери главного корпуса АМН Ольга вошла, держа саквояж в одной руке, а честно позаимствованный плащ с серебряной маргариткой — в другой. И первым делом задрала голову.

Изнутри все здание казалось еще больше. И выше. Посередине высилась стеклянная колонна метров двадцати диаметром. Внутри нее парили острова: со скалами, деревьями, ручьями и водопадами. Самые настоящие острова, только маленькие. А среди островов летали разноцветные, иногда светящиеся птицы. Они кружили, пикировали и выписывали какие-то сумасшедшие фигуры.

На некотором расстоянии от колонны уходили вверх открытые этажи, соединенные белыми лестницами. А между этажами двигались вверх и вниз радужно поблескивающие пузыри, скрепленные магическими тягами. Лифты, как их назвала герцогиня Бастельеро, когда рассказывала Ольге об Академии.

По огромному холлу — о, когда-нибудь Ольга обязательно разберется в чарах расширения пространства, использованных здесь! — деловито сновали люди. Кто-то в белых халатах исследователей, кто-то в старинных мантиях, кто-то в модных сюртуках и платьях. А около длинной стойки, окружающей центральную колонну, собрались абитуриенты. Ольга поразилась их количеству. Как-то даже не верилось, что почти сотня юношей и девушек — маги! И ведь это далеко не все. Сегодня — лишь первый день вступительных испытаний. Им всем придется доказать наличие магического дара, чтобы получить возможность учиться в Академии. А дальше их разделят на группы — по профилю и по уровню дара.

— Барышня, прошу пожаловать сюда, — раздался над ухом чуть скрипучий и с каким-то старомодным произношением голос.

Страхнув наваждение, Ольга обернулась — и уставилась в черные, явно нечеловеческие глаза... эм... Удивительного, выглядящего совершенно как живой дворецкий какого-нибудь благородного дома, умертвия!

— Благодарю... а вы?..

— Рихард, к вашим услугам, — улыбнулось оно... улыбнулось?!

О боже! Вот это да! Такое вообще бывает?!

Пытаясь разглядеть управляющие контуры... ну ладно, хотя бы основу управляющего контура... Ольга пошла вслед за умертвием к стойке. Почему-то не к центру, где толпились абитуриенты, а куда-то правее, где стойка прерывалась группой цветущих деревьев в кадках.

Кажется, слив. По крайней мере, пахли они одуряюще сладко и нежно, как и положено сливам.

Но стоило Ольге приблизиться, как сливы расступились, открывая отдельную конторку, за которой восседал седой, с военной выправкой и огромными усами господин в черном мундире с золотыми эполетами. Больше всего он походил на генерала. И прямо сейчас разговаривал с молодым человеком, одетым по последней франкской моде и небрежно опирающимся на стойку.

Хлыщ, сноб и наверняка записной сердцеед, определила для себя Ольга. Богатенький красавчик, у которого лишь клубы и любовные победы на уме. Совершенно неуместное зрелище в Академии Магических Наук.

— Это герр Вахтер, — сообщило умертвив. Конечно же, об усатом генерале, а не наглом хлыще. — Он займется вашим делом, барышня.

Только тут Ольга осознала, что умертвие говорит по-русийски! Не может быть, ее же не узнали?

— Ни в коем случае, госпожа Вульф. — убийственно серьезно ответило умертвие.

Кажется, она начала думать вслух. Ну, это более вероятно, чем читающее мысли умертвие, не так ли?

— Разумеется. Вы совершенно правы. — Умертвие сдержанно поклонилось. — Будьте любезны, подождите минуточку. Герр Вахтер сейчас закончит с мсье Бюсси.

— Вы здесь служите, Рихард? — на этот раз она точно спросила вслух.

— О нет, что вы. Лишь помогаю герру Вахтеру в дни приемных экзаменов.

— А откуда вы знаете мое имя?

Усмехнувшись, Рихард слегка наклонился к ней с самым таинственным видом и шепнул:

— Вы — первый маг Смерти со времен мадам Матильды. Кстати, вы очень на нее похожи. А мадам очень любила называться фамилией своего мужа, Андре Вульфа.

— Э... — от удивления Ольга позабыла все слова.

А вспомнить не успела.

— Меффрау, прошу вас! — позвал усатый генерал.

Ольга лишь на мгновение обернулась на голос, а когда снова глянула туда, где только что был Рихард — от него не осталось и следа. Вот же! Только ей повезло встретить кого-то, кто может хоть что-то

знать о прошлом ее семьи, как он пропал! Но ничего. Ольга его обязательно найдет и расспросит. Чуть позже.

А пока она подошла к стойке, по дороге ответив кивком на поклон черноволосого хлыща, который смерил ее недвусмысленно раздевающим взглядом и как ни в чем не бывало удалился. Кажется, даже насвистывая. Поразительно невоспитанный тип.

— Доброе утро, герр Вахтер, — поздоровалась она, выбросив типа из головы. — Я Ольга Вульф, мой аттестат и просьба о зачислении должны быть у вас.

— Рад приветствовать в стенах Академии, мефрау Вульф, — кивнул генерал-вахтер и без запинки продолжил: — В вашей заявке сказано, что вы некромант. Это так?

— Да. — Вдаваться в подробности, что некромант и маг Смерти не совсем одно и то же, она не стала. В документах ее дар в самом деле значился как «некромантия».

— Прекрасно. Вам следует ознакомиться с Уставом АМН и, если вы согласны соблюдать его, расписаться здесь и здесь. — Перед ней легли страницы с машинописным текстом. — Напоминаю вам, мефрау, что с момента зачисления и до окончания вашей учебы вы не можете пользоваться никакими титулами, кроме «студент АМН». Вам также не следует обращаться к другим студентам иначе, как «герр», «фрау» либо «мефрау».

Ольга молча просмотрела страницы — с прошлого года, когда она изучала Устав во всех подробностях, ничего не изменилось — и подписала.

— Прекрасно. С этого момента вы находитесь под защитой Академии, и никто не может заставить вас покинуть территорию академгородка. Также никто не может заставить вас прекратить обучение, если вы того не пожелаете. Свидетельствую перед лицом всех богов этого мира.

Довольно усмехнувшись, Ольга кивнула. Вот и все. Теперь сколько бы ни возмущались Гельмут, Игорь Второй и княгиня Волкова-Мортале, она будет учиться здесь. Никаких скучных приемов, назойливых кавалеров, надоедливых маменькиных подруг и прочих обязательных для юной девицы пыток. Ура, что ли?

Герр Вахтер неодобрительно покачал головой.

— Вам предстоят испытания, мефрау Вульф.

— Да, я знаю об экзаменах, — чуть храбрее, чем ощущала себя на самом деле, парировала Ольга.

— Вам на двадцать пятый этаж, кабинет доктора Курта.

Ольга невольно поежилась. Как-то она не была готова сразу же являться к главе АМН, одному из величайших ученых современности и потомку третьего основателя Академии. Слухи о нем ходили самые противоречивые, но ни в одном из них ректор АМН не фигурировал как некто милый и добрый. Вот как пожиратель невинных студентов, магистр тайного кровавого ордена и ужас, летящий на крыльях ночи — да. В ста и одной вариации.

— Благодарю, герр Вахтер, — еще спокойнее и увереннее кивнула Ольга. Вопреки дрожи коленок.

— Желаю вам... не помереть на испытаниях, меффрау, — одарил ее напутствием и улыбкой усатый генерал.

Он ведь пошутил? Помирать Ольга точно не собиралась, не за тем она преодолела столько препятствий, чтобы так просто «помереть» от каких-то там испытаний.

ГЛАВА 3. О химерах храма науки

Ольга

На двадцать пятом этаже царил полумрак и висела звенящая тишина. Только откуда-то издалека раздавался мужской голос, с этакой ленцой рассказывающий что-то наверное ужасно смешное, потому что периодически его перебивал кокетливый женской смех.

Как и подозревала Ольга, разговор о курьезах франкского двора велся перед высокой темной дверью со скромной табличкой «Др. Курт». Наверняка самой скромной во всей Академии.

Разговаривали двое: уже знакомый брюнет, кажется, Бюсси, и томная шатенка в неуместно вычурном платье и драгоценностях, подходящих для оперы, но не утренних экзаменов в Академию. Третья абитуриентка, симпатичная девушка в строгом платье и маленькой шляпке на русых, убранных в пучок волосах, сидела от этой пары в отдалении и читала книгу.

— Доброе утро, — поздоровалась Ольга и вежливо улыбнулась.

Самое время привыкать к новому стилю общения. Не то чтобы она была против равенства и отсутствия титулов. Скорее наоборот. Но она двадцать лет провела среди тех, для кого слово «княжна» звучало как самое великое заклинание, а слова «некромант» или «маг Смерти» — чем-то вроде «отбросы общества» и «маньяк-убийца». Здесь все будет иначе, и ей это по душе. Наконец-то можно гордиться тем, кто она есть на самом деле, а не размером земельных угодий и полусотней князей в предках.

— Доброе утро, — улыбнулась ей девушка в шляпке.

— И тебе не хворать, — ухмыльнулся хлыщ, вызываяще сверкнув разными глазами: желтым и черным.

Где-то Ольга такие видела, совсем же недавно... Из памяти вылетело.

— Хм-м, — смерила ее презрительным взглядом шатенка и тут же отвернулась к ловеласу. — И что он ответил?

— Ерунду какую-то, — отмахнулся тот, продолжая раздевать Ольгу странно знакомыми глазами. — Тебя тоже отправили к доктору Курту? Обещаю, будет весело.

— Мори-ис, — протянула девица, надув губки и разглаживая подол платья. — Разве ты не видишь, она же из этих. Фу!

Ольга едва сдержалась, чтобы не засмеяться, но виду не показала: княжна, крестница самого императора, должна быть идеально воспитанной. То есть игнорировать все, что выходит за рамки этикета и доброжелательно улыбаться всем, включая извозчиков и купчих, воображающих себя центром мироздания и эталоном красоты.

Кстати, в моде фифа не разбирается от слова совсем. Брюки и жакет Ольги были пошиты у королевского портного, а их строгий и изящный крой введен в моду герцогиней Бастельеро. Прекрасная, удивительно удобная мода «для будних дней».

— Из каких «этих»? — тут же поинтересовалась Ольга, опускаясь на стул рядом с улыбчивой девушкой в шляпке.

— Из тех, кто жаждет равенства с мужчинами. Только они носят брюки и ведут себя по-плебейски.

Ольга снова еле удержалась от смеха. Как удачно, что в Академии нельзя пользоваться титулами. Это ж как прекрасно можно будет развлечься! Хотя и нехорошо потешаться над убогими, но тут убогие сами виноваты.

— А чем плохи равные права? — тихо спросила девушка с книгой.

— Равные права несут и равные обязанности, — брюнет с разными глазами, он же Мори-ис, проигнорировал возмущение фифы и нагло уселся рядом с Ольгой, невзначай закинув руку на спинку ее стула.

Зря он так. Равенство — не значит хамство. А хамство в адрес мага Смерти карается. На первый раз крохотным, совсем безобидным проклятием. Всего-то полчаса будет чесаться конечность, которой мсье хам не способен найти подходящего места.

— Пф! — прокомментировала фифа.

— Ты готова воевать, работать, копать в грязи?... — продолжил разноглазый наглец, склоняясь к Ольге и рискуя заполучить еще и чирей на идеально прямом носу.

— Я маг, — ответила Ольга, осаживая его ледяным тоном и взглядом. — Думаешь, я боюсь грязи и смерти?

— Конечно. Все нормальные люди боятся.

— Твои представления о жизни прискорбно ограничены, — усмехнулась Ольга, любясь тем, как нахал начал елозить на стуле и пытаться почесать проклятую руку. — Но это пройдет. Наверное. Если доживешь.

— Только не говори, что ты ненавидишь мужчин! — в притворном ужасе отшатнулся наглец. — Если даже такие красотки как ты подадутся в суфражистки, человечество вымрет!

— Я никого не ненавижу, — пожала плечами Ольга и отвернулась.

Обсуждать болезненную тему вымирания — человечества или отдельно взятого рода, не суть — она не желала. Как, впрочем, и суфражизм. Тоже больная тема.

Первой суфражисткой этого мира была Матильда Волкова-Мортале, ее собственная три раза «пра» бабка. Она не только принесла сюда суфражизм и ввела в моду брюки (ладно, попыталась ввести — на протяжении двухсот лет женские брюки то запрещали специальными церковными указами, то снова разрешали, но в любом случае мало кто решался их носить). Она же, Матильда Волкова-Мортале, и прокляла свой род. Нечаянно. Только от этого как-то не легче.

— Ой, и чего эти дуры добились? — не успокаивалась Фифа. — Только возможность носить штаны!

— Не только, — сверкнув небесной голубизны глазами, запротестовала соседка Ольги и начала загибать пальцы: — Водить мобили, владеть собственностью, получать образование и преподавать в университетах, быть учеными и магами. Я всегда восхищалась девушками, не боящимися пробовать что-то новое. Жаль, я сама не такая смелая. Кстати, меня зовут Элиза Тэтчер. Мы же будем учиться вместе?

Ее взгляд, обращенный к Ольге, сиял искренним дружелюбием.

— Похоже на то, смелая птичка, — удостоил Элизу коротким взглядом разноглазый красавчик, но тут же снова вперился в Ольгу и изобразил галантный полупоклон. — Позвольте представиться, Морис Бюсси. Для вас, милые мои, просто Морис.

Он понизил голос и последнюю фразу чуть ли не промурлыкал. И насчет фамилии — соврал. Не то чтобы Ольга так хорошо владела ментальной магией, чтобы сходу определять ложь, просто не походил он на какого-нибудь провинциального дворянчика из захудалого рода.

Да и не с такими интонациями произносят фамилию, которой гордятся. Скорее это было «я знаю, что вы знаете, что я тут принц инкогнито, но я вам подыграю, так уж и быть».

— Очень приятно, — вежливо кивнула Элиза.

А фифа, оставшаяся в одиночестве, презрительно фыркнула и отвернулась. Красавчик это проигнорировал и еще ближе придвинулся к Ольге. Вот прямо нарывается на чирей!

— А эта злая колючка, которая проглотила язык — А. — Он еще понизил голос и с фальшиво-восторженным придыханием добавил: — Да-да, из тех самых де ла Брильенов.

Из тех самых де ла Брильенов, которые купили баронский титул лет двадцать назад, — перевела для себя Ольга, — отчаянно гордились своей благородной кровью и пытались пристроить шестерых дочерей в самые древние семьи. Чуть ли не наследнику русского престола в жены предлагали. Кстати, насчет имени Ольга тоже угадала. Фиони-что-то-там — и есть Фифа.

— Да не может быть! — не удержалась и подыграла она, еле сдерживая смех.

Каким бы наглецом и мерзавцем ни был этот Морис, но издеваться он умел великолепно. Так, что жертва даже не догадалась, что над ней ржут. Наоборот, просияла и почти сменила гнев на милость.

— А вы?.. — спросила у Ольги бриттка Элиза.

— Ольга Вульф, — ответила она максимально нейтрально и дружелюбно. Так, как должна была ответить девица из скромной семьи... ну, допустим, чиновника средней руки. И на всякий случай добавила чистую правду: — Моя семья не такая блестящая, как Лаберкуль Амбуазье де ла Брильен.

Потому что Волковым-Мортале не нужен вульгарный блеск.

— Пока я учусь здесь, вы можете называть меня просто мефрау Брильен, — задрала нос Фифа, поняв Ольгу совершенно неправильно. — Но не думаю, что это надолго. Не позднее следующего лета я выйду замуж и стану мадам Д'Амарьяк.

Вот тут Ольга невольно вздрогнула. Названная Фифой фамилия подействовала, как раскаленный штырь, воткнутый в ногу. Д'Амарьяк! Тот самый мерзавец, из-за которого род Волковых-Мортале проклят! Сам же он, то есть его потомки — процветают, женятся на богатых

дурах и производят на свет детей. Много детей. У нынешнего главы рода Д'Амарьяк, прозванного Черным Карликом и заведующего Тайной Канцелярией Франкии, сын и две дочери. И это — не считая многочисленных кузенов, племянников и прочая, прочая. В то время как она, Ольга, одна. Одна и последняя в роду.

Внутренне кипя от ярости, Ольга даже прослушала что там Фифа несла на тему блестящего жениха, великолепной свадьбы и приглашенных царственных особ. Зато ее внезапно посетила мысль: если Фифа близка с женихом, тот может навестить ее в Академии. Тогда Ольга наконец-то увидит хоть одного из своих кровных врагов, и не будь она Волковой, отомстит! Ради этого она даже готова потерпеть Фифу с ее задранном носом и не проклясть ее прыщами и облысением прямо сейчас.

За своими мыслями она даже не придавала значения страдальческой гримасе Мориса Бюсси, вынужденного слушать Фифино хвастовство. С этим она разберется потом. Собственно, все — потом. Как минимум после экзаменов и распределения по курсам.

— ...пусть твой великолепный жених и показывает тебе Виен, — услышала она насмешливый голос все того же Мориса.

— Ну! Морис, тебе не идет эта глупая ревность. Я же не виновата, что ты — не Генрих Рене Ма... Мо... э... Мишель Д'Амарьяк, виконт Дебюсси-Курбе. У него такое длинное имя, никак не могу запомнить целиком. — Фифа кокетливо похлопала ресницами.

— Зато ты милый и с тобой весело.

— Тебе непросто будет запомнить все эти заклинания, с такой-то памятью.

— Может, я предпочитаю помнить твое имя?

От количества патоки в ее голосе Ольгу слегка затошнило, и она поспешила отвернуться от Мориса — который по-прежнему сидел с ней рядом и... не чесался! Вот прохвост, ему удалось справиться с ее проклятием за какие-то жалкие минуты! Или это она ослабла от нервов. Все ж не каждый день убегаешь от жениха через окно.

Чтобы успокоиться и отвлечься, она завела беседу с Элизой. Вроде бы та была не слишком увлечена своей книгой, а глупую болтовню Фифы вообще пропускала мимо ушей.

— Не знаешь, почему нас тут так мало?

— Не знаю. Я видела, всех остальных отправляли в аудиторию на первом этаже. Только нас почему-то к самому доктору Курту.

— Герр Вахтер?

— Да. Он суровый, но добрый. Тут вообще такие милые люди! Ты видела герра Рихарда?

— Эм... ага, — кивнула Ольга, не желая разбивать приятные иллюзии.

Раз Элиза не поняла, что Рихард не живой человек, а мертвое, пусть так и остается. Мало кто способен не завизжать и не упасть в обморок при виде нежити.

Больше ничего сказать Ольга не успела, потому что совсем рядом послышался знакомый чарующий голос:

— Доброго дня. Я успел?

Подняв взгляд, Ольга с ощущением «вот и обещанный подвох, можно больше не тревожиться» увидела горбуна в капюшоне и маске, закрывающей верхнюю половину лица.

— С твоей стороны очень мило было бы опоздать, — процедил Морис.

— Ну извини, — без малейшего раскаяния развел длинными руками горбун.

— Не извиню, даже не мечтай, — фыркнул Морис. — Но так уж и быть, представлю тебя самым симпатичным девушкам этого скучного заведения. Ренар Соланж, адепт заумных наук, мой дальний родственник.

— Очень дальний. Почти не родственник, — уточнил горбун.

— Он гений, а потому зануден, скучен и сер. А, и еще — урод. Но вы не обращайтесь на это внимания. Лучше вообще не обращайтесь на него внимания. Он стесняется и заикается, а еще у него...

— У моего не-родственника недержание змеиного языка. Простите этого придурка, он постоянно несет чушь. Даже не представляю, как ты собираешься сдавать экзамены.

— Уж всяко получше тебя, Зай...

— Заткнись, с-сделай милос-сть, — гневно прошипел горбун, и Ольга невольно поежилась.

От него отдавало чем-то странным, какой-то незнакомой, но безумно интересной и манящей силой — на вкус-запах она

напоминала хорошо проперченное копченое мясо с нотками яблоневого дыма.

— Ха! — с совершенно довольным видом сказал Морис, словно одержал победу в старом споре.

На это горбун — Ренар Соланж — лишь повел плечами, правое из которых было выше левого, и сбросил капюшон. Теперь Ольга наконец-то смогла разглядеть его получше и убедиться: да, урод. Особенно по контрасту с Морисом. Даже удивительно, как могут быть люди настолько противоположными! Морис — высокий, широкоплечий, с идеальными пропорциями атлета и такими же идеальными чертами классической статуи. Правда, в отличие от мраморных статуй — довольно смуглый, черноволосый, с живой мимикой и вообще удивительно яркий. Ренар же — тощий, весь изломанный, с крючковатым носом и асимметричным ртом, весь какой-то бесцветный — и стянутые в хвост пепельно-серые волосы, и бледная кожа, и узкие почти белые губы. Единственной яркой деталью в его облике были глаза, блестящие в прорезях белой полумаски. Разные. Черный и желтый.

Как у Мориса.

Ольга даже перевела взгляд с одного на другого, чтобы убедиться: ей не показалось. Только у Мориса черным был левый глаз, а у Ренара — правый.

Тайна. Здесь определенно была какая-то тайна. Похоже, учеба в Академии обещает быть крайне интересной!

— Мефрау Ольга. Я же говорил, что мы скоро встретимся снова, — сказал горбун, становясь на одно колено и целуя ей руку.

То ли от прикосновения (его магии, только магии!), то ли от глубоких бархатных обертонов его голоса по всему телу побежали мурашки.

— Вы знакомы? — скривился Морис, и тут же в его глазах вспыхнул алчный огонек.

— Представь себе, — хмыкнул Ренар и снова перевел взгляд на Ольгу: — Не сердитесь на этого несчастного. Ему с детства кажется, что у него отнимают игрушки. Но вы-то не игрушка, не так ли, мефрау Ольга?

— Почему-то мне кажется, что игрушки у кузена отнимали именно вы, Ренар.

— Ну что вы. Мне всегда хватало своих. Ведь я не имею привычки их ломать.

— Вы не могли бы встать, Ренар? Кстати, раз уж вы так увлечены дележом того, что детям не игрушка, позвольте я представлю Элизу Тэтчер.

Рядом послышалось недовольное фырканье Мориса, чуть дальше — еще более недовольное фырканье мефрау Брильен. Но их заглушил мелодичный и самую капельку насмешливый голос Элизы:

— Рада знакомству, герр Соланж.

— Ренар, милая Элиза. И прошу, на ты. Правила Академии настаивают на равенстве и братстве.

Ольга чуть не прикусила язык. Привычка — страшная сила, чтобы обращаться к однокурсникам на ты, придется постоянно себя контролировать. Но ничего. Справится.

— А этот дивный цветок зовут Фионифиелла Лаберкуль-Амбуазье де ла Брильен, — со странным злорадством сообщил кузену Морис. — Та самая!

Во взгляде горбуна на Фифу Ольге померещился натуральный ужас. Очень короткая вспышка ужаса.

— Мефрау, — поклонился он, пряча глаза.

— Доброго дня, — холодно кивнула Фифа, не трудясь скрывать отвращения к внешности своего будущего однокурсника.

— Мефрау скучает, так что ты покажешь ей Виен, кузе-ен, — с еще большим злорадством заявил красавчик.

— Мори-ис?!

— С чего бы?!

Возмущение в обоих голосах было настолько одинаковым, что Ольга хихикнула. Элиза — тоже.

— С того, что я занят, — безобразно самодовольно пояснил красавчик. — Я же должен провести экскурсию по Академии двум нашим боевым подругам, Ольге и Элизе. Видишь, кузен, тебе достается самая великолепная и блестящая девушка Академии, гордись!

— Сразу двум? Твоей невесте это не понравится, кузе-ен.

— Не моей, а твоей невесте, кузе-ен. Я — совершенно свободен и таковым останусь.

— У тебя есть невеста? — расстроенно переспросила Фифа. — Но ты же...

— Нет у меня невесты. Нет! — Морис разозлился. — Да чтобы я женился на этом... этой...

— А приде-ется, — злорадные нотки в голосе Ренара тоже звучали чарующе, что безмерно удивляло Ольгу. — Ты же красавчик, тебе и...

Родственную перепалку, за которой она наблюдала с превеликим интересом, прервал грохот распахнувшейся ректорской двери. Из нее вылетел взъерошенный и шатающийся парень характерной испанийской наружности. Ольга даже попыталась заглянуть в кабинет за его спиной — не гонится ли за беднягой чудовище.

— Герр... как вас там, заходите, — ошалело пробормотал абитуриент (неудавшийся?) и побрел к ближайшему стулу, не глядя больше ни на кого и явно путаясь в собственных ногах.

Оба «кузе-ена» шагнули к двери одновременно, так же одновременно смили друг друга презрительными взглядами и попытались друг друга отпихнуть. Ольга опять хихикнула, и опять не одна: они с Элизой быстро переглянулись.

— Мужчины! — сказала та, и сказала этим все.

— Заходите оба! — раздался голос доктора Петера Курта.

Ольга вздохнула. Приближалось самое тонкое место ее плана. С доктором Куртом они не раз встречались — и в опере, и на приемах. А задолго до того он вел переписку с ее отцом, в которой обсуждал в том числе будущее обучение Ольги в АМН.

Отчасти поэтому она надеялась, что доктор Курт не станет уговаривать ее выходить замуж за Гельмута и не откажется принимать у нее экзамены. Ведь он всецело предан идеям науки, а его статьи об интеллектуальном и магическом равенстве мужчин и женщин постоянно мелькают в прессе.

— Готовь свои целительные заклинания, моя прелесть, если я вернусь раненым — ты меня спасешь! — обернулся перед самой дверью Морис и подмигнул Ольге.

На что едва не заработал еще одно проклятие. Лягушачий язык бы ему очень подошел! Особенно на собеседовании с ректором. Просто чтобы доктор Курт сразу увидел, с кем имеет дело.

— Ой, я тоже целитель, — обрадовалась Элиза. — Хорошо что мы будем учиться вместе! Мне сложно сходиться с людьми, а с тобой — просто. Ты такая... светлая!

Ольге захотелось спрятать лицо в ладонях и хорошенько посмеяться. Возможно, до слез. Она — светлая? Маг-то Смерти? Ладно бы ее приняли за артефактора или ведьму-проклятийницу, но за целителя? Ох. Анекдот. Хотя, конечно, целительница — это самая «приличная» специализация для дамы. Одобряемая Храмом.

— Д-дамы, в-воды ни у кого нет? — проклацал зубами испалиец.
— Докт-тор Курт... демонская сила!

— Извини, нет, — отозвалась Элиза.

Фифа промолчала, поджав губы. А Ольга спросила:

— Ты поступил? На какой факультет?

— Поступил... говорил дед, не подписывай контракты с демонами... Проклятье, лучше б я... — бормоча что-то под нос, испалиец встал и, пошатываясь, побрел к выходу.

— Станный какой-то. — Элиза расправила безукоризненный манжет. — Какие еще контракты с демонами?

— Мне кажется, он не в себе, — пожала плечами Ольга. — Доктор Курт — прекрасный человек. Не понимаю, зачем его бояться.

— Я тоже не понимаю, зачем сначала поступать, а потом жалеть. И о чем жалеть?

— Может, у него какой-то неожиданный дар открылся. Я слышала, такое бывает.

— Как хорошо, что у меня никаких неожиданностей быть не может. У меня в роду все целители. Уже двадцать три поколения. И я буду работать в клинике святой Дануты. Хирургом.

— И ты говоришь, что недостаточно смелая? — восхищенно переспросила Ольга.

— Конечно. Я бы не решилась надеть на экзамен брюки, — с полной убежденностью ответила Элиза.

Чем только подтвердила, что и ее фамилия не совсем настоящая. Или совсем не настоящая. Ольга попыталась вспомнить, кто ж из старых бриттских родов уже двадцать три поколения блюдет чистоту светлой целительской силы. Тэтчеров среди них точно не было. Возможно, Барниши? Или Хоббстены? Наверняка Элиза либо из тех, либо из других. Оба рода — старые, преданные короне (но чуть

больше — медицине), строгие и чопорные. Одно время отец рассматривал вариант замужества Ольги с младшим отпрыском Барнишей, не самым сильным по дару, но теоретически готовым войти в род жены на правах консорта.

Не сложилось, и к лучшему.

— Э... Ольга? — вмешалась в диалог Фифа.

— Да? — обернулась к ней Ольга. С вежливой улыбкой и мыслью о будущей мести роду Д'Амарьяк.

— Ты давно знакома с Соланжем?

— Не особо. А что?

— Он... страшный. Ты видела его без маски? Что он прячет?

Вот тут Ольга опять не удержалась. Разве можно не ответить на такой чудесный вопрос?!

— Видела, — ответила она страшным шепотом.

Заинтригованная Фифа пересела к ней поближе и таким же страшным шепотом переспросила:

— Что?! Он же не вампир, нет?

— Нет! Он... ох, только никому, пожалуйста! Если он узнает что я проболталась...

— Никому! — Глаза Фифы горели маньячным огнем прирожденной сплетницы.

Примерно так же ярко, как горела Ольгина душенька жаждой мести — обоим кузенам, которые настолько не родня, что имеют не только одинаковые глаза, но и одну невесту на двоих. А ее, Ольгу Волкову-Мортале, выбрали дичью для очередного спора, кто из них лучший охотник.

Мужчины! Пфе! Кто еще тут дичь!

— Ты правда знаешь? — с не меньшим любопытством прошептала Элиза, тоже готовая включиться в заговор.

— Не то чтобы точно, но... видели же горб, да?

Обе соседки закивали.

— Это — крылья! — выдала гениальную находку Ольга. — Вообще-то он химера.

— Как это химера? — немедленно попалась Фифа.

— О, это редкое, безумно опасное и коварное существо. Каменное! Днем он человек, а ночью выпускает крылья и летает! Наверное, он совсем молодой. Лет сто, не больше.

— Сто?!

— Ну может сто пятьдесят... да нет. Тогда он бы стал совсем серым. Ну, видели же его волосы? Серые!

— Серые! — заворуженно повторила Фифа.

— Вот! Он весь будет такой. Серый. Как кварцевый химерит. Он пока молодой и не целиком закаменел, должен оставить потомство, — увлеченно сочиняла сказку Ольга. — Ищет подходящую деву. Девственницу. Обязательно с даром.

— Ой... — сказала Элиза и плотно сжала колени. — Но я же ему не понравилась, правда?

— Вряд ли, — успокоила ее Ольга. — Раз он подошел к тебе совсем близко, то ты в безопасности.

— А если не подошел? — от испуга Фифа почти пищала.

— Ну, химеры сначала кружат вокруг. У них инстинкты так работают. Кружат, шипят, принохиваются. И если девушка им подходит... Но ты не бойся. Ты не единственная девственница в Академии. Наверняка он выберет кого-то другого.

— Мне нельзя. Мне замуж надо, — закивала Фифа. — За Д'Амарьяка. Он красивый и богатый. А еще он граф. Я всегда хотела быть графиней, это же так великолепно!..

— Да, графине как-то откладывает яйца не к лицу, — очень серьезно покивала Ольга. — Да еще высиживать...

— Ноу него же есть невеста! — вспомнила Фифа. — Вот пусть невеста и это... откладывает. Неужели кто-то согласится пойти за это чудовище? Я бы... я бы руки на себя наложила!

— А вдруг любовь? — мечтательно подняла глаза Элиза.

«Издевается, но как убедительно!» — подумала Ольга и продолжила вслух:

— А если любовь, то он сможет стать человеком. Только с крыльями.

— О-о!..

— Ах!..

— Правда, я не уверена, что на самом деле химера — не Морис, — огорошила обеих Ольга. — У них одинаковые глаза. И они кузены. Хм... я никогда не видела совсем молодую химеру. Наверное... это же так интересно, правда? С нами на курсе будут учиться целых две

химеры! То есть два химера. Мужского пола. С активным инстинктом размножения.

— О... а как же любовь?

— А без любви никак, — с видом умудренной столетним опытом ромалы кивнула Ольга. — Любовь обязательна. Но вы обещали, никому ни слова!

— Могила! — пообещала Фифа и осенила себя святым кругом.

— Конечно! — поддержала ее Элиза. — Ни единого словечка

Именно этот момент выбрали два свеженазначенных химера, чтобы выйти из кабинета доктора Курта и напороться на три девичьих взгляда. Два — испуганно-восторженных, и один — спокойный и самую капельку ехидный. Самую-самую капельку, чтоб никто не догадался.

Но, как известно любому магу Смерти, и одной капли правильного яда достаточно, чтобы отравить целый город. Не то чтобы Ольга собиралась кого-то в самом деле травить. Упаси Молчаливая Сестра! Однако раз этим двоим скучно, ее святой долг помочь им развеселиться.

— Ольга, прелесть моя, — прямой наводкой направился к ней красавчик Морис.

И, кто бы сомневался, больше ничего сказать не успел.

— Мефрау Вульв, прошу! — раздался голос доктора Курта.

— Удачи, Ольга, — успел ей ободряюще улыбнуться Ренар.

Чем пробудил странное и весьма смутное чувство в груди. Подозрительно похожее на шевеление совести. По счастью, недолгое. Ведь ее ждал доктор Курт — а вместе с ним свобода и мечта.

ГЛАВА 4. О зомби, мозгах и педагогике

Ольга

Кабинет доктора Курта оказался самым обыкновенным. В глубине души Ольга надеялась на что-то... ну... хоть немножко волшебное. Но никак не на строгие книжные шкафы, скучный письменный стол с папками, бронзовым бюваром и эбонитовым со слоновой костью фонилем и жесткие стулья для посетителей. Единственным выдающимся в этом кабинете был вид из окна — на проплывающие мимо и чуть внизу облака.

— Добро пожаловать в АМН, мефрау Ольга, — кивнул ректор на ближайший стул. — Не ожидал, что вы решитесь поступать к нам.

— Отчего же. Я приехала в Астурию именно за этим. — Ольга присела, сложив руки на коленях, и мило улыбнулась. — Надеюсь, вы вызвали меня к себе не для того чтобы отговаривать.

— А нужно отговаривать?

Доктор Курт посмотрел на нее так внимательно, что голова зачесалась. Видимо, бабушкина заколка сочла ментальное вмешательство неприличным, и дала об этом понять.

— Нет. Я намереваюсь учиться. Магические способности у меня есть, я совершеннолетняя и готова оплачивать свое обучение. Следовательно, никаких препятствий не существует.

— И вы понимаете, что если сегодня же не вернетесь во дворец, то королевой вам не стать?

— Разумеется. Роль королевы меня не привлекает.

— А что же привлекает, дорогая моя? Неужели романтика великих открытий? Бессонные ночи над экспериментами? Грязь и пот полевой работы? Интриги в кулуарах, завистники в собственной лаборатории, которую удастся получить не раньше чем лет через двадцать... Хм... Или сила древнего рода, умноженная современными технологиями? Может быть, путешествия по иным мирам?

— Ой, доктор, вы столько всего заманчивого предлагаете, что я даже не знаю, что выбрать, — съехидничала Ольга. — Можно мне для начала остановиться на чем-то более скромном? К примеру, на том,

чтобы разобраться с собственными силами безо всяких интегралов. У меня с математикой не очень.

— Чудесно скромная меффрау. Ох и курс будет... — Доктор Курт тяжело вздохнул и устало потер лоб. — Хорошо. В любом случае первый год будет в основном общее обучение. Азы. Кстати об азах, доктор Волков ведь обучал вас основам некромантии?

— Насколько этому может научить светлый маг-воздушник.

— Прекрасно, прекрасно! Значит, сочетание воздушной стихии и некромантии. Изумительно! Что ж. Приказ о вашем зачислении готов, вам осталось лишь принести его мне и подписать. Он на столе в соседней комнате, дорогая моя. — Курт махнул на скучную деревянную дверь между книжными шкафами. — Ступайте.

Ольга лишь пожала плечами и поднялась со стула. Доктор Курт ясно дал понять, что галантности с его стороны можно не ожидать — они не в опере, да и она тут не княжна. Вот и отлично. Ее это полностью устраивало. Правда, не очень понятно, почему все так озабочены вступительными экзаменами. Наверное, это просто касается тех, кому требуется доказать наличие магического дара. Ей — не требуется. О том, что у нее есть дар, доктор Курт знает примерно двадцать лет, со дня ее рождения.

Все эти мысли она подумала, пока шла пять шагов к скучной, ничем не примечательной двери. И резко перестала на шестом и последнем шаге.

Заколка предупреждающе нагрелась и завибрировала, намекая, что где-то тут подвох.

Ольга обернулась, вопросительно подняв бровь.

— Я пойму, если вы не пожелаете войти в ту комнату, дорогая моя, — мягко улыбнулся доктор Курт. — В этом нет ровным счетом ничего предосудительного. Могу даже позвонить, чтобы за вами прислали мобиль.

— Вы очень любезны, доктор, — так же мягко улыбнулась Ольга, сделала последний шаг и толкнула совершенно безопасную на вид дверь.

Никакого вам магического свечения, ощутимой напряженности поля, напитанных энергией символов и прочего. Ни-че-го. Кроме орущей во все горло интуиции: не суйся, дурная девчонка!

Ну кто же откажется от такого милого приглашения, не так ли? Кто угодно, только не княжна Волкова-Мортале.

На всякий случай сжав в кармане фибулу-маргаритку, ненадолго позаимствованную у герра Бастельеро и способную создать отличный магический щит на целую минуту, Ольга открыла дверь — и увидела радужно мерцающую черноту.

Портал. Куда — неизвестно.

Ну, вряд ли в жерло вулкана или в стратосферу. Абитуриенты — материал подотчетный. И слишком ценный, чтобы вот так им разбрасываться. Хотя напугать ее доктору Курту удалось. Слегка! Совсем слегка!

Не оборачиваясь на Курта, который наверняка ехидно посмеивался в ожидании ее отступления, Ольга шагнула в портал. И сразу же сделала то, чему ее учил отец — выставила щит. Даже раньше, чем увидела, куда попала: в длинную, залитую солнцем комнату, пустую, если не считать стола в дальнем конце и десятка отвратительных фигур.

— Мос-с-с-ги-и-и! Мос-сги-и! — окружил ее со всех сторон мерзкий шепот и еще более мерзкий запах. — Вкус-с-сные мос-с-сги-и-и-и!

Полу разложившиеся зомби наступали на нее, разевая пасти и растопырив гнилые руки. Не то чтобы Ольга боялась примитивных зомби или верила, что они могут ее съесть. Зомби не едят. Вообще. А вот ранить или убить могут запросто.

— Кыш, — велела она, подкрепляя приказ порцией сырой силы.

Зомби пошатнулись, на несколько мгновений потеряли ориентацию в пространстве — и все. Не сработало.

Зато Ольга успела чуть-чуть осмотреться и заметить, что одна темная фигура у окна не пошевелилась. Разглядеть, кто это или что это, было невозможно из-за яркого света, а вот управляющие нити увидеть Ольга смогла. Нити тянулись от неподвижной фигуры к зомби, которые снова начали шипеть, выть, клацать зубами и наступать. Достаточно медленно и неуклюже, чтобы Ольга могла некоторое время уворачиваться, но недостаточно, чтобы их просто растолкать и прорваться к столу.

Можно было использовать щит, встроенный в маргаритку. Как раз минуты хватит, чтобы добежать до стола и вернуться. Но вот взять

бумагу, не снимая щита — не выйдет. А он одноразовый. Значит, не годится.

подавив рвотный позыв, — запах даже для некроманта был ужасен, — Ольга снова ударила приказом «кыш» и волной сырой силы. И пока зомби шатались, выхватила из волос заколку, подскочила к ближайшему и перерезала управляющую нить.

Зомби упал. Второго она тоже успела обезвредить — и отскочить, пока третий клацал на нее пастью и пытался зацепить когтистой лапой.

Фу, ну и мерзостная вонь!

— Ай-ай-ай, нехорошо портить казенное имущество, мефрау, — раздался от окна скрипучий голос.

Ольга вздрогнула, перевела взгляд на приближающуюся к ней темную фигуру — ужасную, огромную, на ходу обрастающую щупальцами... И усмехнулась. Щупальца просвечивали на солнце, как и положено иллюзии, а голос она узнала.

— Вы правы, герр Рихард. Я вовсе не собираюсь ничего портить. Кыш!

Зомби чуть отступили и закачались, продолжая подвывать свое: «Мос-с-ги!» А зловещая фигура остановилась и покачала головой.

— Но ведь портите же. Как мне их теперь возвращать на склад?

— А... ну... я помогу поднять их снова? Только надо сразу, пока связь не истаяла совсем. Если вы будете так любезны отдать мне вон тот листок со стола и убрать остальных, займусь прямо сейчас.

— Хорошо. Буду признателен за помощь, мефрау Ольга, — поклонился Рихард, вокруг которого продолжали клубиться хищного вида щупальца.

Зомби, кроме валяющихся на полу, отступили и разбрелись по комнате, воя и требуя вкусных мозгов. А Ольга, забыв о тошноте, сосредоточилась на оборванных, почти растаявших управляющих нитях.

Не то чтобы она была специалистом по повторному поднятию, но теорию знала. Теория гласила: быстро хватай концы и связывай, думать будешь потом.

Именно так она и поступила.

«Умница, моя девочка. Я знал, что у тебя получится», — как наяву послышался папин голос.

— Прекрасная работа, меффрау. Вот ваш приказ, — проскрипел Рихард, подавая ей лист бумаги. — А теперь будьте так добры передать управляющие нити мне. Не думаю, что вам захочется лично доставлять этот материал обратно в морг.

— Да-да. Совершенно не захочется. Прошу вас, герр Рихард.

— Благодарю, меффрау. Портал прямо за вами, — поклонилось умертвие.

— До свидания, — чуть-чуть более натужно, чем полагается хорошо воспитанной барышне, улыбнулась Ольга, шагнула в обратный портал...

И наконец-то нормально вдохнула! От свежего воздуха без гнилостных миазмов немного закружилась голова, но расслабиться Ольга себе не позволила. Гордо расправив плечи под внимательным взглядом ректора, она подошла к его столу, положила честно добытый приказ о зачислении.

— Позвольте перо, доктор?

— Прошу, меффрау Ольга. — Курт материализовал вечное перо прямо в воздухе перед ней.

— Благодарю, — кивнула она и поставила подпись. Где галочка.

— Поздравляю, дорогая моя, вы зачислены на первый курс. Факультет темных искусств. С двумя однокурсниками вы уже знакомы, они проводят вас к интенданту и коменданту общежития.

— Вы имеете в виду...

— Соланж и Бюсси, дорогая моя. Постарайтесь найти с ними общий язык, вам предстоит много и часто взаимодействовать.

Ольга только вздохнула. Наивно было надеяться, что эти двое окажутся среди стихийников или артефакторов. Слишком выдающиеся личности.

Химеры. Хе-хе.

— Занятия начнутся через три дня, но вам нужно будет прийти на собрание курса послезавтра в полдень. Познакомьтесь с вашим куратором. Он же будет вести большую часть спецпредметов.

— А кто он? — не удержалась и поинтересовалась Ольга.

На что получила загадочную ухмылку, совершенно не подобающую серьезному ректору серьезного заведения (Академия Магических Наук это вам не храмово-приходская гимназия!).

— Вам понравится. Будьте любезны, попросите мейфразу Тэтчер подождать несколько минут.

Там же и тогда же
Др. Петер Курт

Проводив Ольгу Волкову-Мортале взглядом и дождавшись, пока за ней закроется дверь, доктор Петер Курт снял трубку фониля.

— Бастельеро, — отозвался на том конце провода крайне сердитый голос.

— Доктор Курт.

— А, Курт. Опять Академия рухнула?

— Ну что вы, дорогой мой. Академия стоит и ждет вас. Послезавтра к полудню.

— Курт, я же сказал. Нет. Я не собираюсь преподавать вашим... э...

Пока Бастельеро бесплодно пытался подобрать цензурное обозначение для студентов, Курт его прервал:

— Я слышал, у вас кое-кто пропал, дорогой мой.

— От кого? — мгновенно подобрался и насторожился Бастельеро.

Курт усмехнулся.

— Птичка на хвосте принесла, как выражается ваша прелестная супруга. Надеюсь, она в добром здравии?

— В добром. Курт! Не злите меня.

— Ну что вы, дорогой Людвиг! Даже не думал. Напротив, я хочу вас порадовать. В этом году у нас совершенно изумительный набор на факультет темных искусств.

— Я же сказал, мне это неинтересно. Курт, хватит ходить вокруг да около!

— Да-да, я понимаю, его величество сердит и наверняка опять сорвался на вас. Так вот... да не рычите вы так, Бастельеро! Преподаватели Академии не должны рычать, это не педагогично!

— Педагогично?! Учите, Курт, еще слово в таком тоне — и я разрешу моему маленькому Фаби прийти к вам в лабораторию на экскурсию.

— Хм... нет-нет, не нужно! — невольно вздрогнул Курт, припомнив потоп, пожар и землетрясение в одном юном белобрысо—невинном условно восьмилетнем лице. — Мы и с прошлого визита

вашего дорогого сына только-только восстановили Академию. И вообще, это не в ваших интересах. Вам тут преподавать, дорогой мой.

— Курт!

— Не думаю, что его величество одобрит ваш отказ присматривать за мефрау Ольгой, пока она получает образование.

— Курт!.. — проклятия Бастельеро с явным трудом проглотил. — Княжна у вас?! Не отпускайте ее никуда, я сейчас же за ней приеду!

— Тише, друг мой, тише! Мефрау Ольга Вульф никуда не денется. Она поступила на первый курс, факультет темных искусств. Я же говорил вам, в этом году у нас изумительный, совершенно потрясающий набор!

Полковник Бастельеро на том конце провода застонал и тихо выругался.

— Не переживайте так, дорогой мой. Вы увидите с ней послезавтра. Как раз подпишем с вами контракт, ознакомитесь с обязанностями куратора курса...

Бастельеро застонал громче и, судя по звуку, побился головой о собственный стол.

— Уверен, вы отлично справитесь! У вас будет всего восемнадцать часов в неделю, очень удобное расписание и крайне интересные студенты.

— Курт, вы — демон. Не представляете, как я сожалею, что позволил вам улизнуть от правосудия!

— Ну разве ж я пытался куда-то улизнуть, друг мой? Вы так любите преувеличивать. Кстати о студентах. Думаю, вам будет интересно узнать, что на вашем курсе будут учиться Морис Бюсси и Ренар Соланж.

— Хм... а кто это?

— Неужели вы еще не догадались, дорогой мой? Стареее, стареее...

— В смысле, Бюсси и Соланж... Курт... О Создатель! Я вас ненавижу.

— Совершенно взаимно, друг мой. Итак, жду вас послезавтра к десяти.

Куда ему идти и чем там заняться до послезавтра, десяти, Петер Курт слушать не стал. Вряд ли Бастельеро скажет что-то имеющее

научную ценность. А вот ближайший учебный год обещает быть крайне, просто крайне интересным и насыщенным!

Это же надо, какое совпадение. Ольга Волкова и Соланж с Бюсси — на одном курсе! Пожалуй, он даже немного сочувствует Бастельеро. Но с другой стороны, кроме него с этими студентами никто не справится. Да и вообще, скоро сам скажет Курту спасибо. Год обещает быть совершенно изумительным!

А дорогому другу Ашшу, куратору АМН от драконов, он сообщит новости послезавтра. Как раз собирались распить рюмочку чаю.

ГЛАВА 5. О принцах, нищих и немножко маньяках

Ольга

Из кабинета Ольга выпорхнула с шалой улыбкой на губах и сразу же оказалась в чьих-то руках. Не успев подумать, она отбросила нападавшего воздушной волной и сразу же выставила щит. И только потом удивилась, что вместе ожидаемого «мозги, вкусные мозги» услышала дружный хохот и ругань по-франкски.

Ошарашенный красавчик Морис, не ожидавший столь активного сопротивления, тряс головой у ближайшей стены. Ренар и обе девушки, не попавшие под удар, смеялись.

— Эй! Для целительницы ты слишком боевая! — обиженно протянул Морис, отлепившись от стены и шагая к Ольге. — Я же просто хотел поздравить свою девушку с поступлением.

— Твою девку? — нахмурилась Ольга и принялась: вроде бы зомби тут не пахнет, некому было выесть Морису мозги. Значит, сам того. Не прошли даром экзамены у милейшего доктора Курта. — Ты говори, да не заговаривайся!

Морис вытаращил на нее глаза.

— Да нет же. Мою девушку, даму сердца! Этот астурийский — грубый, варварский язык, совершенно не предназначенный для любви!

— Никакой любви в учебное время, — отрезала Ольга. — А будешь распускать руки, прокляну так, что мало не покажется. Пфе! Будут ко мне еще всякие погодники приставать!

— И с чего ты решила, что я погодник? — возмутился Морис.

— По запоздалой реакции и медленному мышлению, — съязвила Ольга.

Ренар, наблюдающий за пикировкой с неподдельным интересом, снова хихикнул и показал Ольге большой палец.

— Всем известно, что погодники долго думают, тщательно изучают и редко ошибаются, но зато делают это каждый день, — поддержала ее Элиза. — Как все прошло? Поступила?

— Разумеется! — Ольга довольно помахала направлением в общежитие.

— Можно подумать, здесь есть хоть кто-то, кто может не поступить, — фыркнула Фифа. — Всем известно, что герр Курт лично принимает экзамены только у особенных абитуриентов.

— И что в тебе особенного? — не удержалась от шпильки Ольга.

Фифа воззрилась на нее в глубоком недоумении.

— Я же — де ла Брильен! Невеста наследника самого... — Она многозначительно расширила глаза.

— Создателя? — громким восхищенным шепотом уточнила Ольга.

На этот раз засмеялись снова трое, только других: Морис, Ренар и Элиза.

Фифа же надула губки.

— Ты на редкость грубая и невоспитанная. Не понимаю, с какой стати герр Курт тебя вызвал!

— Ха, все просто. Я — последний потомок самой сильной магической семьи континента. Поэтому у меня огромная сила. Страшная сила. Смертельно опасная сила! — с последними словами Ольга понизила голос и почти шипела. Очень хотелось добавить для пущего эффекта «я съем твои мозги», но она боялась не удержать образ и рассмеяться. — Бу!

Фифа взвизгнула и подпрыгнула.

— Ты... ты!

— Да ладно. Я пошутила, — мило-мило улыбнулась Ольга.

— Глупая шутка, — задрала нос Фифа. — Но для простолюдинки простительно. Тебя просто никто не учил, как нужно себя вести.

— А тебя учили? — невинным-невинным тоном осведомилась Элиза.

Ольга подавила смешок. Да уж. Повезло Фифе — сказочно.

— Конечно! Я же стану графиней! То есть сначала, конечно, виконтессой, а потом...

— Ой, как у вас все сло-ожно, — протянула Ольга.

— А почему бы сразу не принцессой? Виконтессой — как-то несерьезно для такой особенной красавицы, — сладко-сладко спросил Морис. — Мой тебе совет, не соглашайся меньше чем на герцога. С твоим-то умом, красотой и даром!

— Мори-ис... — захлопала глазами порозовевшая Фифа.

— Ах, и почему я не принц?

— Как повезло той стране, где ты не принц... — в тон ему добавил Ренар, на что получил дружеский тычок под ребра.

— Так говоришь, за твоей спиной стоит Сам... кто? Ты извини, я не очень разбираюсь в континентальной политике, — вмешалась наивная-наивная Элиза.

Сто раз наивная. Верьте ей, верьте, усмехнулась про себя Ольга.

— Сам шевалье Д'Амарьяк! Он лично настоял, чтобы я обучалась в самом лучшем учебном заведении континента, ведь я стану матерью следующего наследника! Наверняка у меня будет несколько детей с даром! Ах, это так прекрасно!

Фифа снова засияла. А Ренар с Морисом переглянулись с каким-то подозрительным страданием на лицах. И за что они оба так не любят Фифу? Ну, подумаешь, не слишком умна и малость высокомерна, но это же так забавно! К тому же она красива. Мужчинам обычно именно такие и нравятся.

А Ольге ее даже немножко жаль. Вот будет Фифе сюрприз, когда она узнает подробности о проклятии Д'Амарьяков. Ей повезет, если до того как родит очередного уродливого карлика.

— Ты так уверена, что у тебя родятся маги? — скептически выгнула бровь Элиза, которая явно знала больше Фифы. Возможно, что маг в семье Д'Амарьяк рождается только один. Карлик.

— Конечно, в роду моего жениха рождаются только маги, — задрала нос Фифа. — И всегда старший — мальчик.

Элиза скользнула по ней взглядом и вздохнула. Точно, знает.

— Я ужасно за тебя рада. А ты, Ольга? Ты поступила на стихийный? Или все же целительский?

В ее тоне прозвучала такая надежда, что Ольга почти пожалела, что целительство ей не дается от слова «никогда». Вот убить кого-то, а потом поднять — запросто. То есть конечно пока она тренировалась исключительно на лабораторных крысах, а с антропоморфным материалом сегодня работала впервые. Но получилось же!

— Нет. На темные искусства, — улыбнулась Ольга. Скрываться уже смысла не было. Все равно скоро все узнают. — Я маг Смерти.

— Хм, — поморщилась Фифа и переместилась за спину Морису. — Как неприлично для девушки. Надеюсь, у нас не будет совместных занятий.

— Уверен, доктор Курт не посмеет тебя разочаровать, — мило проворковал Рене и коротко поклонился Ольге: — Я же говорил, это судьба. Стоило поступить сюда, чтобы учиться вместе с тобой.

— Ты — темный маг? — Ольга искренне удивилась.

Не похож. Вот совсем не похож. Темные маги не бывают такими приятными...

Приятными? Олечка, он же горбун! Химера, если ты не забыла! Что в нем может быть приятного?! Все-все, выбрось дурацкие мысли из головы. У тебя и так забот полно. Максимум — приятельские отношения. И помни, дорогая, что темный темному — волк.

— Да. Старая семья, страшная сила и все такое, — подмигнул ей Ренар. — Хотя на самом деле я милый, нежный и заботливый. Пойдем, я провожу тебя до общежития.

Со стороны красавчика послышалось нечто, подозрительно похожее на рычание.

— Исчезни, не пугай мою прекрасную Ольгу. От твоего вида даже некроманта стошнит. Пойдем, милая моя, я сам провожу тебя, а потом покажу город.

— Мори-ис... — напомнила о себе Фифа.

Ольга тихонько застонала. Все же Фифа такая Фифа! Наверное, зомби герра Рихарда сегодня уже позавтракали. С ее помощью.

— Дорогуша, все вопросы к Ренару. Он поможет тебе найти достойного принца, правда же, кузе-ен?

— Шел бы ты...

— Я думала, мы вместе пойдем заселяться, — прервала их перепалку Элиза, чем вызвала неподдельное восхищение Ольги.

Вот это чувство момента! Прирожденный дипломат! Ей самой никогда такое не удавалось. Вот подлить маслица в огонь — легко. А тут всего пара слов, взмах ресницами, и два бойцовых петуха замолкли, ощутили себя неуклюжими идиотами и уже смотрят Элизе в рот. Потрясающе! Обязательно надо будет попросить, чтобы научила.

— А... конечно! Я тебя подожду! — закивала Ольга. — Можем занять одну комнату. Если хочешь.

Не то чтобы она особо рассчитывала на согласие. Магов Смерти, как и некромантов, и темных — боятся. Все. Это практически правило хорошего тона. Вряд ли Элиза...

— Конечно, хочу! — немедленно влез Морис и подхватил Ольгу под руку.

На что получил немедленное и неотвратимое возмездие в виде чирья на носу.

— Эй! Мы так не дого... — схватившись за нос и сведя разноцветные глаза в кучку, возопил красавчик, но его прервал поистине драконий рык из ректорского кабинета.

— Что за безобразие! Еще учиться не начали, а уже разбрасываетесь проклятиями в коридорах! Отработка на кухне!

— Мне? — обреченно вздохнула Ольга.

Говорил папа, держи характер в кармане. Да толку-то.

— Всем троим.

— А мне-то за что? — возмутился Морис.

Ренар, кстати, промолчал и даже недовольной рожи не скорчил.

— За неподобающее поведение и дурацкие вопросы. Вы трое — темные маги. Если вы не научитесь работать вместе и прикрывать друг другу спину, то не доживете до выпуска.

— Вот! Не за что меня наказывать, я только помочь хо...

— Заткнись, — бросил Ренар, подкрепив приказ легкой волной маняще-багровой силы.

По спине Ольги аж мурашки прокатились. Приятные такие. Волнующие.

— Приказ на отработку получите в ближайшее время, господа темные маги, — припечатал Курт и обратил взор на притихших Элизу и Фифу. — Мефрау целительницы, будьте так добры помочь вашему однокурснику. У него возникла непредвиденная проблема, — и Курт кивнул на Мориса.

Обе глянули туда же. Фифа — с удивлением и замешательством.

— Ой, — сказала она и ничего не сделала.

— Убери руки, Морис, — мягко, вежливо и непререкаемо распорядилась Элиза, делая шаг к пострадавшему. Секунду его рассматривала и махнула рукой: — Не придуривайся. На тебя такое не действует.

— Еще как действует! — возмутился Морис и сделал глазки Ольге. — Дорогая, ты должна меня поцеловать, и только тогда проклятие спадет!

Громкий, искренний и веселый смех доктора Курта оказался неожиданностью для всех четверых.

— Прекрасно, прекрасно! Я совершенно в вас не сомневался, мальчик мой! — Курт похлопал Мориса по плечу. — Весь в отца, право слово! Уверен, вы отлично сработаетесь втроем.

— Святые подвязки, — еле слышно прошептал Ренар, возводя глаза к потолку.

— Так, мефрау. Идите со мной, закончим формальности.

— Подождешь меня? — на пороге кабинета обернулась Элиза.

— Конечно, — кивнула ей Ольга.

Дверь за двумя целительницами захлопнулась, и Ольга осталась в перекрестье разноцветных взглядов. И что-то ей подсказывало, что Ренар уже сложил два плюс два. Он все же знал немного больше. Капельку, но больше кузена. И если он сказал правду насчет старой семьи — а он наверняка сказал правду, ее проклятия абы с кого не соскальзывают — то от ее инкогнито остался пшик. Магов Смерти вообще мало, а русских магов Смерти, точнее магичек — и вовсе... одна. Матушку, нынешнюю княгиню Волкову-Мортале можно не считать, ее дар оказался крайне слабым. Как и у бабушки. Последним сильным магом была прабабка Елена, которая умерла вскоре после рождения Ольги. Она же, кстати, и выбирала ей имя.

В общем, придется пересматривать план и готовиться... к чему именно готовиться, подумать она не успела, как и встрять в очередной раунд пикировки между кузенами. Доктор Курт отпустил Элизу и Фифу буквально через пару минут.

— Все подписано! Даже без экзаменов! — Элиза помахала в воздухе направлением в общежитие. Ее глаза горели священным пламенем научного восторга. — Целительский факультет и дополнительный курс хирургии! А еще углубленные зелья и медицинская артефакторика! Это просто потрясающе!

— Поздравляю! — Ольга шагнула ей навстречу и обняла от избытка чувств. Невозможно было устоять и не разделить ее счастье.

— Морис, проводи меня до общежития, — потребовала Фифа.

Морис с Ренаром переглянулись, и в обеих парах разноцветных глаз Ольге померешилась жажда убийства. Экие мальчишки нервные, а еще темные маги!

— Колин, глянь, какие цыпочки поступили на первый курс! — внезапно раздался задорный бас.

Из-за поворота коридора вышли двое плечистых, высоченных гэльсов. Один рыжий, как морковь, второй — белобрысый. Оба в студенческих мантиях нараспашку, оба — в килтах. Они несли длинный массивный стол так, словно он ничего не весил.

— О, сразу четыре милашки! Чур, мне беленькую! — рыжий здоровяк подмигнул Ольге.

— А мне — черненькую, — жизнерадостно заржал блондин и подмигнул Морису.

Тот прищурился, зашипел... и получил от кузена по рукам раньше, чем выпустил заклинание. Какое-то темное, хитрымудренное и явно опаснее чирья на носу. Которого, кстати, давно уже не было.

— Будем знакомы, красавицы! — подхватил рыжий. — Мое имя Гектор, а этот ржущий дебил — Колин. Прогуляемся вечерком? Мы знаем отличное местечко, вам понравится!

— Ладно-ладно, не шипи, малыш. Ты не в моем вкусе, — благодушно заявил блондин (Колин, вроде). — Я предпочитаю девочек пофигуристее.

Ольга собралась было сказать что-нибудь убийственно-едкое, потому что никто не смеет шпынять ее однокурсников (только она сама!), но ее опередила бриттка.

— Можем и прогуляться, — улыбнулась она задорно, — вы давно еще обещали что-то такое мне показать...

— Лиз! — рыжий (Гектор) расплылся в широкой улыбке, обнажая белые крупные зубы. Немножко лошадиные. — Детка! Когда ты успела вырасти?

— Да вот как-то так получилось, ваше вы...

— Тс-с! — Гектор прижал палец к губам. — Студенческое братство делает всех равными, никаких титулов. Вообще никаких. Вопросы?

— Нет вопросов! — по-военному четко ответила Элиза и хихикнула. — Это моя подруга Ольга, она некромант, это наши сокурсники Ренар и Морис, с темного факультета. — Гектор кивнул, цепким взглядом пробежал по лицам и повернулся к застывшей с открытым ртом Фифе. — А это мефрау Брильен! — торжественно и пафосно закончила Элиза.

— Очень приятно, милые дамы. Рад знакомству, господа.

— Угу, рад, — пробасил белобрысый Колин. — Темные искусства? Ну-ну...

— Вы вроде куда-то спешили? — недружелюбно поинтересовался Морис. — Вот и спешите дальше. Этот вечер и все последующие наши дамы проведут с нами. Командная работа, слышали о таком?

— Лиззи, милая, — с неподдельной заботой сказал Гектор, — если этот хлыщ будет тебя обижать, ты только шепни.

— Как скажешь, брат мой студент, — смиренно склонила головку Элиза.

— Хороша, а? А была-то... пигалица... — тихо и мечтательно пробасил белобрысый, снова поднимая свой конец стола. — А что скажешь насчет...

Названного Колином имени и ответа рыжего Гектора, — младшего принца соседней с Бриттией Гэлии, если Ольга ничего не перепутала, — никто не услышал, потому что над ними образовался полог тишины. А через несколько секунд и сами гэльсы скрылись в одном из кабинетов.

— Думаю, нам пора навестить коменданта, — подал голос Ренар, снова запустив в нервной системе Ольги какие-то странные процессы. Виноват в процессах был исключительно чарующий голос, и ничего больше. Точно, ничего.

С предложением горбуна все согласились и вполне спокойно направились к лифтам. Только Фифа все вздыхала и пыталась выяснить у Элизы, кто такие ее знакомые.

— Эти гэльсы совершенно не воспитаны! — возмущалась она, прижимая к груди сумочку. — Как можно обращаться к незнакомой даме просто по имени? Вопиющая бестактность!

— Мы в академии, — мягко напомнила ей Элиза. — Мой брат здесь учился. Он рассказывал, что здесь только к преподавателям обращаются мэтр, профессор или доктор, а студенты между собой общаются как граждане древней Элиды. Это очень прогрессивно и демократично! Благодаря такому общению все маги ощущают себя членами единого магического сообщества, а это чрезвычайно важно!

— Зато за воротами академии можно от души похвастать титулом, если он у тебя есть, — добавил с серьезным видом Ренар. — И если есть желание его озвучить. Не думаю, что его младшее высочество

Гектор МакШин на приеме у его величества Гельмута будет так демократичен.

— Ах! Все же он — принц? — глаза Фифы стали по блюдцу. — Тот самый младший сын короля, которому пророчат пост главнокомандующего? Ах, я сейчас упаду в обморок!

— И он не женат, — вкрадчиво произнес Морис. — Даже нет официальной невесты. Согласись, быть женой принца лучше, чем быть женой какого-то графа...

Вот стервецы! Ренар нарочно проболтался! А Морис изумительно его поддержал, как будто все их стычки — балаган на публику, а на самом деле у них давным-давно слаженная команда. Или шайка.

Интересно, что за тайну они скрывают? И почему так отговаривают Фифу от замужества? Возможно, дружат с сыном Черного Карлика Д'Амарьяка... или наоборот, враждуют и не хотят, чтоб он получил богатое приданое девицы Брильен.

Надо будет расспросить Фифу. Наверняка она много чего знает о своем женихе.

Подумав об этом, Ольга прислушалась к разговору.

— ...раз мы учимся на одном факультете, то и жить должны вместе! — пела Фифа Элизе. — Не с темной же тебе делить комнату! Да она и не аристократка. Сразу видно, что из плебса.

Ольга про себя поморщилась. Ну что за дура, а? В упор не замечает что настраивает против себя не только «девку из плебса», но и саму Элизу. Которая, в отличие от Фифы, все прекрасно про Ольгу поняла.

— Смею еще раз напомнить, мы в академии, — строго прервала поток высокомерия Элиза.

— Ой, да помню я, здесь нет титулов. Братство и прочая ерунда! — отмахнулась веером Фифа. — Но ведь связями обрастают именно здесь! Так что держись меня, не пропадешь.

Сразу с двух сторон послышались одинаковые сдавленные стоны. Словно обоим кузенам кто-то наступил... ну, пусть будет на хвосты. Равенство равенством, но пока Ольга не была готова к общению а-ля конюхи. Тем более что выходцев из конюхов ей тут пока и не попадалось.

Вмешиваться в разговор она не собиралась. Пусть Элиза выбирает сама. Делить комнату с магом Смерти — в самом деле сомнительное

удовольствие для светлой целительницы. Слишком разная энергетика. Да и характером они с Элизой совершенно разные. Так что если та откажется, Ольга не станет обижаться.

Однако на предложение «держаться Фифы» Элиза вежливо поблагодарила и не менее вежливо напомнила:

— Я уже обещала Ольге. Уверена, ты найдешь себе более подходящую компанию. Вряд ли у меня будет особо много времени для бесед, все же два дополнительных курса.

— Но она темная! — не преминула напомнить Фифа.

— Именно, — кивнула Элиза. — Мне всегда было интересно понаблюдать за темными в родной среде обитания. Заодно и практика! Темная магия опасна, а значит — постоянные ранения, проклятия... О, это же великолепно! Потрясающе!

Фифа сделала большие глаза и бочком, бочком переместилась... да, именно. К Морису, своей опоре и надежде. По крайней мере, до нахождения подходящего принца.

Тот лишь обреченно вздохнул и смерил Фифу многообещающим взглядом. Таким, что Ольга на месте Фифы бежала бы без оглядки до самой франкской столицы.

Зато Элиза, мягко и нежно улыбнувшись, взяла Ольгу под руку и шепотом спросила:

— Ты же не считаешь меня маньячкой, правда? Я просто немножко увлекаюсь.

— Ну что ты, — улыбнулась ей Ольга. — Думаю, мы с тобой неплохо уживемся.

— Святые подвязки, они сговорились, — тоном святоши, ужасающегося демоническим проделкам, прокомментировал Ренар.

И Ольга с Элизой, не сговариваясь, рассмеялись.

ГЛАВА 6. О королях, капусте и Барготовой матери

Людвиг Бастельеро

Гельмут нашелся в Малой столовой, расчленяющим ни в чем не повинную котлету.

— Вон, — махнул он слугам, едва Людвиг вошел. — Нашел?!

— Нашел.

Гельмут вскочил из-за стола, шагнул к Людвигу, уронив вилку на пол. Бокалы и тарелки на столе жалобно зазвенели.

Бастельеро удивленно приподнял бровь, давно он не видел кузена в такой ярости. И это из-за одной строптивой невесты?

— Где она? Где эта неблагодарная русийская др-рянь?! — Гельмут злобно ткнул пальцем в грудь Людвигу.

Хорошо хоть не вилок.

Прежде чем ответить, Людвиг активировал купол малый акустической защиты.

— Ответь мне, кузен, что тебя укусило? Утром ты был огорчен, но настроен весьма философски. Неужели не вышло убедительно соврать драконам?

— Им соврешь, как же. — Король Астурии сдернул прилипшую к сюртуку салфетку, сжал — и она рассыпалась прахом. — Ашш был уже в курсе, что Ольга сбежала. Он мне даже посочувствовал!..

Все нецензурные эпитеты в адрес дракона Гельмут проглотил, словно тот мог слышать. Чему Людвиг бы ничуть не удивился.

Он и требованиям драконов насчет женитьбы Гельмута не удивился. Не совсем требованиям, конечно. Кто они такие, чтобы что-то требовать? Наоборот. Предложили подарок. На свадьбу Гельмуту, но только если она будет с русийской невестой. Потрясающий подарок: технологию межконтинентальных порталов, не зависящих от самих драконов. Не так, как во времена освоения Нового Света, когда для перехода нужен был драконий всадник. Сейчас драконьими порталами никто не пользуется, потому что всадник на весь континент один, Людвиг Бастельеро, да и драконов пока не густо — Фаби и сам Ашш. Наездами.

Ну кто бы смог отказаться от такого подарка? Тем паче, что Ашш тонко намекнул, что если свадьба не состоится, то технологию он вполне может подарить и франкам. У них как раз новый амбициозный император, весьма заинтересованный в Новом Свете, и ради порталов не то что жениться, он канкан на столе сплясать согласится.

— Зато врать не пришлось, — пожал плечами Людвиг.

— Как будто Ашша это волнует! Он сказал, что готов подождать год, не больше. И если я не готов помочь им исполнить какое— то там пророчество, они будут искать другие пути. А значит — порталы достанутся франкам!

— Целый год, Гельмут.

Но кузен не слышал голоса разума.

— Пророчество! У них пророчество, а у меня нервный тик! Ты бы слышал, как меня отчитали! Как мальчишку!

Гельмут зарычал, сжимая кулаки. Посуда на столе снова жалобно зазвенела. Стекла в окнах — тоже.

Так вот в чем причина бешенства кузена, усмехнулся про себя Людвиг, но внешне остался спокоен как скала. Задетое чувство собственного величия. Королю напомнили, что его королевство для живущих среди звезд драконов — все равно что крохотная деревушка.

— Никто кроме тебя этого не видел, так что можешь успокоиться, — выстрелил наугад Людвиг. И попал. Гельмут слегка сбавил тон.

— Так где она?

— В Академии.

— В Академии?! — на мгновение Гельмут замер, словно не веря своим ушам, и снова задрожал от ярости. — Поехали! Я сам вытащу ее оттуда! И верну Игор-рю вместе с ее проклятым приданым! Потребую другую невесту! Есть же в России приличные девушки, которые не сбегает через окно! Да любая принцесса будет счастлива выйти за меня замуж!

— Разумеется, Гельмут, ты — самый завидный жених континента, — успокаивающе проговорил Людвиг.

— Именно! Я предложил ей себя и корону, а она?! Мерзавка! Пусть убирается, я женюсь на... на... да хоть на младшей дочери Игоря! Отлично воспитанная, милейшая принцесса!

— Ей всего девять лет! Гельмут, ты же собирался женить на ней своего сына!

— Плевать! Мы сейчас же едем в Академию, и я...

Стекла в малой столовой задребезжали сильнее, какой-то слабонервный бокал со звоном раскололся.

Людвиг перехватил августейшую руку и сжал, принимая на себя и гася начинающуюся бурю. Хоть Гельмут и не отличался особой силой дара, но в гневе... Нет-нет. Хватит им разрушенной Академии. Еще и рухнувший дворец — это будет слишком.

— Плохая идея, ваше величество. Вы же сами не хотели скандала.

Гельмут дернул плечом и вырвал руку.

— Плевать на скандал. Эта... — он проглотил что-то нецензурное, — посмела выставить меня дураком перед драконами! Да и перед всем миром!

— Мир еще не в курсе скандала. Помолвки пока не было...

— Помолвка должна была быть сегодня! Не делай вид, что не понимаешь! Твою...

— А вот матушку не трогай, а то еще явится. Тебе нужна помощь моей матушки, Гельмут?

— Нет!

— Вот и я думаю, что ты справишься сам. Скандала пока нет, и вообще... ты же прогрессивный король!

О Создатель, как же Людвиг ненавидел политические игры, и особенно придумывать всякие хитрые ходы! Он некромант, а не царедворец, Баргот дери!

— Кончай льстить, Люци, — поморщился Гельмут. — У тебя есть идея?

— Есть, — вздохнул Людвиг. — Раз уж вытащить ее из Академии все равно нельзя...

— Еще как лъзя, — снова набылчился Гельмут.

— Нельзя! Если ты будешь нарушать собственные правила, медяк им цена! И не рычи. Ты прогрессивный король, сила твоего государства в магии. А магии нужно учиться, и учиться серьезно.

— Кор-р-роче!

— Ты отправил Ольгу учиться. Редкий дар государственной важности нужно развить! Наша обороноспособность резко возрастет! Тем более сейчас, когда во Франкии молодой император. У него амбиции, а у нас?

— А у нас — ты, и если ему кажется мало...

— А у нас еще и королева — маг Смерти. Очень полезно для внешней политики, не находишь? Немного шума в прессе, дополнительные стипендии для одаренных женщин, выгодные контракты для выпускников — и все их магички станут нашими. Ты же сам этого хотел.

— Хм. Был один кошмарный Бастельеро, а станет еще и кошмарная Хаас-Волкова-Мортале? Возможно, в этом что-то есть.

Людвиг выдохнул. Раз Гельмут начал думать, а не рычать и бить стекла, значит — катастрофа миновала. Кузен еще немножко подумает найдет еще десяток плюсов и придет к тому, что его личная королевская идея позволить Ольге учиться в АМН поистине гениальна.

— Конечно, есть! Тем более, никто не мешает вам продолжать появляться на публике вместе. Опера, приемы во дворце. Княжна не сможет отказаться, она привыкла к блеску, роскоши, галантным ухаживаниям, балам...

— Хм. Особенно по сравнению с тяжелой жизнью простой студентки, — ухмыльнулся Гельмут.

— Очень тяжелой, — обреченно кивнул Людвиг.

— Скажи мне, Люди, ты же принял предложение Курта? И у первого курса будет самый кошмарный и злобный преподаватель?

— Самый злобный, кошмарный и ужасный куратор курса. Баргот во плоти.

Не то чтобы Людвигу особенно хотелось преподавать. Но уж если его вынудили — то не он один будет страдать!

— Ты уж постарайся, Люди, чтобы твоя студентка сама сбежала из Академии после первого же семестра.

— Ну... репутация династии... — пожал плечами Людвиг.

Гельмут зарычал. Стекла задребезжали.

— ...не слишком пострадает, если будущая королева отучится всего год.

— Год. Ладно. До лета я подожду, но...

— ...тебе придется за ней ухаживать, — с тщательно скрываемым злорадством напомнил Людвиг. В конце концов, не ему же одному страдать. — Всерьез, чтобы она поверила.

Гельмут поморщился.

— Глупости. Парочки балов и полудюжины опер будет достаточно.

— Для строптивой девицы, которая сбежала через окно? Ну... тебе виднее, ты ж король, — сделал Людвиг подхалимские глаза.

— Твою ж ма...

— Конечно, ты можешь спросить совета у моей матушки. Принцесса Эмма будет рада помочь твоему счастью, она признанный эксперт в деле соединения любящих сердец, — сказал Людвиг и на всякий случай отскочил.

Вовремя. Хоть он и не хрустальный бокал, чтобы трескаться от королевского гнева, но Гельмут и так треснуть может По — братски.

— И чтобы тетушке Эмме — ни слова, ты понял?

— Конечно, ваше величество. Разумеется, ваше величество. Будут еще пожелания, ваше ве...

— Будут. — Гельмут резко посерьезнел. — На, читай.

Гельмут выхватил из-за отворота рукава бумажку и сунул ее под нос Людвигу. А сам принялся ходить по столовой, заложив руки за спину. Причем с каждым его шагом настроение короля опять портилось.

— Академия! Снова Академия! Рассадник заговоров! Какого Баргота я не повесил Курта в прошлый раз, ты мне не напомнишь, кузен?

Людвиг прочел — и выругался. Вслух. Как совершенно не подобает при короле.

— Откуда эта дрянь?

— Откуда? Ты меня спрашиваешь, полковник?! Нет, Люди, это ты выясни, как эта дрянь затесалась среди дипломатической почты на моем столе! И если доктор Курт не сумеет доказать, что он больше не связан с мессерами и не пытается подчинить себе всех темных магов континента — ты лично его казнишь. Потому что только благодаря тебе участие в прошлом заговоре сошло ему с рук.

— Гельмут, ты прекрасно знаешь...

— Я вижу, что влияние Курта растет. И вижу, что он сумел договориться с драконами. Чай с Ашшем распивает! И я совершенно не уверен в том, что твой Курт собирается ограничиться одной только наукой, а не сменить астурийскую династию!

— Баргот дери, Гельмут, да зачем ему твой трон?! Как будто своих забот мало!

— Вот даже не знаю, Люди, зачем мой трон всем тем, кто пытался его занять. А ты не знаешь? Кстати, если ты забыл, ты — второй в очереди наследования, так что после меня и Отто — покатится твоя голова. И никакие общие научные интересы тебя не спасут. И драконы не спасут.

— Не разводи паранойю, Гельмут. Третий в очереди — Фаби, а мой сын, если ты не забыл — дракон. Так что Курту в любом случае ничего не светит. Он всего лишь пятнадцатый. Или шестнадцатый?

— Что-то не припомню, чтобы такие мелочи кого-то когда-то останавливали! Так. Люди. Ты понял задачу?

— Понял, ваше величество.

— Вот и хорошо. Да, будь любезен, проследи, чтобы Курт или кто-то еще не завербовал княжну Волкову-Мортале!

— Да, мой король.

Барготовы подштанники. У Гельмута обострение паранойи. Убить, что ли, эту дурную девицу самому? Свалить на недобитых мессеров, написать красивый отчет — и уехать в отпуск. На год. Нет, на два года! Куда-нибудь на родину своей любимой супруги Рины, уж в другом мире Гельмут точно не достанет.

— И чтобы ни один волос не упал с головы Ольги! Эта дерзкая девица еще поймет, что потеряла!

— А она потеряла?

— Бар-р-ргот! Нет! Она выйдет за меня, как миленькая. По любви выйдет не будь я... что так смотришь, Люци? Думаешь, я не сумею влюбить в себя какую-то строптивую девчонку?

— Я ни секунды не сомневаюсь в вашем величестве.

— И правильно делаешь.

— Как бы я посмел, ваше величество? И ведь в конце концов, вы всегда можете попросить помощи у принцессы Эммы Бастельеро-Хаас. .. — на последних словах Людвиг тихонько отступил к двери.

— Бар-р-рготова мать! — зарычал Гельмут и что-то швырнул ему вслед.

Ну, «что-то» все равно попало в дверь, так что не важно, что это было.

Хоть Людвиг и не совсем Баргот, но его матушка... по крайней мере — старшая сестра Барготовой. А то и сам Баргот во плоти.

ГЛАВА 7. О троллях, фуриях и убийствах

Ольга

Студенческое общежитие находилось здесь же, на территории АМН. Только сейчас, выйдя из главного корпуса и толком оглядевшись, Ольга оценила размеры академгородка. Это в самом деле был целый город внутри города: с садами и парками, оранжереями, конюшнями, мастерскими, жилыми и научными корпусами. По дороге к строгому пятиэтажному зданию, окруженному садом, они прошли даже вольеры с какими-то диковинными животными, не факт, что родившимися в этом мире.

В самом общежитии ничего выдающегося Ольга не заметила, ну, не считая разнообразных и разноцветных растений, сплошняком оплетающих фасад. Кое-какие из них походили на синий и оранжевый виноград, другие — на металлически позвякивающий плющ, кое-где торчали крупные цветы с зеркальной сердцевинкой, поворачивающие головки за солнцем...

— Ой, это же драконий сон! — позабыв о манерах, внезапно заверещала Элиза и бросилась к какому-то невзрачному кустику.

Но едва она ступила на траву, раздался механический голос:

— Ходить по газонам запрещено. Вернитесь на дорожку. Ходить по газонам...

Ольга поморщилась, настолько голос был противным. Словно скрип ногтями по стеклу. А главное — он не умолк до тех пор, пока Элиза не сошла с травы обратно на мощеную дорогу к общежитию. Ужасно раздосадованная и смущенная.

— Убью Роберта, — проворчала она.

— За что? — поинтересовалась Фифа.

— Это... семейное дело, — фыркнула Элиза слишком кровожадно для целительницы. А Ольге объяснила: — Здесь растут редчайшие образцы флоры со всех континентов. И особенно удачные работы выпускников Зеленого факультета. Драконий сон...

— Тебе нужна эта трава, крошка? — вкрадчиво поинтересовался Морис.

— Я бы не отказалась, но...

— Для этого необязательно ходить по газонам, — заявил нахал.

Вытащив из рукава странного вида нож, что-то над ним шепнул, на миг окутался багровой дымкой темной магии и метнул нож к кусту. Фифа ахнула — не то восторженно, не то испуганно. А Ольга внимательно проследила за полетом ножа туда и обратно, прямо в руки Морису. Вместе с веточкой пресловутого драконьего сна. Которую Морис тут же с поклоном подал Элизе, правда, кинув при этом самодовольный взгляд на Ольгу.

— Прошу, мефрау.

— Благодарю, — чинно кивнула бриттка и бережно убрала веточку в ридикюль.

— Так-так. Только поступили, и уже нарушаете? — тут же послышался строгий, но вполне живой голос с легким франкским акцентом. Из-за пышного дерева с фиолетовыми листьями выглянула изящная шатенка в модной шляпке с вуалеткой и погрозила Морису пальцем, затянутым в кружевную перчатку. — Вы далеко пойдете, юноша. Если вас не отчислят в первом же семестре.

Морис недовольно скривился, но тут же галантно улыбнулся:

— Фрау Курт, какая приятная встреча.

— Не уверена, что приятная, шевалье... хм... Бюсси, — фрау Курт так произнесла его фамилию, что даже глухому стало бы понятно: она фальшивая, а сама фрау предпочла бы увидеть Мориса где-нибудь на кладбище под надежной мраморной плитой. — А вы — мефрау Вульф... О, уверена, вам будет очень интересно здесь учиться.

От этого обещания у Ольги по спине пробежал холодок. Ей уже было очень интересно, что же здесь такое творится и чем успели Морис и Ренар насолить супруге доктора Курта. И какая же их настоящая фамилия? Что-то такое у нее вертелось, связанное с именем Соланж, но пока не складывалось в цельную и правдоподобную картину.

— Благодарю, фрау Курт, — сдержанно кивнула Ольга.

— Тори, милая, называй меня просто Тори. А вы?..

До того молчавший Ренар представил ей Элизу и Фифу, а затем фрау Курт вызвалась проводить их до комнаты комендантши. По дороге она щебетала без умолку: о том, что в студенческую столовую можно ходить в любой день, кроме четверга, что лазить по таким

заманчивым лозам не стоит, некоторые из них плотоядны и ядовиты, что жить первокурсникам придется на пятом этаже, а посещать женское крыло мужчинам можно только до семи вечера, а комендантша общаги — настоящая фурия, и это не фигура речи, она в самом деле фурия...

Прервал ее щебет грозный голос, слишком низкий и хриплый для женщины:

— Это кто еще тут фурия, — раздалось из темноты коридора.

— Ой, — сказали в один голос Ольга с Элизой, а Фифа слегка взвизгнула.

Под потолком зажегся слегка дрожащий свет. А под светильником обнаружилась весьма колоритная дама с ярко-фиолетовой высокой прической, одетая в черное пышное платье и ужасные грубые ботинки на толстой подошве. На ее мускулистых руках были перчатки без пальцев, за ухом торчала отвертка, а в волосах — тлеющая сигарета в длинном костяном мундштуке. Сама она стояла на стремянке, а стремянку придерживал... придерживало... Нечто человекоподобное, но зеленое и словно грубо вытесанное топором.

— Тролль? — расширив глаза, прошептала Фифа.

— Свободен, — велела фурия, похлопав тролля по плечу и сунув ему в руку (лапу?) ярко-оранжевую морковку, извлеченную из кармана.

Тролль радостно угукнул, подхватил стремянку и потопал прочь, хрустя морковкой.

— Ваше новое пополнение, фрау Марта, — пропела явно довольная удивлением будущих первокурсников Тори Курт. — С этими юношами будьте поостроже. Темные, сами понимаете.

Морис тихонько зарычал. Ренар хмыкнул и, оттеснив брата, подошел к комендантше.

— Рады знакомству с вами, прекрасная фрау Марта. Поверьте, мы — самые мирные, законопослушные и не беспроблемные из всех ваших постояльцев.

Фрау Марта хрипло рассмеялась и потрепала Ренара по щеке.

— Да-да. А я — невинная невеста Создателя, милый.

— Очень похожа, — буркнул Морис, заработав от фрау Марты пронзительный желтый взгляд, так и говорящий: я тебя, милый, я запомню отдельно.

— Ну, до встречи, дорогая, — прощепетала фрау Курт и ушла, вызываяще покачивая бедрами.

Морис с Ренаром проводили ее нечитаемыми взглядами. Ольга бы дорого дала, чтобы узнать, о чем они в этот момент думали. Потому что это явно было не восхищение походкой.

— Отставить пялиться! — рявкнула фрау Марта.

Вся компания студентов дружно вздрогнула и обернулась к ней.

— Итак. Первое правило общежития: я всегда права. Кто спорит со мной, вылетает отсюда на счет «раз». Усвоили?

— А... как же... — начала Фифа.

Элиза дернула ее за рукав, а Ольга наступила на ногу. Ну что за дурой надо быть, чтобы сейчас лезть, а?

— Усвоили, вижу, — довольно кивнула фрау Марта и, вытащив сигарету в мундштуке из прически, с удовольствием затянулась.

— Правило второе: никакой магии, кроме бытовой и целительской. И если я говорю «никакой», это значит вообще никакой, даже если некоторым умникам кажется, что они великие маги и непревзойденные шпионы.

На этих словах фрау Марта ткнула мундштуком в сторону Ренара. Тот примирительно улыбнулся:

— Мы усвоили.

— Ну-ну, посмотрим, — сузила глаза фурия. — За первое нарушение — штраф, за второе — вылет из общежития. Для домашних заданий есть полигоны, записываться заранее. Там, — она махнула в сторону общего холла. — Там же расписание занятий и доска объявлений. Так. Где ваши бумаги? Не стоим и не задерживаем!

Под ее взглядом все пятеро достали выданные Куртом направления, не очень понимая, что дальше с ними делать. В коридоре-то. Но фрау Марта лишь хмыкнула, щелкнула пальцами — и бумажки вырвались из рук, вспорхнули и стайкой полетели в ближайшую открытую дверь. Что поразило Ольгу, при этом никаких видимых проявлений магии не было! Ни темной, ни светлой, ни стихийной. Словно фрау Фурия пользовалась каким-то совершенно иным видом энергии.

Поймав взгляд Ольги, та подмигнула. И прозвенела пятью ключами, невесть откуда появившимися в ее руке.

— Ваши комнаты на пятом. Мальчики налево, девочки направо. Отбой в двенадцать, после отбоя бродить по общежитию нельзя.

— Штраф за первое нарушение? — ехидно подняв бровь, спросил Морис.

— Ну что ты, милый, — ласковым басом пропела фрау Марта. — Никаких штрафов, этого даже в правилах не прописано. Гуляй на здоровье. Темных магов у нас особенно любят.

От ее тона Ольга поежилась. Почему-то слова о любви к темным магам прозвучали куда страшнее, чем «вкусные мозги».

— Еще вопросы есть? Нет? Вот и хорошо, вот и правильно. Белье в комнатах, брошюры с правилами там же. Форменные мантии получите у кастеляна. — Фрау оглядела их еще раз, особо остановившись на двух огромных чемоданах на колесиках, принадлежащих Фифе. — Хе. А грузчиков у нас нету, милая. Разве что с Гхыром договоришься. За морковку. Хе-хе. Ну, что стоим? Ступайте, не задерживайте процесс, вы тут не одни. Те-емные ма-аги.

Глумливый хриплый смех сопровождал их всю дорогу до лестницы. Ольга порадовалась, что не стала брать ничего, кроме смены белья, трех книг по магии Смерти и минимального набора предметов гигиены. Элиза со своим клетчатым чемоданчиком и парни со скромными саквояжами тоже не должны были испытывать трудностей. Тем более что багаж Элизы вместе со своей сумкой всю дорогу от главного корпуса левитировал Ренар, а для Ольги то же самое делал Морис. Он же тянул чемоданы Фифы — насколько Ольга успела заметить, эту «почетную» обязанность парни разыграли между собой, кинув монетку.

Примерно на половине дороги к лестнице они столкнулись с первой партией счастливых первокурсников, размахивающих своими документами на заселение. Студенты смеялись, знакомились, ругались — гам стоял такой, что уши закладывало. Морису пришлось прокладывать путь через эту толпу, работая локтями и грозя проклясть неповоротливых идиотов ко всем демонам Бездны. Что, по скромному мнению Ольги, не способствовало будущей дружбе. Но это уже не ее проблемы, не так ли?

По счастью, в холле перед лестницей толпы еще не было. Они оказались самыми первыми. И, не задерживаясь, стали подниматься на свой этаж.

А вот для Фифы и ее чемоданищ все оказалось не так просто. Или у кузенов оказалось недостаточно магии, чтобы поднять ее багаж, или слишком много вредности, чтобы сделать это без слезных просьб. Ольга склонялась ко второму варианту. Фифа же где-то позади и внизу упрашивала хоть тролля нанять, только чтобы ее драгоценный гардероб не пострадал.

— Не представляю, что Фифа набрала, — удивилась Элиза. — Кроме мантии нужна спортивная форма, форма для занятий на полигоне, ну и парочка нарядов для выхода в город. Зачем тащить гардероб, когда можно все купить на месте? Не понимаю.

— Фифа прибыла сюда не учиться, а заводить связи, — напомнила Ольга, у которой даже спортивной формы еще не было, зато свой саквояж она несла наверх без малейших проблем. — Какая у нас комната?

— Пять-а-тринадцать, — улыбнулась Элиза заглянув на выбитую на брелоке цифру.

— У нас пять-б-двадцать два, — спокойный голос Рене раздался за их спинами.

Ольга от неожиданности вздрогнула. Оглянулась. Они с Элизой шли по лестнице довольно быстро, как калека смог не отстать и даже не запыхаться? В самом ли деле он — калека, ведь он как-то сумел вытолкнуть ее из-под мобиля и поймать, чтобы она не упала и не расшиблась. Или ее безумная выдумка о крыльях химеры оказалась правдой? Что на самом деле скрывает его горб? А зачем ему маска? И почему фрау Курт ненавидит обоих кузенов? Ох, сколько вопросов, и с каждым шевалье выглядят все подозрительней.

К тому же, привыкнув к чарующему голосу Ренара, Ольга стала замечать и кое-что еще. А именно — неоднозначные взгляды. На нее. Не прямые, а пару раз пойманные в случайных отражающих поверхностях. Слишком холодные и оценивающие взгляды, совершенно не соответствующие мягкому тону, галантности и... и тому, что он ее спас от верной смерти под колесами.

Надо будет во всем этом разобраться. Чем скорее, тем лучше. А пока — не доверять никому. Даже Элизе.

На пятом этаже лестница расходилась в разные стороны и еще через один пролет выходила в коридоры отделенные от лестницы крепкими обитыми железом дверями. Рене, махнув на прощание рукой

скрылся за темно-синей дверью с литерой «Б», а девочки направились к небесно-голубой.

— Ой!

На предпоследней ступени надежный, новый саквояж вдруг выскользнул у Ольги из рук, оставив в ладони кожаную ручку. Вещи рассыпались по лестнице, вниз покатались склянки с зельями и косметикой. Хорошо, что зачарованные! Ольга бросилась за ними, успев крикнуть Элизе:

— Иди, я догоню!

— Помощь нужна?

— Нет, я справлюсь!

Она сбежала на пролет вниз за последним пузатым флаконом духов и уже повернула назад, когда ощутила тревожную вибрацию заколки-артефакта. На лестнице резко потемнело, а ступени позади и впереди начали исчезать, таять, открывая бездонную пропасть с клубящейся багряной тьмой где-то очень далеко внизу.

— Этого не может быть! — шепотом попыталась она успокоить себя. — Это же иллюзия? Что-то типа испытания для первокурсников? Посвящение в студенты?

Она попробовала наколдовать отмену иллюзий, но ничего не вышло. Ступени таяли, таяли... камень под ее ногами стал прозрачным и исчез.

Ольга взвизгнула и ухватилась за перила, прежде чем упала в бездну вслед за собственным саквояжем. Грустный звон разбившихся флаконов вывел ее из наваждения. Багровая бездна стала всего лишь предыдущим пролетом лестницы, где-то в четырех метрах внизу. Упасть туда — значило наверняка переломать ноги, а то и шею!

Она от страха забыла о запрете на колдовство и попробовала отлевитировать себя в безопасное место или хотя бы плавно спуститься вниз. Не вышло. Это заклинание ей и на уроках-то давалось с трудом и не всегда, а сейчас — не получилось даже облегчить собственный вес.

Вися на перилах, Ольга с ужасом смотрела, как с треском и шипением исчезает пол. Растворяется. Вот уже растворяется и основание перил, ее последней опоры...

Надо прыгать. Еще немного, и страшное заклинание доберется до ее рук... ох, нет! Ей совсем не хотелось проверять, не перекинется ли

оно на живую плоть!

Зажмурившись и пискнув «помоги мне, Сестра!», она разжала руки и упала...

Вместо твердого камня ее подхватили чьи-то сильные руки. Кто-то выругался по-франкски прямо над ухом. А кто-то поблизости завизжал, словно его (ее) резали без наркоза.

— Ой, — сказала Ольга, открывая глаза и обнаруживая себя на руках у Мориса.

— Да уж, веселье хоть куда, дорогуша, — ухмыльнулся тот, склоняясь к ней, и... поцеловал.

Ольга задохнулась и замерла. Всего на миг. От неожиданности, только от нее! А вовсе не потому, что это было приятно. Нет и еще раз нет! Просто он...

— Нахал! Отпусти сейчас же! — потребовала она, вырываясь.

— Ну слава Единому, жива и здорова, — еще более довольнo ухмыльнулся Морис, опуская ее на пол.

Правда, как-то странно опуская — так, что она проехала по нему всем телом. Ужасно неприлично! И стояла тоже неприлично, все еще касаясь мужского тела, ощущая его тепло, к которому отчаянно хотелось прислониться, и чтобы сильные руки не отпускали ее, держали в безопасности. И плевать, что Фифа смотрит на нее так, словно убить хочет.

— Отпусти меня, — тихо, но твердо велела Ольга.

— Если обещаешь больше не падать никому на голову, дорогуша.

— Как будто это я затеяла! — возмутилась Ольга и задрала голову. Наверху была дыра.

Вот так просто, дыра в каменных ступенях. Словно кислотой проеденная.

— Это ж сколько кислоты надо, — обхватив себя руками и пытаясь не дрожать, прошептала Ольга.

— На кислоту не похоже. Запаха нет, и не капает, — возразил Морис.

— Это магия, — встряла Фифа, ее голос подрагивал и срывался от страха. — А еще говорили, что в общегитии она не действует.

— Ничего подобного, — возразил Морис. — За неположенную магию штрафуют и выгоняют. Блокатора здесь не стоит.

— Штрафуют... Значит, Фурия как-то узнает, кто колдовал? — нехорошо обрадовалась Ольга, предвкушать справедливую месть было куда приятнее, чем дрожать или, упаси создатель, плакать.

— Я принесу тебе его голову, — без ухмылки пообещал Морис, и Ольга поверила: этот — принесет. Даже не поморщится.

— Надо позвать фрау Марту, — снова встряла Фифа и тут же обернулась к троллю, тащившему ее два чемоданища: — Есть другой путь вверх?

— Угу, — закивал тот и клыкасто разулыбался. — Мой показать. Два морковка!

— Показывай, — распорядился Морис, кинул еще один взгляд вверх, присвистнул и потянул Ольгу прочь, за троллем, который направился к дверям третьего этажа. — А ты держись за меня. Не хватало только обмороков.

Ольга презрительно фыркнула и вырвала руку.

— Не дожدهшься.

— Да ну, дорогуша? Кстати, твой багаж. — Он поднял заклинанием левитации благоухающий разбитыми духами саквояж и подал Ольге. — Жаль твои платья, но ты и без них ничего так.

От пощечины он увернулся и непристойно заржал, не обращая внимания ни на разъяренную Ольгу, ни на обиженную Фифу.

За комендантшей отправился единственный третьекурсник, найденный на третьем этаже. Ольга даже не поинтересовалась его именем. Не успела. Вообще-то все организовал Морис: и вломился в чужую дверь и непререкаемым тоном велел бегом бежать к Фурии с докладом о провалившейся лестнице.

— В смысле, провалилась? — у третьекурсника сделались очень большие глаза.

— В том смысле, что тебе надо идти, а не задавать глупые вопросы! Я перекрою лестницу, чтобы никто больше не провалился. Что стоим? Бегом!

— Вас трое, вот сами и. . . — запротестовал парень, явно не желающий лишний раз попадаться на глаза комендантше.

— Живо, я сказал! — Морис с угрожающим видом шагнул к парню. Вокруг него разлилось багрово-черное мерцание, отчетливо пахнущее кровью и дымом.

Третьекурсник вздрогнул, буркнул под нос что-то вроде «проклятые темные» и пошел-таки вниз.

— Хороший мальчик, — ухмыльнулся ему вслед Морис и повернулся к несколько растерянным Ольге и Фифе.

— Тролль вас проводит, а мне в самом деле нужно перекрыть лестницу. Сейчас сюда повалят толпы первокурсников, и упаси Единый, кто-то сорвется в дыру. Если увидите что-то подозрительное, кричите. Громко.

— Морис, ты же не бросишь меня одну! А вдруг там... — чуть не заплакала Фифа.

— Прекрати, — оборвала ее Ольга. — Ты не одна. Нас трое.

— Детка, не надо драмы, ты не в опере, — отмахнулся от Фифы Морис и пообещал Ольге: — Я приду к вам и расскажу все, что узнал, — и унесся обратно на лестницу.

Почему-то Ольга была уверена, что не столько в заботе о безопасности первокурсников, сколько из любопытства. Ей тоже было любопытно до ужаса, что за дрянь там случилась и предназначалась та дрянь лично ей или кто-то гадил наобум. Однако соваться туда прямо сейчас было немножко выше ее сил. Все же она перепугалась почти до истерики. Вон, коленки до сих пор дрожат, а в животе крутит.

Следуя за груженным троллем и пропуская мимо ушей нытье Фифы, она прикидывала вероятности. Мог ли кто-то охотиться конкретно за ней, княжной Волковой-Мортале? И если мог, то зачем? Вряд ли ее смерть кому-то выгодна, кроме оставшихся в России дальних родственников. Узнать, что она сегодня будет в общежитии АМН и устроить покушение они бы не смогли.

Брошенный почти у алтаря король Гельмут? Нет, это совсем бред. Он мог бы прислать за ней кого-то из статс-дам, если бы знал, где искать. А если бы решил убить... ну... У него есть кузен Людвиг, милейший полковник государственной безопасности. Шуточки с проваливающимися лестницами недостаточно серьезны для звания Ужаснейшего Некроманта Всея Старого Света. Вот если бы на нее напали вестники смерти или открылся портал в бездну — тогда это определенно было бы делом рук Бастельеро. Правда, Ольга бы в этом случае уже вряд ли осталась в живых. Так что нет, это не Гельмут и не Людвиг.

Кто еще может желать ей смерти хотя бы теоретически? Честно говоря, больше никого на ум и не приходило. А значит — она просто случайно влипла в неприятности, предназначенные кому-то другому.

Что определенно хорошо. Потому что дает ей намного больше шансов выжить, чем если бы охотились непосредственно за ней.

С этой оптимистичной мыслью Ольга и толкнула дверь тринадцатой комнаты.

— Что-то ты долго, я уже волноваться начала! — обернулась к ней Элиза.

— А, немного задержалась, — пожала плечами Ольга. — Ничего страшного.

— Точно? Ты совсем бледная! — не поверила Элиза, подскочила к ней, выхватила из рук саквояж и усадила на стул. — Что случилось?!

Сжав руки, чтобы прекратили дрожать, наконец-то, Ольга улыбнулась и как можно спокойнее сообщила:

— Лестница растворилась. Но никто не пострадал, кроме моего саквояжа. Боюсь, теперь мои книги можно будет использовать как средство от комаров.

— Погоди-погоди. Как растворилась?

— Магически, как еще-то. И я понятия не имею, что это за магия такая. На некромантию, темную магию и стихийную не похоже.

— Хм... Давай-ка я сделаю чаю с ромашкой, и ты все подробно расскажешь.

Ольга лишь пожала плечами. Не то чтобы ей требовалось успокоительное, но в горле точно пересохло. И требовалось хорошенько подумать. Но сначала хоть осмотреться.

Комната, в которой их с Лиз поселили, была маленькой, скромной и чистой. Всего одно окно, беленые стены, небольшой гардероб, две узкие кровати, письменный стол и ниша с плитой, столиком, раковиной, холодильным шкафом и полочкой для посуды. Ну и дверь в туалетную комнату. По меркам княжны — убожество, недостойное даже кухарки. Но с другой стороны, роскошные апартаменты у нее уже были, а опыта самостоятельной жизни — не было. Так что стоило рассматривать новые условия с точки зрения бесценного опыта, который никак нельзя получить во дворце.

Да и Элиза, наверняка привыкшая к тому же, к чему и Ольга, уже освоилась. Она кипятила воду в фарфоровом чайнике — бытовые чары

ей явно давались лучше, чем Ольге. Что было неудивительно, потому что магия Смерти и бытовые чары, увы, абсолютно несовместимы.

— Бутерброд с сыром будешь? — спросила Лиз, не оборачиваясь.

— Буду.

— Мама не доверяет местным сыроделам. Впрочем, пекарям и колбасникам тоже. Так что, думаю, мы не успеем съесть все, что мне положили с собой, как мне пришлют еще тонну или две лучшей бриттской провизии.

— Заботливые родители — это прекрасно! — со всей ответственностью заявила Ольга, впиваясь зубами в первый бутерброд. — У тебя отлично выходят бытовые чары.

— Ну, мне приходилось практиковаться как сестре милосердия. Без бытовой магии в больницах никуда. Могу тебя научить.

— Боюсь, не выйдет. Моя магия совмещается только с темной и стихийной. С бытовой — непримиримый конфликт. Зато я умею заваривать чай. Пятнадцатью способами. И варить яды.

— Ты изучала зелья? — оживилась Элиза.

— Немножко. Но вообще-то все, что я варю — это яд, — вздохнула Ольга. — Даже если это просто куриное яйцо. Мы с папой проверяли.

— Серьезно, просто отваренное в чистой воде яйцо становится ядовитым? — нехорошо обрадовалась Лиз. — Потрясающе! Сваришь для меня?

— Эй, ты же не станешь проверять это на себе!

— Ну... не стану, конечно, — не очень убедительно ответила Элиза. — Ты чай-то пей. У меня отлично получаются укрепляюще. Но курсовую я, наверное, буду писать по противоядиям...

Ольга лишь фыркнула. Похоже, в соседки ей досталась та еще маньячка от науки. Да и вообще компания у них подобралась просто изумительная, выяснить бы еще, кто такие на самом деле Ренар и Морис... Хм... если ловушка на лестнице была предназначена не Ольге, то...

— Лиз! — поставив чашку с недопитым чаем на письменный стол, временно накрытый льняной скатертью, Ольга подалась к подруге и внимательно посмотрела ей в глаза. — Скажи-ка, кто хочет тебя убить?

ГЛАВА 8. О колбасе и путанице в показаниях

Ольга

Дорогие однокурсники в количестве трех штук явились, когда Элиза со всей бриттской педантичностью доказывала, что ее смерть совершенно не выгодна ровным счетом никому. На конспирацию касательно своей настоящей фамилии она наплевала, как, впрочем, и Ольга. Когда речь идет о сохранности собственной жизни, подобные мелочи как-то отходят на задний план.

— Вкусно пахнет! — первым делом заявил Морис и непринужденно уселся на ближайшую кровать.

Один из бутербродов с лучшей бриттской колбасой тут же оказался у него в руке. Темным магам, в отличие от магов Смерти, бытовые чары прекрасно давались.

— Отлично пахнет, — согласился горбун. — Вот это я понимаю — военный совет и никаких истерик. Ольга, я в восхищении.

Прихватив единственный в комнате свободный стул, он поставил его рядом с ней. И, прежде чем Фифа успела сделать последний шаг — уселся на стул сам.

Фифа тут же негодуя заверещала, выражая все свое возмущение столь вопиющим хамством:

— Рена-ар!

На что получила ледяной взгляд и пожатие плечами:

— Странно было бы ждать галантности от убогого калеки, не способного...

— Ренар, прекрати! — вспыхнула Фифа, которую явно процитировали дословно.

— Я и не начинал, — так же холодно ответил горбун и повернулся к Ольге с совершенно иным выражением, даже голос вновь стал не колючим, а мягким и чарующим: — Прости, мне не стоило так торопиться. Если бы я задержался хоть на полминуты, успел бы тебе помочь. Я рад, что хотя бы этот пижон успел вовремя.

— Мори-ис... — вклинилась разобиженная Фифа ровно в тот момент, когда Ольга в знак прощения предложила горбуну бутерброд с

колбасой и сыром. Хотя честно не понимала, где он тут углядел повод для извинений. Он и так уже спас ее один раз. — Ты... ты вот так просто это оставишь?

— Хм. Очень вкусная колбаса, — высказался красавчик, проигнорировав недовольный писк.

Ольга мысленно хмыкнула. Интересные все же отношения у кузенов. Сам Морис совершенно не стесняется называть Ренара уродом и наверняка как-то похуже, но когда о его уродстве проходится Фифа — поддержки от Мориса ей не получить. Любопытно, с чего бы Фифе вообще пришло в голову оскорблять горбуна. Тем более так глупо. Горбун или нет, но Ренар вовсе не производил впечатления беспомощного калеки. Даже близко. Урод — да, и то... в его безобразии было даже что-то завораживающее.

— Берите еще, у нас много, — миролюбиво отозвалась Элиза. — Фифа, ты можешь сесть на кровать. К сожалению, стульев больше нет.

Возмущенно посопев еще пару секунд, Фифа развернулась и выбежала из комнаты, громко хлопнув дверью. Ренар сделал вид, что этого не заметил. Зато заметил Морис: хмыкнул, укоризненно покачал головой и прокомментировал:

— Примадонна обиделась.

— Обижать магов, дорогуша, довольно рискованное дело, — в тон ему сказала Ольга. Все же хамства по отношению к девушкам она не одобряла, даже если те сами нарвались. — Может прилететь, когда не ждешь.

Морис рассмеялся, едва не поперхнувшись остатком бутерброда. А вместо него ответил Ренар:

— На таких прекрасных девушек, как вы, мои дорогие, даже у моего придурочного кузена рука не поднимется.

— А у тебя, Рене? — не очень понимая, с чего вдруг язык стал шевелиться быстрее мозгов, спросила Ольга, внимательно глядя в разноцветные глаза.

Очень, очень честные и восхищенные глаза, тут же ставшие грустными.

— Ты же не всерьез. — Он даже чуть отодвинулся и отложил недоеденный бутерброд.

— Вообще-то нам серьезно нужно разобраться, что за демонщина творится, — вмешалась Элиза. — Не похоже, что это предназначалось

лично Ольге. Или мне. А что, если кому-то из вас? Вы — темные маги, во Франкии к вам относятся не слишком лояльно, да и вообще. У вас есть враги?

— Есть.

— Нет.

Кузены ответили одновременно и одинаково уверенно. И тут же недовольно уставились друг на друга.

— Хм. Это называется «путаются в показаниях». По крайней мере, так это называет Людвиг...

— Хм... — прервала ее Элиза и многозначительно пошевелила бровями.

— Э... так да или нет? — быстро исправилась Ольга. — Темная магия, знаете ли...

— Морис, ты говоришь, враги у вас есть, — поддержала ее Элиза.

— Если считать ту сотню разбитых сердец, к которым прилагались пустые головы и обиженные братья, то у него полно врагов. Половина Франкии и четверть остального континента, — презрительно ответил Ренар. — Плюс те идиоты, которые играли с ним в карты. Кстати, милые мои, никогда не соглашайтесь. Разденет до нитки и откажется жениться.

— Говори за себя, кузен. На прекрасной Ольге я готов жениться хоть сейчас. Ты покорила меня с первого взгляда, ты знаешь? Я очарован, сражен и...

— Прекратите, — сердито потребовала Ольга. Не то чтобы ей часто делали предложения вот так, но... Плохая тема для шуток.

— Мы говорим о попытке убийства, а не о том, кто из вас больший идиот.

— Будем считать, что в этом соревновании победила дружба, — нежно-нежно улыбнулась Элиза. — Еще колбасы, джентльмены?

— Очень полезно для мозга, — поддержала Ольга, пока слегка ошарашенные внезапным отпором парни переглядывались.

— Только идиот отказывается от такой вкусной колбасы, — первым отмер Ренар и ослепительно улыбнулся, так ослепительно мог бы улыбаться голодный дракон. — Мне такой же, с колбасой и сыром. Два.

— И мне два. Пожалуйста, дорогуша.

В комнате повисла не совсем мирная и не совсем дружелюбная тишина, прерываемая лишь звуками уничтожения колбасы и ромашкового чая. Именно этот момент и выбрала Фурия, чтобы разнообразить белизну помещения своей ярко-фиолетовой прической.

— Вот вы где! Отлично, — заявила она, вынимая из воздуха один за другим два стула и отправляя их к столу. — Бюсси, сидеть на кровати неприлично. Прошу, — и сама уселась, оказавшись однозначно во главе компании.

Только тут Ольга вспомнила, что Морис обещал рассказать все, что узнает. А вместо этого получилась какая-то дурь и ни слова полезной информации. Ну и ладно, расскажет потом, после фрау Фурии. Если та вообще намеревается рассказать хоть что-то. Судя по ее настрою — вряд ли руководство АМН нашло злоумышленника, и сейчас подозреваются все.

— Будете чаю, фрау Марта? — предложила неизменно вежливая Элиза.

— Чаю, а не чего покрепче? — усмехнулась Фурия, своим тоном лишь подтвердив вывод Ольги.

— Для покрепче рановато, прекрасная фрау, — вкрадчиво возразил Морис. Прямо образчик примерного студиозуса, не приносящего никому проблем.

Опрометчивое было обещание. Едва успели заселиться, и уже влипли в неприятности.

— Ах, как же хочется верить в приличных и разумных студентов, — покачала головой Фурия и улыбнулась Элизе: — Налей, деточка. Чаю, так чаю. И рассказывайте. Сначала ты, — кивнула она Ольге.

Пока Фурия попивала чай и закусывала бутербродом из колбасы с сыром, Ольга рассказала. Все, что заметила и вспомнила. То есть по сути — ничего, что могло бы пролить свет на личность несостоявшегося убийцы. Свои выводы о том, что покушались наверняка не на нее персонально, а на репутацию АМН и доктора Курта — добавила в конце.

— Вот прямо на репутацию доктора Курта? — недоверчиво уточнила Фурия, цапая последний бутерброд с колбасой прямо из— под носа у Мориса.

— Это логично, — встрял Ренар. — Опорочить доктора Курта — значит подорвать репутацию академии. Далеко не все поверили, что он

непричастен к прошлогоднему заговору.

— Так-так, молодой человек. Какому еще заговору? — насторожилась Фурия. — Откуда вы взяли эту чушь?

— Ох, фрау Марта, ну в самом деле, — пожал плечами Морис. — Когда в газетах пишут о совершенно случайном разрушении главного корпуса АМН, и это совпадает с появлением драконов после нескольких веков их отсутствия в нашем мире, и ровно в то же самое время во Франкию срочно возвращается наследник империи, который должен был быть в Новом Свете еще минимум год... Об этом не сплетничает только ленивый.

— У нас не особенно известны подробности, — продолжил за его Ренар, — слухи противоречивые, но что это был заговор, не сомневается никто.

Ольга разочарованно выдохнула. На миг ей показалось, что Морис сейчас скажет что-то действительно важное. Как-то выдаст себя. И ей удастся понять, кто же они такие, эти кузены. Но почти ухваченная за хвост догадка ускользнула. А когда Морис стал отчитываться о том, что обнаружил на разрушенной лестнице, когда вернулся туда ради безопасности первокурсников — ей и вовсе стало грустно. Потому что он со всей уверенностью заявил: лестницу растворило бытовое заклинание, что-то вроде модифицированного пятновыводителя. А бытовая магия в стенах общежития разрешена и поэтому не отслеживается.

— Вы нашли того, кто колдовал? — не выдержав больше метаний, спросила она.

— Расследование ведется, — уклонилась Фурия от ответа.

Ольга поморщилась.

— Послушайте, фрау Марта. Этот... человек чуть не убил меня. Я имею право знать, кто он такой.

— Как только его найдут, вы сразу об этом узнаете, мефрау Вульф.

— И кто же ведет расследование?

— Кроненштутц, — хмуро отрезала Фурия. — Так. Дети. Вам не стоит в это лезть. Хоть это и была бытовая магия, но сила заклинания такова, что...

— ...растворила лестницу, — кивнула Ольга. — То есть действовал очень сильный маг. Примерно как доктор Курт. И это

совершенно точно был не некромант. Значит, расследование наверняка ведет полковник Бастельеро.

— Я сказала — не лезть, — сильнее нахмурилась Фурия.

В комнате слегка потемнело, и всех словно придавило. Правда, что это за магия, Ольга опять не поняла.

— Хорошо, мы не будем никуда лезть, — мило улыбнулся Рене.
— Я лично прослежу, чтобы наши милые дамы не оставались в одиночестве. Безопасности ради.

— Да, совершенно верное решение, — кивнула Фурия, смягчая давление.

Хм. Что же у нее за магия-то? Неужели так ощущается чистая менталистика? Не темная и не светлая... Надо обязательно выяснить!

— Надеюсь, в город-то нам можно? — спросила Элиза.

— Можно, главное — не в одиночестве. Пусть молодые люди вас сопровождают.

— Я всегда буду рядом, милая. Ради твоей безопасности. — Морис накрыл руку Ольги своей, протянув ее через стол.

Не то чтобы ей очень хотелось рисковать и попадаться злоумышленникам в одиночестве, но... короче, по нахальной руке она шлепнула, добавив крапивное проклятие. Если Морис способен быстро снять пролонгированное проклятие — следует пользоваться мгновенными, по типу ожога.

Судя по тому, что он отдернулся с шипением, идея оказалась верной.

Ольга нежно ему улыбнулась.

— Ты очень любезен, ми-илый.

Ренар заржал, поймал Ольгину руку и поднес к губам.

— Ты — прелесть. И мне нравится, когда ты называешь меня Рене.

Фурия, наблюдавшая за всем этим с усталой снисходительностью, поставила пустую чашку и поднялась.

— Вы меня поняли. Не соваться куда не просят, не разгуливать по одиночке. Если заметите что-то подозрительное, обращаться ко мне либо к куратору курса.

— Прошу прощения, фрау Марта. А кто у нас куратор?

— Хм. У тебя, деточка — фрау Зигель, профессор кафедры целительства. А вот у вас... не знаю пока. Доктор Берцель,

курировавший темные искусства, погиб во время землетрясения...

— Заговора, вы хотели сказать, — любезнейшим тоном уточнил Морис. Ольге показалось, что кузены при упоминании фамилии «Берцель» одинаково поморщились.

— Землетрясения, — с нажимом повторила фрау Марта. — Короче. Будет у вас куратор — тогда и узнаете, кто именно. А пока держите языки за зубами, а то укорочу.

— Могила! — просиял улыбкой Морис.

— Послал создатель деточек, — вздохнула Фурия и потрепала красавчика по голове, напоследок отвесив подзатыльник. — Ведите себя прилично, цветы жизни.

— А мы что, а мы ничего, — пропел Морис вслед выходящей из комнаты Фурии. — А колбаса еще осталась?

— Нет, — отрезала Элиза.

— Не хмурься, дорогуша. С нас сегодня ужин в лучшем заведении этого города. — Морис одарил бриттку своей лучшей улыбкой.

— Не сегодня, — осияла его не худшей улыбкой Ольга. — Мы уже приглашены милейшими гэльсами.

— Гектор и Колин позаботятся о нашей безопасности, вы можете не волноваться, — похлопала ресницами Элиза.

— И вообще, если вам больше нечего добавить к расследованию — мы вас не задерживаем, дорогу-уши.

— Ну нет, раз нам поручили присматривать за вами... — начал Морис.

— То встречаемся завтра в десять, — оборвал его Ренар и снова завладел рукой Ольги, легонько ее сжал. — Вряд ли вы проснетесь раньше, а за нами — завтрак. Говорят, на территории кампуса есть отличная кондитерская. И не соглашайтесь на то пиво, которое пьют гэльсы. Оно ужасно.

— Слабак, — фыркнул Морис. — Испугался каких-то диких неотесанных гэльсов.

— Так-так, выяснять, кто из вас больший придурок — за дверью, господа цивилизованные и отесанные франки! — непререкаемым тоном опытной сестры милосердия велела Элиза. — У нас полно дел!

Расцеловав им обеим ручки, кузены наконец-то ушли.

— Уф... ты случаем не знаешь надежного приворота? — спросила Ольга, задумчиво глядя на закрывшуюся за ними дверь.

Элиза сделала круглые глаза:

— Только не говори, что тебе понравился кто-то из этих безответственных пустоголовых болтунов!

— Ну что ты. Мне просто стало жаль Фифу. Ей так нравится Морис, и совершенно никакой взаимности. Мы могли бы ей помочь обрести счастье.

Несколько секунд Лиз молча таращилась на Ольгу, а потом звонко рассмеялась и показала ей большой палец.

— Сработаемся!

ГЛАВА 9. О братской любви и семейных традициях

Ренар

— Дорогуша, прелесть, милая, богиня, прелестница... серьезно? — скривился Ренар, едва захлопнув за собой дверь их с Морисом комнаты. — Ты прямо как дедуля на столетнем юбилее свадьбы с бабулей. Не удивительно, что гэльские варвары имеют у некры успех, а тебе достаются жалящие проклятия. Меня и то чуть не стошнило, а ведь я за двадцать-то лет привык к твоему идиотизму.

— У тебя просто несварение, мой дорогой братец-уродец. Слабое здоровье, разлитие желчи от зависти, смотри, не помри во цвете юных лет, — Морис завалился на кровать, не снимая сапог.

— Не дожدهшься, — фыркнул Рене, сбрасывая надоевшую обувь и босиком проходя к раковине: ему срочно требовалось освежиться.

— Язык русичей пафосный и велеречивый, — не унимался Морис. — И вообще, она — княжна, а не одна из этих твоих девок. Впрочем, кроме продажных девок, на тебя все равно никто и не посмотрит. Так что можешь сколько угодно целовать ей ручки, замуж она все равно выйдет за меня.

Ренар чуть не поперхнулся водой, которой умывался.

— Замуж. Ты совсем двинулся или да?

— Это ты двинулся, кузе-ен. Ольга же — идеальный вариант! Умна, красива, одарена, богата и к тому же — Волкова-Мортале! Джек-пот!

— Вот именно. Она — Волкова, — скривился Рене, поднимая взгляд и упираясь в собственное отражение: асимметричное, с кривым носом и багровым родимым пятном на левой скуле.

Отвратительно. Без маски он сам на себя-то смотреть не хочет, а приличные девушки и вовсе шарахаются.

— Волкова, ага, — самодовольно протянул Морис. — Вот увидишь, неделя-другая, и красotka будет есть у меня с рук. А к концу семестра сама принесет архивы прабабки и будет умолять, чтобы я ее взял. Кстати, думаю позвать ее с собой в Брийо на каникулах, познакомлю с будущим свекром.

— Отличная идея. Он закопает вас обоих, и я наконец-то буду избавлен от постоянного созерцания идиотской самовлюбленной рожи.

— Красивой рожи, — ухмыльнулся Морис. — Ну не плачь, малыш, не плачь. Подумаешь, не повезло, зато тебе досталось... хм... горб?

— Прокляну.

— Не проклянешь, совесть не позволит.

Сжав край раковины, Рене зарычал. С каким удовольствием бы он сжал ладони не на фаянсе, а не горле проклятого ублюдка Мориса! Послушать задушенные хрипы, полюбоваться на мутнеющие и закатывающиеся перед смертью разноцветные глаза, так издевательски похожие на его собственные.

Единственное, что было в них похожего.

Какая досада, что убить его нельзя. И совесть тут совершенно ни при чем. Не может быть причем то, чего в их роду никогда и ни у кого не было.

— Лучше иметь горб, интеллект и магию, чем смазливую рожу и пустой череп, дорогу-уша, — справившись с приступом ненависти, пропел Рене: максимально ласково и чарующе.

— Ай-ай, уродец огрызается!

— Поспал бы ты, красавец, месяц-другой, — еще ласковее пропел Ренар, оборачиваясь к Морису. — Не мешался бы под ногами, не лез куда не просят.

— Мечтай, — хмыкнул Морис, но на всякий случай выставил зеркальный щит.

Слабенький, совсем слабенький. Пробить такой — раз плюнуть. Было бы. Если бы у самого Рене оставалось сил чуть более капли.

Потратился. Подчистую. Увы — без толку. Не повезло ему сегодня.

— И вообще. Я тебе нужен, так что не посмеешь, — окончательно обнаглел ублюдочный красавчик.

— А ты проверь, — предложил Рене. — Давай, спровоцируй меня.

— Ну что ты, разве ж я обижу бедненького, убогого калеку. Я же не Фифочка. Кстати, что ж ты ее не проклял, грозный ты наш?

— Это было бы не по-родственному... ох, твою ж мать... — Рене застонал от наслаждения, смешанного с изрядной долей боли: не

может быть ничего лучше, чем наконец-то уложить больную спину на горизонтальную поверхность. — Твоя невеста, ты и проклинай.

— Моя невеста — Ольга. Фифа — твоя, несчастный мученик. Выпей уже свою отраву, достал страдать. — Морис недовольно передернул лопатками, словно это его горб тянул, ныл и болел.

Ренар лишь ухмыльнулся. Он бы не отказался выпить зелье прямо сейчас, но вот досада, чаще одного раза в сутки нельзя. А если не принять перед сном — демона с два он уснет.

— Раз достал — так помоги, облегчи страдания несчастного страдальца, трепло ты собачье.

Выругавшись под нос, Морис поднялся, подошел к кровати Рене и ворчливо потребовал:

— Раздевайся и переворачивайся, убогий.

— О, не может быть, сам Прекраснейший снизошел!

— Заткнись и действуй, пока я не передумал.

Ренар снова хмыкнул, но больше дразнить Мориса не стал. С него, гада, станется и впрямь передумать. Из чистой незамутненной вредности.

Следующие несколько минут Рене блаженно стонал в подушку. Под умелыми руками Мориса перекрученные узлы мышц расслаблялись, комки боли таяли, и по всему телу разбегалась блаженная нега.

Но Ренар не был бы самим собой, если бы позволил себе расслабиться и забыть о деле дольше, чем на десять минут.

— Признайся, ты же не всерьез задумал жениться на Волковой, — пробормотал он непослушно-расслабленными губами. Открыть глаза пока не получилось. — Ты же ее ненавидишь.

— Очень даже всерьез. И с чего ты взял, что я ее ненавижу?

— С того, что Волкова прокляла нашу семью. Из-за этих некросов мы...

— Ты, Рене. Не мы, а ты.

— А ты внезапно стал другого рода, малыш?

— А мне она ничего плохого не сделала. И тебе, кстати, тоже. Проклинала-то ее прапрабабка.

— Она — Волкова, и этого достаточно.

— Вот и я думаю, а вдруг этого достаточно, а? Она влюбится в меня, родит здоровых крепких детишек...

— Из которых только один будет с нормальным даром, и тот — урод...

— Уродов родит Фифа, и не мне, а тебе. Если ты вообще способен размножаться.

Ренар снова зарычал, дернулся под руками Мориса — и, спихнув его с кровати, сел.

— Ну ты и козел, младший!

— От хромого придурка слышу. Укройся, а то простудишься. Зря я, что ли, старался.

— Ты зря стараешься с Ольгой, — уже намного спокойнее парировал Рене, натягивая одеяло на приятно горячие и подвижные плечи. — Она не такая, как Фифа, и не упадет тебе в руки. Ты переоцениваешь свои способности к искушению и соблазнению.

— Не-а. Если тебе это никогда не удавалось, не значит, что не удастся мне. Я получу и Ольгу, и документы ее прабабки, и драгоценное наследство Волковых. Дух Мортале, чем плохо, а? Да ради такого я бы даже на Фифе женился.

— Ты как ребенок, Морис. Мелкий, капризный, избалованный ребенок. У нас с тобой совершенно другая цель!

— Пфе! Говори за себя. Тебе нужны архивы — вот ты их и ищи. А мне хватит влюбленной красавицы-жены и Духа Мортале в приданое. Ну, не считая княжеского титула, земель и золотишка.

Ренар на миг прикрыл глаза. Немыслимо хотелось врезать по самодовольной смазливой роже. Так, что кулаки чесались. Но толку-то! Морис никогда не думал ни о чем, кроме собственного комфорта. Для него слова «долг» и «ответственность» — пустой звук. Он не понимает, что один из древнейших, сильнейших и темнейших артефактов должен приносить пользу не одному эгоистичному придурку, а всей Франкии. Всему миру! Но где Морис, а где разум?!

— Ладно, раз ты считаешь, что с помощью Ольги получишь Дух Мортале, кто я такой, чтобы мешать тебе развлекаться. Только не заиграйся, младший. Ты не первый, кто пытается решить головоломку из завещания Матильды Волковой, так хоть не сломай на этом свою дурную голову. Кстати, не факт, что наследство на самом деле есть. Она вполне могла положить Дух Мортале в фундамент своей ненаглядной Академии, а все ее намеки — чистой воды издевательство над... сам знаешь кем.

— Пфе! Умный у нас ты, вот ты голову и ломай. Если не лень. А я предпочитаю общество прелестных дам. И знаешь что, уродец? Я обещал Ольге безопасность, и она будет в безопасности. Ты меня понял.

— Ты на что-то намекаешь? — набычился Рене.

— Ну что ты, как можно. Покушение было идеальным, никаких следов, ни одной улики. И если бы я не оказался в нужном месте в нужное время, княжна Волкова-Мортале сломала бы шею. Кое-кто был бы очень рад, правда, братец?

— Не сомневаюсь в этом. Так что же ты не поделился подозрениями с Фурией? Или с самой Ольгой?

— Репутацию берегу. Семейную. Все же ты мне родня как-никак.

— Правильно бережешь, младший. Потому что высказывать вслух эту чушь — значит не оставить ни у кого сомнений в твоём клиническом идиотизме. Бытовая магия эпической мощи, где-то на уровне доктора Курта — и первокурсники. Смешно.

— Может и смешно. А может и не очень.

— Самый простой и очевидный вариант — далеко не всегда самый верный. И мне жаль, что ты не способен подумать хотя бы на два хода вперед. В отличие от того, кто устроил все это безобразие.

— Так кто же это был, скажи мне, умник.

— Ага, щас. — Скинув одеяло, Ренар встал и потянулся, хрустнув искривленным позвоночником. — Сам думай, тебе полезно.

Под сердитое ворчание Мориса он снова оделся, прихватил кошелек, поправил кинжал в ножнах на икре и покинул комнату. Следовало немедленно найти работающий фониль и позвонить... кое-кому. Так, чтобы Морис этого не слышал. Как все же удачно, что ему досталась кривая рожа, но полный комплект мозгов и магии! За обоих. А с проклятием он разберется. Что бы там ни думал Морис, которого все устраивает — Рене не станет ждать милостей от судьбы. Хватит. Ему и так этих «милостей» досталось столько, что на три жизни хватит.

Лестницу уже восстановили. Пролет выглядел как новенький и отчаянно фонил магией. Принюхавшись, Ренар усмехнулся: как оригинально, чинить бытовой магией то, что ею же и разрушено.

Интересно все же, кому в Академии хватило бы сил устроить такое?

И еще интереснее, почему он рад, что Ольга не пострадала. Ведь он должен ее ненавидеть! Должен желать ее смерти! Но...

Она так произносит его имя... и смотрит — без малейшего отвращения, наоборот, с интересом. Не шарахается от него. И когда он поцеловал ее руку, ей понравилось, он ощутил ее удовольствие.

Возможно, если бы все сложилось чуть иначе, они могли бы стать друзьями? Если бы ее фамилия была не Волкова-Мортале, а... да любая другая! Они бы точно подружились. А может быть даже...

Рене поморщился и обругал себя сентиментальным придурком. История не терпит сослагательного наклонения. Они — враги. Кровные. Только Морис в его идеальном эгоизме может плевать на это и надеяться на счастливый финал. Глупый слепой павлин. Даже жаль его. Немножко.

Стайке студентов, поднимающихся на пятый этаж, Рене высокомерно кивнул. Шепотки за спиной «горбун», «жуткий урод», «чудовище», «не может быть, чтобы в Академию принимали таких!» — проигнорировал. Сил на проклятия не было, желания — тоже. Хотелось исключительно вернуться в свою комнату, лечь в кровать и забыться до утра. Можно даже без снов.

Хотя он бы не отказался увидеть во сне Ольгу. И чтобы она была не княжной Волковой, а просто той сумасшедше красивой девушкой с невероятной синевы глазами, которую он вытащил из-под колес мобиля, рискуя доломать и без того не слишком — то здоровую спину. Галантность дорого ему обошлась. А она, похоже, и не заметила толком, сколько магии он потратил, чтобы спасти ее.

Дурацкие шутки у Создателя. Ду-рац-ки-е!

И общежитие это — дурацкое. Полная Академия магов, и никто не может починить какой-то жалкий фониль. Будь прокляты анацефалы, его сломавшие! И вместе с ними — Фурия. Ленивая, безответственная дура, не способная содержать в порядке вверенную территорию. Если бы она служила у отца, за такую халатность поплатилась бы головой.

Теперь из-за ее разгильдяйства придется искать другой фониль.

Впрочем...

Спустившись на первый этаж, он первым делом отправился в буфет. За местной валютой по имени «морковка». А с честно добытой

морковкой — в холл, где ждали особо ленивых студентов два тролля. Один из них — тот самый, который тянул наверх чемоданы Фифы.

— Привет, зеленый. Хочешь? — Рене показал ему пучок морковки.

Тролль радостно оскалился и побежал к нему, разве что хвостом не виляя. За неимением хвоста.

— Хотеть! Что нести?

— Держи, просто так. — Рене выдал ему одну морковку, которую тролль немедленно схрупал, жмурясь от удовольствия. — Скажи мне, зеленый друг, где тут ближайший работающий фониль?

— Э... — Тролль пошевелил ушами и наморщил лоб в задумчивости.

Рене терпеливо ждал. Как бы долго тролль не думал, но наверняка это будет быстрее, чем идти на почту и там стоять в очереди. А чтобы ускорить процесс размышления, выдал троллю вторую морковку.

— А! Знать! — радостно подпрыгнул тролль, схрупав взятку. — Могу показать!

— Показывай.

Тролль привел Рене к кабинету Фурии, перед которым толпились студенты. Из-за двери доносился ее хриплый бас.

— Есть фониль! Работать, — закивал тролль.

На его голос обернулось несколько студентов, с настороженно-враждебным любопытством уставились на Рене. Все как всегда. Увидели уроды — записали в порождения зла. Тупые идиоты.

— Молодец, зеленый. Умница, — улыбнулся троллю Рене и выдал еще две морковки. — Показывай еще.

Зеленый радостно закивал и потопал дальше, раздвигая толпу студентов и на ходу грызя корнеплод. Вся его бугристая шкафообразная фигура выражала искреннее счастье.

— Здесь есть. — Тролль ткнул корявым пальцем в дверь, на которой было написано «кастелян» и обозначены часы приема. — У-у! Ушла. Не любить. Злая.

— Морковку не дает? — любопытствовал Рене.

— Не дает! Ругать Зяма, говорить «плохой Зяма». У-у! — пожаловался зеленый.

— Зяма хороший. Очень хороший Зяма. Ешь еще морковку и стой здесь. Если придет кастелян... или фрау Марта придет, то скажи

громко: Зяма хороший. Понял?

— Понял! — просиял тролль. — Зяма хороший! Ты хороший! Чесать?

Троль смотрел с такой надеждой, что Рене не выдержал, протянул руку и почесал бугристую, словно жаба, голову. За ухом.

Троль утробно затарахтел и зажмурил страшные желтые глаза с вертикальными зрачками.

— Хороший Зяма, умный Зяма. Жди тут.

Замок на двери кастеляна поддался легко. Единственное охранное заклинание — еще легче. Рене даже удивился: кругом же голодные студенты-маги, от них надо запирается на сейфовые замки, иначе сопрут все что не приколочено гвоздями, а что приколочено — сопрут вместе с гвоздями. Никакого понятия о безопасности. Ну вообще никакого.

То, что фониль не был даже накрыт элементарным воздушным куполом с личным паролем, лишь подтвердило вывод: безопасность тут — ниже всякой критики. Приходи, кто хочешь, звони, кому хочешь.

Вот примерно как сейчас Ренар.

Набрав восьмизначный номер, он дождался ответа телефонистки.

— Цветочный магазин. Слушаю вас.

— Два-тринадцать, — подавив тяжкий вздох по поводу изумительной совершенно конспирации, сказал Рене. Нет, ну это же прекрасно: в Астурии — Оранжерея, во Франкии — цветочный магазин. И никто, совершенно никто не догадается, что же там за контора-то такая, торгующая лилиями оптом и в розницу.

— Соединяю, — прощепетала телефонистка, и тут же в трубке щелкнуло и раздался усталый мужской голос.

— Слушаю.

— Мыв Академии, все в порядке.

— Хорошенькое в порядке. Не успели внедриться, и уже скандал. Лестница — твоих рук дело?!

— Я хоть раз промахнулся? — возмутился Рене.

— Самонадеянный гаденыш, — одобрительно хмыкнули в трубке.

— Ладно. Раз не твоих, то выясни, чьих. Нам не нужен очередной скандал, мы только наладили отношения с Гельмутом. Что с контактом?

— Налаживаем. Неплохие перспективы. Но мадемуазель Брильен мешается под ногами и грозит спутать нам все карты. Зачем вы прислали ее сюда?

В трубке хохотнули.

— Даже не надейся, мадемуазель останется. Привыкайте, кому-то из вас придется на ней жениться.

Ренар выругался про себя и почти спокойно пообещал:

— Я сделаю все возможное, но за ее жизнь отвечать не собираюсь. Здесь небезопасно для юных дев.

— Не моя забота. А ты свою задачу знаешь.

— Знаю и выполняю.

— Жду результат, не разочаруйте меня. И напоминаю, останется только один.

В трубке слышались короткие гудки. Собеседник Ренара был немногословен. Всегда. С самого его рождения.

— Демоны бы тебя побрали, — с тоской пробормотал Рене. — Может, проще сразу сдохнуть?

— Проиграешь и сдохнешь, — ответила трубка и замолчала уже окончательно.

Положив трубку на рычаги и покинув комнату кастеляна, Рене отдал троллю оставшуюся морковку, еще раз почесал каменную башку и пошел обратно. На пятый, чтоб его, этаж без лифта.

И какого, спрашивается, демона он не наябедничал на Мориса? Достаточно было бы рассказать о планах братца жениться на Ольге, и все. Красавчик бы наверняка сошел с дистанции. Потому что тот, кто всю жизнь вынужден терпеть боль и жалость — не может не ненавидеть. И никогда не простит.

Прощать — это вообще не в привычках темных магов. Особенно темных магов из древнего рода Д'Амарьяк.

ГЛАВА 10. О романтике, пари и супружеском долге

Ольга

Прогулка по городу началась с посещения банка. По просьбе Ольги. Ведь наличных у нее было совсем мало, а платья и необходимые для учебы материалы надо было на что-то покупать. В Астурии, в отличие от родного Владимира, у нее не было неограниченного кредита в любом магазине. Вообще ни в каком не было.

Конечно, она могла бы отправлять все счета королевскому казначею, на правах почти официальной невесты Гельмута. Но сбежать от жениха и присылать ему счета за свои наряды было бы как-то нелогично. И глупо. И унижительно. И вообще, у нее достаточно своих средств.

Так ей казалось ровно до того момента, как управляющий банком вместо денег выдал ей тысячу извинений.

— Доступ к счетам вашей светлости заблокирован, — с видом идущего на казнь сообщил герр Штольц. — Мне очень жаль.

Ольга опешила. И заодно порадовалась, что зашла в банк одна, оставив гэльсов и Элизу в ближайшем открытом кафе наедине с лимонадом. Как чувствовала, что будут проблемы.

— Этого не может быть. Матушка не имеет права распоряжаться моим счетом!

— Прошу прощения, но ваш депозит — в русском банке, и на наш запрос они ответили отказом. — Пышные усы герра Штольца печально обвисли, и сам он едва ли не мел хвостом по полу, как виноватая гончая. — Если желаете воспользоваться помощью международного поверенного, буду счастлив порекомендовать...

— Погодите. Как они могли отказать, я же совершеннолетняя, и это мои личные средства!

— Возможно, э... только возможно, ваша светлость, это распоряжение русского императора. Больше ни у кого нет подобной власти.

Сжав кулаки и мысленно пообещав его императорскому величеству самое мерзкое и заковыристое проклятие, Ольга выдохнула и улыбнулась:

— Уверена, это недоразумение вскоре разрешится.

— Не сомневаюсь, ваша светлость, — с облегчением склонил голову управляющий. — Совершенно не стоящее внимания недоразумение!

— А до тех пор вы могли бы открыть мне кредит.

— Э... это большая честь... — герр Штольц снова заюлил, как уж на сковородке. — Но, видите ли, ваша светлость, мы бы очень хотели...

— Вам нужны гарантии? Поручители? — Ольга подняла бровь.

— Нет-нет, что вы! Вашего слова более чем достаточно! Но... э... — управляющий потел, страдал и явно желал провалиться к демонам в бездну.

— Но?... — и не думала облегчать ему жизнь Ольга.

Она была зла. Очень зла. Хотя и понимала, что отказать будущей королеве для управляющего банком — примерно как самостоятельно окунуться в котел с кипящим маслом.

— Видите ли... в настоящий момент совершенно невозможно оформить нужные бумаги. Но если ваша светлость окажет честь... огромную честь... безо всяких бумаг, их моих личных средств...

Ольга ухмыльнулась. Что ж, герр Штольц не зря дослужился до столь высокого поста. Умеет выкручиваться.

— Это было бы очень мило с вашей стороны.

— О, благодарю вас! — Грохот упавшей с души управляющего горы наверняка был слышен до самого стольного Владимира. — Сколько понадобится вашей светлости? Золотом, ассигнациями?

— Думаю, трех тысяч ассигнациями на первое время мне хватит.

— Конечно, конечно, ваша светлость! Момент! — управляющий махнул ближайшему клерку и велел отсчитать требуемую сумму для него лично. — Если вам что-то понадобится, я всегда буду рад услужить. В любое время. Мой личный номер...

— Вы очень любезны, герр Штольц, — на этот раз вполне искренне улыбнулась Ольга и чуть понизила голос: — Невозможность оформления бумаг как-то связана с пожеланиями его величества Гельмута?

— Э... ну вы же понимаете... мы не вправе разглашать такие сведения.

— Конечно, если сведения именно такие, я понимаю.

— Да-да. Именно такие. Совершенно конфиденциальные. Я невероятно признателен вашей светлости за такт и деликатность. Смею надеяться, в будущем вы станете самой любимой клиенткой нашего банка.

— Несомненно, герр Штольц, — пообещала Ольга от чистого сердца: станет она королевой Астурии или нет, а знакомства среди финансистов в любом случае пригодятся.

Из банка она вышла не то чтобы очень богатой, но на скромные студенческие траты должно было хватить. Честно говоря, она не слишком-то разбиралась в местных ценах. Да что там, заботиться о себе самой ей не приходилось никогда. Так что самое время научиться!

Знакомство с местной кухней — на скорую руку, пока магазины не закрылись — и поход за покупками затянулись до темноты. И только под конец Ольга все же привыкла к игре в демократию. Поначалу она выкала его высочеству Гектору, не в силах преодолеть вбитый на подкорку этикет. По счастью Гектор и Колин понимали ее проблему. Колин даже поделился собственной историей о том, как в первый день после поступления в Академию Гектор два часа тренировал его говорить «ты», не открывать перед ним двери и не вскакивать на каждое слово.

— Ты не представляешь, как он злился! В конце концов наорал на меня, как торговка селедкой, и орал, пока я ему не вмазал.

— Ты — своему принцу?.. — Ольга невольно попыталась представить короля Астурии и герцога Бастельеро дерущимися. Не вышло. Вообще никак. — Но это же...

— Это — конспирация! — радостно ухмыляясь, Гектор хлопнул Колина по плечу. — И вообще, если он не будет на тренировках лупить в полную силу, то кто тогда?

— А то врезать тебе, лосю рыжему, так прямо и некому! — засмеялась Лиз. — С твоей-то наглой мордой. Наверняка не только твой курс, но все остальные в очередь становятся.

— Ха! Если будут нападать по трое, то всей той очереди — на час.

— Самонадеянный павлин! — хмыкнул Колин и толкнул Гектора в бок.

В общем, как-то так получилось, что к концу прогулки Ольга легко звала обоих гэльсов по именам и без малейшего стеснения доверяла его высочеству нести свои покупки. И, разумеется, они с Лиз позволили своим кавалерам проявить галантность и пригласить их на ужин. Сугубо дружеский.

На улицах уже зажглись фонари, а их столик на террасе открытого кафе освещали свечи в разноцветных стаканах. Готовили в этом кафе вкусно, публики было немного, и Ольга в компании новых друзей чувствовала себя прекрасно. Гэльсы за своей напускной простотой оказались очень милыми, умными и заботливыми, а то как они наперебой пытались баловать Ольгу и Элизу — словно младших сестричек — было невероятно трогательно.

Один из предметов «баловства» сейчас как раз лежал перед Ольгой. Справа от тарелки с последним, не влезшим, пирожным.

— Любуешься на Йорика? — ласково и насмешливо пробасил Гектор.

— Ага, люблюсь, — ответила Ольга и провела пальцами по гладкой костяной поверхности. — Красавец!

Окаменелый череп альва, идеальную основу для сильного некро-артефакта, она нашла в полулегальной лавке диковинок. Держал ее дварф, явно давно и плотно знакомый с рыжим гэльским принцем.

— Для друзей герра Гектора — лучшие товары со всего мира! — приветствовал он гостей в своей лавке.

— И скидка, — не преминул напомнить Колин, гордящийся традиционной гэльской бережливостью. — На всю контрабанду — вдвое.

— Ай, какой контрабанда? О чем говоришь, дарагой? — у дварфа внезапно прорезался странный акцент. — Я честный торговец, мамой клянусь! Смотри товар, да? Лучше не найдешь! В убыток торгую! Дэти голодный!

Насчет голодных детей Ольга очень сомневалась, уж слишком упитанным был сам смуглый и усатый дварф. А как он торговался! Не хуже гэльсов. Когда Лиз выбрала себе котелок, шепнув Ольге, что стоит он здесь в два раза дешевле, чем в крупном магазине, они чуть не передрались.

Ну, Ольге так показалось. Уж очень громко гэльсы доказывали дварфу, что котелок худой, металл не чистый и цена завышена, и все

это — размахивая руками и призывая в свидетели целый языческий пантеон. Дварф не отставал, число его голодных детей росло вместе с поборами от «злой полицей», а доходы падали. А с каким трагическим лицом дварф достал из-под прилавка треногу, чтобы и ее забирали даром, вот совсем даром, разорите вы меня вконец!

Правда, распрощались дварф и гэльсы ужасно довольные друг другом, а свертков и коробок у всех изрядно прибавилось.

— Ай, да что с вами дэлат, доставка до Акадэмий бэсплатно! Еще захады, да? Са-авсэм, савсэм разорылы бэдный мны!

— Он идеально сочетается с твоей заколкой для волос, — тихо пророкотал Колин, уже допивший свое пиво.

— Спасибо, мне так приятно!

— А нам-то как приятно! — ухмыльнулся белобрысый и заговорщицки склонился к Ольге. — Следующий раз возьмите с собой ту милашку. Она так забавно негодует и смущается!

— Фифу? — громко и удивленно спросила Ольга, привлекая к ним внимание Элизы и Гектора. — Она же... Фифа!

— Не всем же быть профессорами, — прокомментировала Лиз.

— И слава Создателю. А то приведешь молодую жену в дом, а она как начнет тебя учить! И оценки ставить. Бр-р-р!

— Прогуливать меньше надо, — явно передразнил кого-то из преподавателей Гектор.

— Во-от! Кошмар же! — закивал Колин. — Пусть лучше будет красивая, чем умная. И чтобы любила устраивать приемы, танцевать на балах, наряжаться и сплетничать. Короче, исполнять супружеский долг.

Ольга хмыкнула. Как-то исполнение супружеского долга она не так себе представляла. Хотя если сравнить с тем, чем она занималась при Гельмуте — примерно так оно и есть.

— А не умрешь со скуки с такой? — с искренним любопытством спросила Ольга.

— Смеешься? С Гектором соскучишься, как же. Не. Фифа — вот прямо идеал. Всегда мечтал о такой жене.

— Ага, — хмыкнул Гектор, — на горшок ходил и мечтал.

Колин только фыркнул.

— Хочешь, я скажу ей твое полное имя? И можешь сразу жениться, она уже согласна, — совершенно серьезно предложила

Элиза, глядя на Колина с пониманием.

— Ну нет! — тут же влез Гектор. — Это скучно и заурядно! То ли дело соблазнить мадемуазель на тайный брак, будучи всего лишь бедным студентом...

— И соблазню!

— Пари?

— Пари!

Азартно сверкая глазами, гэльсы пожали друг другу руки.

— Разбей, Оле! — попросил Колин. — На счастье!

— Как вы можете спорить на любовь! — возмутилась она. — Это неэтично!

— Не на любовь, — возразил Гектор. — На умение очаровать девушку. Это совсем другое!

— Ага. Даже близко не, — закивал Колин. — Ну, разбивай!

Ну если так...

— Подтверждаю! — Ольга азартно ударила по сомкнутым рукам.

ГЛАВА 11. О безголовых скелетах и веселье на свежем воздухе

Ольга

В кафе они просидели до позднего вечера. Гэльсы много рассказывали об академии, Элиза дополняла байками, услышанными от старших братьев — оба учились здесь же, в АМН.

— У нас в Бриттии тоже отличная магическая академия, но таких лабораторий, как у доктора Курта, нет больше нигде! К тому же сейчас, когда вернулись драконы, открываются совершенно новые перспективы в исследованиях! — у Лиз горели глаза. — В отличие от наших консерваторов, доктор Курт поощряет любые исследования, лишь бы был обоснованный план. Мой отец именно здесь, вместе с Куртом, начала свое исследование... эм... думаю, у меня тоже получится, — опомнилась Лиз.

Если бы не такая резкая перемена темы, Ольга бы и внимания не обратила. Ну, исследования и исследования. Но от Элизы так явственно запахло тайной, что пропустить это было совершенно нереально. Так что Ольга сделала себе заметку: аккуратно расспросить подругу. Просто чтобы не лопнуть от любопытства. Да и никогда не знаешь, что может пригодиться, не так ли?

— Разумеется, получится! Главное, выбрать самую интересную тему...

— А не хвататься за все сразу, — продолжил за ней рыжий. — Помнится, ты никогда не могла остановиться на чем-то одном, малышка.

Лиз независимо фыркнула, мол, она уже взрослая, серьезная и ответственная. Сможет.

— Слушайте, но почему вы не пошли учиться в военную академию, я не понимаю. Гэльсы всегда заканчивали военный факультет в испанийском Ордене Ворона, как и наши генералы.

— Специально, чтоб было что противопоставить вашим генералам, — ухмыльнулся белокрысый.

— Вообще-то в Испанию мы поедем после четвертого курса АМН, — серьезно добавил Гектор. — Вороны готовы нас принять в

магистратуру, у них лучшие в мире преподаватели тактики и стратегии. Боевые маги совершенствуются в воинском искусстве всю жизнь, если хотят достигнуть величия, — он явно процитировал кого-то из знаменитых полководцев.

Ольга про себя усмехнулась: чтобы стать великим — достаточно быть Бастельеро. Все знаменитые полководцы за сто миль обходят границы маленькой, мирной Астурии, имеющей армию в двести человек: ровно столько нужно для охраны дворца и парадов. И если миролюбивая Астурия вздумает завоевать парочку соседних королевств, их великие, мудрые и бла-бла-бла полководцы продемонстрируют чудеса тактики и стратегии при подписании капитуляции в первый же день войны.

Но об этом она говорить гэльсам не стала. Ни к чему портить отношения с хорошими людьми.

— С нашей малышкой Лиззи все ясно, а ты, Оле? — Вариант ее имени, придуманный Гектором, был очень даже ничего. Учитывая, что русского никто из однокурсников наверняка не знает, а ее привычное «Олечка» им нормально не выговорить.

— Куда планируешь после академии?

— Замуж, — огорошила всех и разом Ольга. — У меня обязательства перед... в общем, обязательства.

Гэльсы исправно огорошились. Даже переглянулись: она шутит?

Если бы. Не то чтобы она очень хотела замуж за Гельмута, но, во-первых, с драконами не шутят. Если они поставили условием дальнейшего сотрудничества с людьми ее брак с Гельмутом, то не ей спорить. Княжна Ольга Волкова-Мортале никогда не бегала от долга. Да и папенька бы не одобрил. Главное, успеть за годы учебы найти бумаги Матильды и снять проклятие. Тогда ее «во-вторых» будет иметь шанс на осуществление.

Мечта о большой семье никуда не делась. Трое, а лучше четверо детей, вот что ей нужно для счастья. А детей, как известно, без мужчин не бывает. Ну и... ладно, если ей не суждено выйти замуж по любви — такой любви, как была между мамой и папой, или как между прабабкой Матильдой и Андре Вульфом — пусть будет Гельмут. Он немножко занудный, слегка павлинистый, но для короля он неплох. Опять же, он красивый, а значит и дети будут красивыми. Да и обычной проблемы королев, то есть постоянных фавориток рядом с

мужем, у нее не будет. Первые две-три совершенно случайно превратятся в умертвия, а последующие кандидатки и сами сбегут. Самому же Гельмуту вряд ли захочется рисковать снова найти в своей постели нечто, желающее съесть его мозг. Для этого у него есть министры.

Мысль о том, что маг Смерти это вам не хвост свинячий, вызвала неконтролируемую улыбку. Довольно кровожадную.

— Что-то я не очень завидую твоему будущему мужу! — Колин сделал большие испуганные глаза. — Ты сейчас удивительно похожа на один старый портрет в нашем замке... хм...

Ольга выразительно усмехнулась, глядя Колину в глаза. Он поперхнулся, запил кашель остатками пива и передал вопросную эстафету Гектору.

— Вы тоже планируете разыскать оригинальное завещание Матильды Волковой-Мортале? — спросил рыжий и, увидев искренне недоумевающие взгляды, пояснил: — Это же традиция! Все первокурсники ищут таинственный артефакт и записи основателя академии. Говорят, кто найдет, будет править миром!

— А кто не найдет, будет на границе с Пустошами дерьмо всякое ловить, — буркнул Колин.

— О, вижу, вы профи в несении патрульной службы, — нежно улыбнулась ему Ольга.

— А то! — гордо заявил Гектор. — Отличный полигон. Главное, можно не отчитываться за потери среди мирного населения. Его там в принципе нет. А нам пора обратно, слушать вопли Фурии на тему опозданий — никакого удовольствия.

— Значит, вы тоже искали? — с азартом спросила Элиза, подхватывая маленькую сумочку и совершенно не заботясь о других вещах. Истинная аристократка.

— Конечно, — заржал Колин, легко подхватывая одной рукой три больших бумажных пакета. — Нашли четыре захоронения безголовых скелетов, две ржавые шпаги и один пистоль без дула, кучу пуговиц, порванную цепочку с половинкой безвкусного кулона и предсмертную записку какой-то экзальтированной девицы. Один безголовый скелет явно был ее.

На упоминании половинки кулона Ольга сжала кулаки, чтобы не показать волнения. Не то чтобы она что-то об этом кулоне знала,

просто... просто чувствовала — это важно. Очень.

— И куда вы дели свою богатую добычу? — спросила с должной долей иронии и замирающим сердцем.

— Кости на кафедру целителей, пуговицы в мусорку, оружие в музей, а цепочку и записку... Эй, Гектор, они так и валяются у тебя в вазе?

— Если никто из ночных бабочек не утащил.

— Вы приводите в общежитие девушек из борделя? — удивилась Элиза. — А как же правила?

— Так в этом вся прелесть, провести так чтобы никто не заметил, — заржали гэльсы.

— Все равно. Это негигиенично! Мало ли, что можно от них подцепить, — фыркнула Лиз.

В целом Ольга была с ней согласна. И в целом она совершенно не понимала этой помешаности молодых мужчин на сексе. Словно это самое интересно занятие в мире. Фе. Чушь какая.

Опять же, ничего этого говорить вслух она не стала. А спросила:

— Покажете? Предсмертная записка — это как раз по моему профилю!

— Мне казалось, по твоему — трупы.

— Души намного интереснее. Есть теория, что души самоубийц иногда привязываются к таким запискам, особенно если записка не дошла до адресата. Кстати, вас призраки не беспокоят? Или может загадочный стук? Вещи попадают бесследно или находятся в самых неподходящих местах? Особенно неупокоенные души почему-то любят прятать конспекты и носки.

Тут гэльсы переглянулись и понимающе кивнули.

— Конспекты, — сказал Гектор.

— Носки, — подтвердил Колин.

«Легковерные мальчишки», — подумала Ольга и сделала серьезное лицо потомственной шарлатанки.

— Не то чтобы это было опасно для таких здоровых лосей, как вы. Подумаешь, выпьет немножко магии. Придушить никого из вас у нее не выйдет, если только вы не похожи на того, из-за кого она покончила с собой.

— Сегодня же сожжем эту дрянь! — решил Гектор, а Колин солидарно кивнул.

— Не советую. Огненная стихия непредсказуема. Вам же не нужен злой огненный призрак?

— Не нужен.

— Вот и не рискуйте. Я заберу записку и кулон завтра. Некромантам призраки не страшны.

— Кулон-то тут причем? — недоуменно спросил Гектор.

— Может, это ее. Я проверю, если он чист — верну вам.

— Не стоит. Можешь хоть весь его извести на свои исследования.

— Нет, ну это же ваш трофей, я не могу вот так...

— Заходите завтра с Фифой, — многозначительно пошевелил белесыми бровями Колин, — выпьем шамьету, у нас и пирожные есть.

— Пирожные? Откуда? — наивно поинтересовался Гектор.

— Оттуда! — еще многозначительнее ответил Колин...

И тут случилось это.

Вокруг них вспыхнул золотой щит. В то же мгновение Колин запихнул Ольгу себе за спину и метнул невесть откуда взявшийся в его руке нож в темноту, а Гектор уронил Элизу и откатился вместе с ней в сторону. Прогрохотали выстрелы. Резко и остро пахнуло порохом. Кто-то затоптал, кто-то закричал, где-то хлопнуло окно.

Ольга не успела ровным счетом ничего. Ни защититься, ни понять, что происходит. Даже завизжать не успела.

— Брать живым!

— Стоять! Полиция!

Послышался звук падения чего-то тяжелого, характерный треск закрывшегося портала и мат по-бриттски.

Резко вспыхнул свет: кто-то запустил осветительное заклинание в дополнение к тусклым фонарям.

Ольга моргнула и ближе прижалась к Колину. Он единственный был твердым и понятным в этой страшной неразберихе. Хотя усатого типа, что подбежал к ним, и тех двоих в штатском, которые помогали подняться Гектору и Элизе, Ольга не боялась. Возможно, потому что лица у них были виноватые, а не угрожающие.

— И это — профессионалы своего дела? Да за такую охрану расстрел на месте, — процедил Колин и добавил несколько слов по-гэльски, явно нецензурных.

Усатый и редкостно невыразительный тип скривился, но спорить не стал, лишь пробормотал извинения.

— Э... чья это охрана? — растерянно спросила Ольга.

— Твоя, — фыркнул Колин. — Пасут от самой Академии. А те двое — бритты.

— Нам повезло, что не перестреляли друг друга, — вставил Гектор, бережно прижимающий к себе Элизу.

Та не возражала. И немножко тряслась.

— Вашу светлость не задело? — осведомился усатый-невыразительный тип.

— Нет, — ответили Ольга с Элизой одновременно и переглянулись.

Как-то третья угроза жизни за день была слишком. Тут ромашковым чаем не обойдешься. Наверное, впервые в жизни Ольге захотелось выпить чего-то покрепче шампельенского.

— Стрелка взяли? — властно спросил Гектор, и от его голоса астурийцы и бритты вытянулись в струнку.

— Никак нет, ваше вы... — начал бритт, но осекся, встретившись со злобно светящимся взглядом гэльса. — Его ждал сообщник с одноразовым порталом.

Рыжий гэльс очень выразительно выругался. Ольга ни слова не поняла, но решила на всякий случай запомнить. В ее новой жизни наверняка пригодится. В отличие от нее Элиза не вслушивалась в резкие гортанные звуки гэльского наречия, а к чему— то присматривалась и принималась.

Хм... кровь? Запах крови?

— Гектор, ты ранен! — быстрее всех сообразила Элиза.

— Я? — рыжий искренне удивился и недоуменно глянул, куда указывала Лиз: на его окровавленный рукав. — А, ерунда. Царапина.

— Нужно немедленно перевязать, — строго велела бриттка, вытащила из рукава белоснежный платок и спросила Колина: — Можешь надорвать рукав? Нужен доступ к ране. А у вас, джентльмены, наверняка есть бренди. Давайте сюда.

Гектор наблюдал за суетой Элизы с некоторым даже умилением. Но при этом умудрялся хмуриться и выглядеть... ну, примерно так и должны выглядеть рассерженные боевые маги. То есть опасно. Не то чтобы Ольга всерьез испугалась, но на узенькой дорожке с такими лучше не встречаться.

— Правильно делаешь, что боишься, детка, — тихо сказал Гектор Ольге и тут же зашипел и скривился от попавшего в рану бренди. — Два покушения в один день! Не всякая коронованная особа такого удостоивается.

Ольга хмыкнула про себя: наивный гэльс решил, что она испугалась покушения, когда на самом деле — его. И чуть его не поправила цифру с двух на три. Промолчала лишь потому, что на самом деле не считала, что Бастельеро пытался ее сбить нарочно. Там был обычный несчастный случай с зазевавшейся клушей. Если бы не Ренар, на том бы все и закончилось.

— Мы не стремимся приписать себе твои очки, некоронованная ты наша особа, — на удивление ехидно и уверенно парировала Элиза. — Для вас это наверняка не первое покушение.

— А вот и ошибаешься, малышка, — покачал головой рыжий, любуясь найаккуратнейшей повязкой, которую завершала Лиз. — Вижу, практику в госпитале ты проходишь добросовестно.

Лиз в ответ фыркнула, мол, ты же во мне не сомневался.

— Так, господа шпики! — Гектор уставился на усатого типа. Тот еле заметно поежился. — Займитесь наконец полезным делом: возьмите багаж милых дам и добудьте нам мобиль. Мы не собираемся здесь торчать до ночи.

Шпики тут же засуетились вокруг, разобрали пакеты, и один из астурийцев свистнул в свисток. Тут же из-за угла вырुлил длинный черный мобиль и подкатил к ним.

— Отвезите нас в Академию, — распорядился Гектор, пока господа шпики открывали задние двери перед Ольгой и Элизой.

К ним же сел и Гектор. А Колин — рядом с шофером.

— Твои навыки командования не нуждаются в усовершенствовании, — чуть более сердито, чем следовало разговаривать со своим спасителем, буркнула Ольга.

— Совершенству нет предела, — криво усмехнулся Гектор, не настроенный на шутки, и обернулся к Элизе. — А теперь, малышка, расскажи-ка мне, кто же хочет тебя убить?

ГЛАВА 12. О цветах жизни и полутора порциях успокоительного

Людвиг Бастельеро

— Какой еще отпуск?! Людвиг, ты с ума сошел!

— Обыкновенный. За свой счет. На весь учебный год.

— И как, по-твоему, Оранжерея будет справляться без тебя? Нет и еще раз нет! Неделя максимум.

— Ну, если ты убедишь его величество, что княжна Ольга не нуждается в постоянном присмотре во время учебы в Академии, я скажу тебе большое человеческое спасибо. Мои зомби — куда более спокойная публика. Просто лапочки. Лежат себе, никого не трогают, через окна не сбегают, в исчезающие лестницы не проваливаются.

Генерал Герман Энн, глава Кроненштутц, она же Оранжерея, страдальчески прикрыл лицо ладонью. От упоминания будущей королевы (Создатель, храни Астурию!) у него уже случались мигрень и нервный тик.

— Такая была очаровательная, милая мефрау! Спокойная, разумная... Люци, ты уверен, что ее не подменили? Может, это опять козни Черного Карлика? Никак не простит, что мы увели его лучших агентов...

— О, я же тебе еще не успел сказать! — нехорошо обрадовался Людвиг. — На одном курсе с княжной Ольгой учатся оба его сына, Ренар и Морис.

Генерал Энн тихо, но очень экспрессивно высказал все, что думает о самом заклятом коллеге, его проклятых отпрысках и чувстве юмора Единого.

— Скорее Баргота, — пожал плечами Людвиг. — Уверен, без него тут не обошлось. Ну так что, я могу сказать Гельмуту, что ты не даешь мне отпуска и я никак не смогу присматривать за всей этой бандой в Академии?

Не то чтобы Людвиг всерьез надеялся на такую удачу, но попробовать-то стоило.

— Да иди ты...

— И пойду, — вздохнул Людвиг. — Вот прямо сейчас и пойду. Домой. Если там еще хоть кто-то меня ждет, в субботу-то поздним вечером.

— В отпуск все равно не пущу. Не могу, друг мой, вот никак не могу. Его величество не одобрит, если делом о покушении на его возлюбленную невесту будет заниматься не лучший дознаватель королевства. Так что придется тебе...

Что придется, Герман не договорил. Его прервал звонок фония, стоящего на рабочем столе генерала. Какой-то подозрительно панический звонок.

Оба, Людвиг и Герман, с ненавистью уставились на вестника неприятностей. Никто не поспешил снять трубку. Людвиг даже руки за спину спрятал. И кивнул:

— Твой фониль, ты и отвечай. А у меня выходной.

— У меня тоже выходной! — буркнул Герман, но трубку снял. — Генерал Энн слушает.

При первых же словах абонента — нахмурился.

Сломал в пальцах вечное перо, которое до того задумчиво крутил.

И рявкнул:

— Чтоб ни одного газетчика! Просочится — разжалую! Всех разжалую! В Новый Свет сошлю!.. Идио-оты... разгильдяи... Головы поотрываю!

Людвиг, не дожидаясь просьбы, достал из генеральского бюро бутылку отличного гэльского виски и набулькал в бокал успокоительную порцию: всклянь. Секунду подумал — и набулькал вторую. Себе.

Положив трубку, Герман молча выпил свое успокоительное, крикнул и горестно уставился на Людвига.

— Хочу на пенсию. Розы выращивать.

— А кто не хочет? — свое успокоительное Людвиг тоже выпил. — Дай угадаю. Ее светлость Ольга опять куда-то влипла.

— Их светлости, три штуки, и его высочество, одна штука, — тоном похоронного агента уточнил Герман и подставил пустой бокал.

Людвиг налил. В оба. До половины — им еще работать, Барготовы подштанники! Где в этом мире справедливость?! Почему рядовые полицейские могут себе позволить нормированный рабочий день, выходные, отпуска и прочие бюллетени, а он, герцог Бастельеро

— нет? Его даже в профсоюз не принимают. Дискриминация, как она есть.

— В кого-то из четверых стреляли, — идеально ровным тоном, безошибочно указывающим на крайнюю степень бешенства, сообщил генерал. — Оба ушли, и убийца, и его поделщик-маг. Одноразовым порталом.

— Барготовы подштанники, — выдохнул Людвиг и опустошил свой бокал.

Полторы порции успокоительного — самое то, чтобы не озвереть и не убить собственноручно всех четверых идиотов: младшего гэльского принца, его наперсника — юного герцога Нэшвила, княжну Волкову-Мортале и леди Элизу Хоббстен, младшую дочь герцога Кэррингтона.

— Место преступления за тобой, Бастельеро. Допрос сиятельных деточек — тоже. Тебя они хотя бы боятся. Наверное.

— Все-все, понял, уже ушел! — поднял руки Людвиг, нехотя встал с кресла и попросил: — Координаты для портала дай. Хотя я бы предпочел Нитц. Говорят, в конце лета там особенно красиво. И никакой преступности!

— Можешь помечтать полминуты, — хмыкнул генерал Энн. — Только не слишком увлекайся, а то еще размажешься по парочке соседних миров.

— Неплохой вариант.

— Плохой, Люци. Поверь. Тебя все равно найдут, соберут по молекулам, вернут домой, и тебе все равно придется заниматься этим делом. Кто, если не ты, а?

— Да иди ты... к Гельмуту, — буркнул Людвиг, выслушал координаты места преступления и, мысленно проклиная деток, которым дома не сидится, шагнул в портал.

Детки вернулись в общежитие АМН вовремя. То есть Людвиг как раз успел туда явиться (второй раз за этот безумный день!) одновременно с ними, опять же порталом. А до того — обнюхать место преступления, выслушать от доктора Курта — его генерал Энн беззастенчиво вытащил из дома — крайне неприятную новость. Даже две. Первая: место назначения портала определить он не смог. Вторая: изготовителя портала он определил за полсекунды, и был им он сам, доктор Курт. Третью поганую новость Людвигу и сообщать было не

надо, он сам был в курсе: стрелка и его сообщника никто не запомнил. Оба были в масках и под чарами отвлечения внимания. Кому-то очень повезло (а кому-то наоборот), что оба гэльса оказались отлично подготовлены как боевые маги и обладали великолепной интуицией. Иначе бы дело кончилось трупом, а может быть и не одним.

Впрочем, последствия для Астурии и АМН в любом случае будут печальными. Конечно, если не удастся всеми правдами и неправдами случай замять.

Ну хотя бы этим заниматься придется не Людвигу, и то радость.

«Если судьба подкинула тебе лимоны, сделай из них лимонад», — вспомнилась любимая поговорка жены. Которую он сегодня вряд ли увидит.

— Отличное начало учебного года. Поздр-равляю, — даже не пытаясь изображать вежливость или дипломатичность, рыкнул он, вышагивая из портала в холл общежития.

ГЛАВА 13. О дипломатии и Барготовых подштанниках

Ольга

Они не успели пересечь холл, как послышался запах озона, и в воздухе сгустилась темная энергия. Ольга резко развернулась, прижимая к груди Йорика, словно он мог ее защитить от гнева некроманта, вышедшего из портала за их спинами. И отчего она чувствует себя виноватой, а не жертвой?

— Отличное начало учебного года. Поздр-равляю, — прозвучало резко и рычаще.

Ольга невольно поежилась. Такого голоса у милейшего кузена Людвига она не слышала никогда. И не думала, что он вообще так умеет. Он же... он же лощеный аристократ, вежливый и галантный до тошноты! А тут вдруг — рычит, плюется ядом...

И что это у него на скулах, чешуя?! Настоящая?! Кажется, она критически ошиблась в том, кто тут химера!

— Герцог Бастельеро, а мы как раз говорили о вас, — ничуть не испугавшись, соврал Гектор: последние минут пять они молчали. Кажется, он чувствовал себя на равных с самым ужасным некромантом континента. Или отлично притворялся. — Неужели вы наконец-то будете вести у нас спецкурс?

— И у вас тоже. Но зр-ря вы этому р-радуетесь, детки. — Бастельеро глянул на рыжего гэльса сверху вниз, и ему ничуть не помешало то, что гэльс был почти на голову его выше и вообще принц. Следом он перевел взгляд на Ольгу. — Вы все еще думаете, что это была хорошая идея?

— Отличная идея! — Ольга задрала нос и крепче сжала череп неведомого Йорика, чтобы пальцы не дрожали.

От страха или от восторга — она пока не очень понимала. Но намеревалась разобраться. И выяснить. И самой так же научиться пугать и наводить иррациональный ужас. Вон, даже фикусы в кадках, и те задрожали и съежились. Но что хуже, задрожала Элиза и крепко вцепилась в руку Ольги.

— Вы передумаете, меффрау. Главное, доживите хотя бы до первого занятия, чтобы я имел удовольствие убить вас лично.

Ольга вздрогнула и впервые задумалась: точно пункт контракта о том, что за травмы и смерти во время учебного процесса Академия ответственности не несет — не шутка такая? Судя по тому, как хищно трепетала Тьма вокруг Бастельеро и как светились мертвенно-зеленым его глаза... ой. Ой-ой.

Видимо, уловив ее страх и этим удовлетворившись, Бастельеро ослабил ауру ужаса. Все облегченно вдохнули, а Элиза даже покачнулась.

— Мы можем быть чем-то вам полезны, профессор? — снова подал голос Гектор, как самый Бастельеро-устойчивый.

— Вряд ли от вас может быть какая-то польза профессору, — криво и крайне зловеще усмехнулся некромант. — А вот лично мне — вполне.

— Вам, а не Кроненштутц, — уточнил Гектор.

— Не упоминайте всуе, тем более в законный выходной, — поморщился Бастельеро и тут же ехидно поднял бровь: — Хм... Возможно, не все боевики одинаково безнадежны.

— Уверен, что не все, — Гектор был совершенно не по-гэльски невозмутим. — Можем мы пригласить вас на чашечку чая?

На слове «чай» слегка перекосило и самого Бастельеро, и обоих гэльсов, и даже Ольгу с Элизой. Определенно, им всем тут требовалось нечто покрепче.

— Можете, герр... э...

— Гектор Несс и мой братец, Колин Несс, — озвучил рыжий официальную версию. — А это Ольга Вульф и Элиза Тэтчер.

— Тэтчер, значит, — вздохнул Бастельеро, чуть больше похожий на себя, привычного. — Очень приятно.

От его сарказма фикусы скукожились и попытались самозарыться в кадки. Фикусы, но не Элиза.

— Нам тоже очень приятно, — одарила его идеально любезной, истинно бриттской улыбкой леди... то есть меффрау Тэтчер.

— Безумно приятно, — поддержала ее Ольга, в точности скопировав тон самого некроманта, и погладила череп, который тоже слегка подрагивал. За компанию с фикусами.

— О, Йорик, давно не виделись, — внезапно обрадовался чему-то Бастельеро и даже как-то нежно улыбнулся. Черепу.

— Вы знакомы? — спросила растерянно Ольга.

Слишком резкий переход от Бастельеро-Летящего-На-Крыльях-Ночи к кузену-Людвигу-мурлыкающему. В общем, зря она не верила, когда ей доброжелатели говорили: Бастельеро — сумасшедший и крайне опасный маньяк, не обманитесь милой внешностью.

Теперь — верит.

— О да, мы встречались, — туманно ответил Бастельеро и подал Ольге руку, взглядом показывая: сбежать не выйдет. Догонит. И хуже будет.

Не то чтобы она пыталась сбежать. Она в курсе, что раз Бастельеро явился расследовать покушение — то правосудия не избежит никто. Ни правые, ни виноватые.

По дороге до апартаментов Гектора и Колина, расположенных на первом этаже, Ольга молча косилась на Бастельеро. Чешуя на его скулах побледнела, но до конца не исчезла. А еще от него пахло виски и бешенством. Холодным и тяжелым бешенством человека, вынужденного весь свой выходной куда-то бежать, кого-то искать и что-то расследовать вместо того, чтобы провести время с любимой женой. Честно говоря, Ольге даже было немножко стыдно — и перед самим Людвигом, и перед Риной, с которой они почти подружились. Ну, насколько это возможно при редких встречах на официальных мероприятиях.

Людвиг

Окинув взглядом комнаты гэльсов — братья, серьезно? Они же похожи, как гусь и ворона! — Людвиг оценил отличную магическую защиту. Работа профессионалов. И — нет, не самих юношей, боевикам настолько сложные сигнальные плетения не освоить при всем желании.

— Милые дамы, позаботьтесь о чае для нашего гостя, прошу. А мы с вами можем пока занять кабинет, — предложил рыжий принц.

Кивком обозначив согласие, Людвиг прошел в кабинет первым. Если бы он имел дело не с гэльским принцем, его бы удивило, что студентам предоставили не комнату, а целые апартаменты: спальня, гостиная и кабинет. Довольно уютный — с оружием и книжными

шкафами по стенам и моделями парусников на столах и полках. И, разумеется, первым делом Людвиг продублировал охранный контур, поставленный коллегами из гэльской СБ собственным артефактом «тишина», уже от гэльских коллег. Разговор предстоял конфиденциальный.

— Надеюсь, вы не возражаете, Гектор.

— Только приветствую, Людвиг, — кивнул принц, жестом предлагая гостю кресло, и с заметным облегчением улыбнулся.

Колин, практически обнюхав защитный купол и удовлетворенно кивнув, тоже уселся.

— Обойдемся без экивоков. Как будущие коллеги, — предложил Людвиг и, дождавшись кивка Гектора, продолжил: — Для начала расскажите мне как можно подробнее. Я бы вообще предпочел ментальный образ происшествия, если кто-то из вас умеет.

— Увы, менталистика — не наша область, придется довольствоваться рассказом, — пожал плечами Гектор и рассказал.

Практически то же самое, что Людвиг уже слышал. Снова, увы, ни одной новой подробности, которая могла бы привести к заговорщикам. За исключением одного:

— Уверен, стреляли в Элизу. С чуть меньшей вероятностью — в Ольгу, — под конец заявил гэльский принц. — Дамы шли впереди, так что либо убийца криворукий, либо цель — кто-то из них.

— Если так, это несколько сужает круг поисков, — кивнул Людвиг. — У вас есть предположения, кто мог желать смерти леди Хоббстен или княжны Волковой?

Гэльсы настороженно переглянулись, и Гектор ответил вопросом на вопрос:

— Каковы ваши намерения? Кроме нахождения заговорщиков.

Людвиг вздохнул. Дипломатия, снова дипломатия. Как же он это все не любит, а!

— Намерение первое — сорвать планы заговорщиков, какими бы они ни были. Вы сами знаете, если дать происшествию огласку, заинтересованные стороны могут раздуть из него повод к войне. Оно вам надо, господа?

— Создатель упаси! — Гектор осенил себя святым кругом. — Гэллия не воевала последние двести лет и не собирается как минимум

еще столько же. Тем более воевать с вами! У нас и так слишком мало плодородных земель.

— Вот и я так думаю, что война может быть выгодна кому угодно, но не Астурии и не Гэллии. И не Бриттии, у нас слишком тесные торговые связи.

— Я бы сказал, что война с участием Астурии не выгодна вообще никому из Старого Света, — подтвердил Колин. — Но искать заинтересованную сторону в Новом — слишком далеко.

— Я тоже думаю, что враг намного ближе. Значит, мы ищем кого-то пониже рангом.

— Зачем далеко ходить, если тут вертятся оба младших Д'Амарьяка. В их интересах избавиться от княжны Волковой.

Идея была заманчивой. Простой. Можно даже сказать, идеальной! Как по учебнику. Именно этим она Людвигу и не нравилась.

— А в чьих интересах избавиться от самих Д'Амарьяков? — задал встречный вопрос Людвиг.

Гэльсы снова переглянулись и синхронно вздохнули. Видно было, что к политике они относятся примерно так же, как Людвиг: предпочитают никак не относиться.

— Людвиг, вы же понимаете, нас не слишком-то держат в курсе подробностей. Так, ситуация в целом.

— Что возвращает нас к намерениям, — кивнул Бастельеро. — К вашим личным намерениям. Вы же понимаете, что как только король Данкан узнает о том, что кто-то покушался на вас... или кого-то рядом с вами...

— Наша учеба в АМН завершится. В самый неподходящий момент, — закончил вместо него Колин.

— Неподходящей некуда, — вздохнул Гектор. — Упустить шанс на ваш личный спецкурс — это феерический облом. Можно сказать, облом детской мечты.

— Ненормальные, — покачал головой Людвиг.

— В общем, если есть возможность как-то все это замять, то мы — за. Уверен, ваши люди без приказа рта не раскроют, а бритты не успели ничего доложить, и не успеют, пока вы их не отпустите.

— Уверены, что вашей личной охраны не было рядом?

— Личная охрана его высочества как раз здесь, и большей не требуется, — пожал плечами белобрысый гэльс. — Мы не совсем

беспомощные малыши.

— Согласен, сработали вы отлично. Россия и Бриттия вам много должны.

— И Астурия, — мягко намекнул Гектор.

— Сочтемся, — вздохнул Людвиг. — Итак, раз мы все желаем примерно одного и того же, вам, Колин, стоит сообщить вашему начальству, что вы в качестве практики участвуете в операции Кроненштутц. Моей операции. А дальше пусть отбрехивается генерал Энн.

Оба гэльса понимающе хмыкнули. И загорелись глазюками. Мальчишки!

— Значит мы будем работать над делом вместе?! — юный герцог Нешвил чуть не подпрыгивал на месте: серьезные переговоры его, бедняжку, утомили донельзя.

— Вместе — это значит делиться информацией, а не сидеть на ней, — укоризненно покачал головой Людвиг.

— Так мы и... — начал Гектор, но под насмешливым взглядом Бастельеро замолк, вздохнул и выдал: — Ладно. Вы все равно скоро узнаете. Я думаю, что покушались на Элизу, а причина — разработки ее отца, герцога Кэррингтона. Что-то медицинское и сверхсекретное. Единственная подробность, которую я знаю — это участие в проекте доктора Курта.

— Так уж и единственная.

— Я боевик, а не целитель и тем более не политик, — фыркнул рыжий гэльс. — За подробностями — к Лиззи, если кто-то что-то знает, так это она.

— На попытку похищения не очень-то похоже, — нахмурился Людвиг. — Смысл убивать девочку, которая что-то знает?

— Например, шантаж, — предположил белобрысый. — Если Лиз собирались только ранить...

— ...просто чтобы показать серьезность намерений, — продолжил за ним рыжий. — Это логично. Вам нужно связаться с Кэррингтоном.

— Думаю, у вас это отлично получится, господа практиканты.

Гэльсы снова переглянулись и одновременно кивнули, довольные по самые ушки.

— А теперь пригласите дам, если они еще не уснули и не сбежали.

— Раз попытки взломать дверь не было, то не сбежали, — оптимистично заявил Колин.

Людвиг лишь посмеялся про себя. Мальчик серьезно думает, что охранная система королевского дворца хуже, чем то, что они наворотили здесь? Три раза ха. Если эта ужасная девчонка — простите, наша будущая королева, храни боже Астурию, — взломала ее и ускользнула незамеченной из дворца, то как-нибудь сумеет и здесь вылезти через окно.

Оставалось только надеяться, что на этот раз ей хватит ума сидеть смирно и никуда больше не вляпаться.

Хотя бы эта надежда оправдалась. Если бы Людвигу пришлось сейчас гоняться за этим демоном в юбке по кустам Академии, он бы ее точно убил. Нечаянно. В состоянии аффекта. А потом — Гельмута, который подsunул ему этот кошмар! И Курта! Наверняка Курт по самые уши замешан в текущем безобразии — Курт всегда замешан, и вообще женат на франкской шпионке!

Ох. Как же Людвиг устал от этого дурдома.

Главная красота дурдома смирно сидела в кресле и распивала ромашковые чаи вместе с другой красотой — милейшей, благовоспитаннейшей бриттской леди с изумительно невинными голубыми глазами. Почему-то в данный момент удивительно напоминающими такие же невинные и благовоспитанные глаза его величества Гельмута. Разве что кудряшки у леди были не золотистые, а светло-русые, с легчайшей рыжиной.

Когда Людвиг вошел в гостиную, обе красоты замолкли на полуслове и обернулись с очаровательными улыбками.

Спелись.

Кошмар.

А Гельмуту так и надо — жениться на этом... этой... от которой у него, Ужасного Некроманта Бастельеро, несварение и нервный тик.

Слегка ободренный предстоящей местью кузену, Людвиг вполне мирно уселся в свободное кресло, взял чашку ромашкового чая, приятно пахнущего шерри, и задал прекрасным леди первый вопрос. Из полусотни. Барготовы подштанники, ему еще леди уговаривать не поднимать скандала!

К сожалению, Ольга тоже ничего полезного рассказать не смогла. Только описала процесс и упомянула еще две головные боли, с

которыми ему предстоит познакомиться завтра — детишек Черного Карлика, не к ночи будь упомянут. И еще некая Фифа, пигалица с амбициями! Баргот, за что ему такое наказание!

Элиза — слава Барготу, хоть это чудо учится не у него! — добавила лишь кучу подробностей о ране Гектора.

— Царапина, все давно прошло! — возмутился гэльс, откровенно воодушевленный перспективой совместного расследования.

Леди не позволила сбить себя с толку.

— Ты не понимаешь, это важно для расследования! — вспыхнула она.

— Очень важно, продолжайте, прошу вас.

И она продолжила. Да так, что Людвиг пожалел, что нельзя и ее переманить в Оранжерею. Истинная дочь своего талантливого (и побараньи упертого) отца! По форме раны, ее глубине и кровотечению леди смогла определить модель пистоля, расстояние до убийцы (совпавшее с отчетом шпигов) и даже сказать, что стрелял левша.

— И он ушел порталом, — с обидой возмутился Гектор, которому не дали проявить себя при задержании.

— У вас еще будет шанс, — пообещал ему Людвиг. — Возможно, и не один. А вы, леди, останетесь здесь или предпочтете вернуться домой, в относительную безопасность?

— Относительную? — нахмурилась Элиза, безошибочно выделив главный посыл.

— Если это была попытка добраться до исследований вашего отца, то вам будет угрожать опасность и на родине.

— Мне нужно посоветоваться с отцом, — вздохнула она.

— Нужно. Только имейте в виду, обнаружение этого происшествия может привести к войне.

Бриттка сжала кулачки, а гэльсы и Ольга неодобрительно покосились на Людвига.

— К войне?.. — ее глаза стали большими и растерянными.

— Зачем вы... — начала было Ольга, но ее прервал рыжий гэльс:

— Лиз, ты должна знать. Нельзя принимать решение на основании неполной информации.

— Гектор прав. Мне неприятно это вам говорить, но дело крайне серьезно. Если эта информация попадет в газеты — в лучшем случае

пострадают дипломатические отношения между Астурией и Бриттией, а в худшем — разразится никому не нужная война.

— Но я не могу не сообщить отцу. И его люди наверняка уже доложили.

— Еще нет. И не доложат, пока вы не примете решение.

— Людвиг, какое именно решение вы хотите, чтобы приняла Элиза? — уставившись на него гневно горящими синими глазами, спросила Ольга.

— Предоставить разговор с герцогом Кэррингтоном Гектору. Родственникам всегда проще договориться.

— Не такие уж мы и родственники, — попробовала протестовать бриттка, но Людвиг уже видел: сдалась.

Что ж, можно выдохнуть. Ненадолго.

— Я рад, что мы договорились, — кивнул он и обернулся к Ольге. — Надеюсь, вы тоже все поняли и не станете рисковать.

— Сидеть в комнате и трястись от страха я не собираюсь, — буркнула та.

— У вас и не выйдет. Если помните, послезавтра начинается ваша учеба, а я — ваш куратор. И не терплю бездельников. Так что скоро увидимся. А вы, если что-то еще вспомните или узнаете — сразу сообщайте мне. Вот мой личный номер, если меня нет — можете оставить сообщение Рихарду, он все передаст в точности.

Напоследок оглядев растерянных и усталых студентов, Людвиг отвесил насмешливый поклон и вышел.

— Вот даже не знаю, радоваться или... — успел он услышать, закрывая за собой дверь.

И тут же налетел на что-то твердое, что обиженно сказало:

— У-у! Зяма хороший!

— Зяма? — переспросил Людвиг, уже не в состоянии даже удивляться.

— Зяма нести письмо. Важно! У-у, как важно! Вот!

И тролль гордо продемонстрировал белоснежный конверт с печатью Гельмута, адресованный Ольге Вульф.

— У-у... — повторил за троллем Людвиг и от избытка чувств прикрыл глаза ладонью. Этот жест, так любимый его женой, сейчас был как нельзя более уместен.

ГЛАВА 14. О нездоровой конкуренции с утра пораньше

Ольга

Прошлым вечером Ольга даже не вскрыла письмо от его величества Гельмута. И предсмертную записку какой-то дуры не прочитала, а сломанный кулон просто бросила на стол. Сил не было. Никаких вообще. Они с Лиз до своей комнаты-то едва добрались — с помощью гэльсов. И, честное слово, Ольга чуть было не согласилась на любезное предложение рыжего посидеть с ними до утра. Просто чтобы девушки не боялись.

Но она же маг Смерти, она не боится! Не боится, и все тут!

Правда, снилась ей полнейшая дрянь. Она куда-то бежала и проваливалась, что-то горело, а еще она нашла что-то ужасно важное и тут же потеряла... В общем, не сон, а полное безобразие. Хоть проси у Элизы успокоительное.

Мысль об успокоительном посетила ее вновь, когда не успели они налить себе по чашечке шамьета, сваренного Лиз, как явились франки. Две штуки. Сияющие, бодрые и довольные жизнью. За ними тянулась Фифа, разряженная, зевающая и сердитая. Она подчеркнуто не смотрела на Ренара, а тот — на нее.

— Вы готовы, дорогуши? — бессовестно жизнерадостно спросил Морис с порога.

— К чему? — недоуменно обернулась на него Лиз.

— Ох уж эта девичья память! — Морис прислонился лопатками к дверному косяку, приняв позу «павлин сдохнет, но от любования собой не оторвется».

— Я же обещал вам лучший завтрак из всех, что подают в этом городе, — с улыбкой напомнил Ренар.

Ольга невольно улыбнулась в ответ. Мало ли, что он некрасив, зато улыбка у него чудесная, а голос... ох уж этот голос! Вот бы ко внешности Мориса голос и характер Ренара, был бы идеальный мужчина.

— Не думаю, что нам стоит сегодня выходить в город, — нахмурилась Лиз. — Мы вполне можем позавтракать здесь.

Она многозначительно посмотрела на Ольгу. Та лишь вздохнула. Бастельеро ясно сказал: они все в опасности. Вчера их лишь чудом не убили. Так что прислушаться к голосу разума было бы как минимум... э... разумно.

— Лиз права. Сегодня мы остаемся в Академии. Может быть, в другой раз?

— Пфе! И это — маг Смерти? — фыркнул Морис.

— Увы, вас не приглашаем. Колбаса кончилась еще вчера, — мило улыбнулась Лиз, на что Ольга тихонько хихикнула.

Бриттская подруга нравилась ей все больше и больше. Наивная фиалка, ага, как же.

— Колбаса! Кому нужна ваша колбаса! — вклинилась Фифа. — Морис, я тебе говорила — эта цаца совершенно не стоит твоего внимания. Идем. Я хочу наконец попробовать эти хваленые профитроли. Хотя уверена, до наших брийонских им — как до луны пешком.

— Ага, идите. — Ольга постаралась улыбкой, адресованной Ренару, смягчить резкость своих слов. — Увидимся завтра.

— Увидимся, — усмехнулся Морис, отвечивая саркастичный поклон.

— Не унижайся перед этой, — нахмурилась Фифа, — перед этими обеими. Я-то надеялась, что Элиза повлияет на твои манеры в лучшую сторону! — бросила она негодующий взгляд на Ольгу. — Но вижу, что все наоборот. Элиза, ты зря позволяешь этой простолюдинке влиять на себя. Так ты останешься совсем без подруг.

Задрав нос, Фифа удалилась. Морис скривился. Ему явно не хотелось, чтобы выглядело так, словно он следует за капризной дурындой, но его слишком откровенно выставляли. Так что пришлось уйти.

Ренар усмехнулся ему вслед и с видом заговорщика предложил:

— Пусть их. Пошли в буфет. У вас все равно ни колбасы, ничего. Хотя шамьет ты варишь здорово.

Ему Лиз улыбнулась почти искренне:

— Ладно. Буфет — хорошая идея.

— Подождешь внизу? Мы вообще-то не совсем одеты.

— Вы прекрасны в чем угодно, — подмигнул Рене и вышел.

Несколько мгновений висело молчание. А потом Ольга нерешительно сказала:

— И все же Рене милый.

— Химера он, а не милый, — с легкой грустью парировала Лиз.
— Темные маги милыми не бывают. Только если им от тебя что— то очень сильно нужно.

— Да ладно, чушь это все про химеру, ты же сама знаешь.

— Не такая уж и чушь. То, что ты это придумала, не значит, что все неправда. И я бы на твоём месте не связывалась с Д'Амарьяками.

— Д'Амарьяками? — переспросила Ольга, замерев на месте. — Да нет. Не может быть. Если только какая-то совсем дальняя ветвь.

— Почему не может?

— Потому что дар Д'Амарьяков передается только одному ребенку в поколение, — сказала она вторую версию правды, менее болезненную. — Это же давным-давно известно. Дар плюс уродство достаются старшему сыну, а всем прочим нормальное тело и жалкие крохи магии. Вот если бы один Ренар... да и он далеко не карлик...

— А ты представь, что и есть один Ренар. Тут же все складывается, не так ли?

— Да. Ренар Морис как-его-там Д'Амарьяк, виконт и так далее. Но есть еще и Морис, с нормальной внешностью и сильным темным даром. Он не может быть Д'Амарьяком.

Лиз только пожала плечами:

— Просто мы чего-то не знаем. Мой отец всегда говорит: не отменяй очевидного, даже если оно противоречит логике.

— Странная позиция. Долой логику?

— Не долой, просто... — Лиз пожала плечами. — Папу мало кто понимает, его идеи кажутся завиральными, но... Как бы там ни было, не отменяй возможность того, что нам не все известно о проклятии Д'Амарьяков. Так что на твоём месте я бы их остерегалась. Кстати, наверняка оба отлично стреляют.

Ольга лишь вздохнула и взяла со стола письмо, до того лежавшее печатью вниз.

— Не хочу об этом думать прямо сейчас. Допустить, что убийцы прямо здесь, свободно входят в нашу комнату... ну... они могли нас убить прямо сегодня, правда? Но не убили. Значит...

— Ничего это не значит, Оль, — с сочувствием сказала Лиз.

— Значит! — заупрямилась Ольга. — Лучше гляну, что там пишет Гель... ой.

— Твой чуть-чуть отложенный на потом жених? — Лиз лукаво усмехнулась. — Похоже, он тебя любит.

— Не думаю, — покачала головой Ольга. — Это политика и ничего, кроме политики. Он хороший, и я за него выйду, но... лучше бы не сейчас. Мне нужно выучиться и... ну ты сама все понимаешь, да?

— Понимаю, — вздохнула Лиз. — Жаль, я ничего не понимаю в проклятиях.

Пожав плечами, Ольга развернула письмо и прочитала короткие строчки. Не такие официальные, как обычно, и почерк... Чуть приняхавшись, Ольга с удивлением поняла, что эту записку Гельмут писал собственноручно, что короли вообще-то делают крайне редко. У них для этого целый штат секретарей, писарей и прочих ужасно нужных служащих.

— Ну, что там? — У Лиз горели глаза.

— Приглашает позавтракать вместе, — недоуменно ответила Ольга. — Обещает заехать за мной в десять. Я думала, будет строгий выговор и приказ вернуться... а он — завтракать, и... это странно.

— Ой! Давай скорее одеваться! Уже без двадцати! — тут же засуетилась Лиз. — Ты должна надеть... ой. У тебя же нет платья!

— И что? Зато у меня есть брючный костюм. Два брючных костюма. — Ольга задрала нос.

— На завтрак с королем брюки нельзя! — возмутилась Элиза.

— А здесь не написано «король», здесь написано «Гельмут». Завтракать с королем я бы и не пошла. Простым студенткам не положено.

Лиз фыркнула. Ольга тоже. И побежала к шкафу — выбирать из двух брючных костюмов. Гельмут наверняка наденет белое, он постоянно ходит в белом... а она тогда наденет черное, вот. А блузку под черный костюм возьмет ослепительно бирюзовую, купленную именно за то, что едва заметно светилась в темноте, а на свету резала глаз. Что надо.

Одевшись, Ольга обернулась к Элизе.

— Ну как, герр Гельмут не сбежит?

— Ты же не всерьез собираешься идти в этом. Скажи, что не всерьез!

— Так и только так. А ты почему не одета?

— А меня никто и не ждет, — с едва уловимой грустью ответила Лиз.

Ольга на миг смешалась. Как-то это прозвучало... ну... неправильно.

— погоди, а как же Гектор? Он так красиво за тобой ухаживает.

— Гектор... ну да. Он замечательный, — слабо улыбнулась Элиза.

— Мы давно дружим.

— Дружите, ага, — кивнула Ольга, ничуть не поверив в дружбу, она же видела, как нежно смотрит рыжий гэльс на Лиз. — Одевайся. Ты же не оставишь меня одну? Вообще-то это страшно неприлично, встречаться наедине с каким-то подозрительным герром Гельмутом. Вдруг у него коварные намерения?

Элиза тихонько хихикнула. Ольга сделала большие глаза и сделала пальцами движение, будто что-то хватает.

— Вот такие коварные!

Лиз засмеялась громче и тоже полезла в шкаф. За платьем, достойным подозрительного герра Гельмута с ужасно коварными намерениями.

Ольга с Лиз сбежали вниз по лестнице, продолжая спор — явится коварный герр Гельмут в белом или все же инкогнито. Ольга поставила на белое, Лиз — на романтику.

Это было ужасно смешно и весело, и Ольгу переполняло внезапное счастье. У нее есть подруга! Настоящая подруга! Которая не боится магов Смерти, которой не нужны княжеские милости, которой вообще ничего не нужно, кроме самой Ольги! Лиз совсем-совсем не похожа на занудных девиц, регулярно подсовываемых матушкой в качестве «подобающих знакомств».

Знакомств — да, Ольга не спорила и послушно обсуждала с ними занудную погоду, занудные местные новости и еще более занудных женихов. Почему-то с Лиз все те же темы вдруг стали очень интересными. Даже занудный Гельмут вдруг предстал в совершенно ином свете. Оказывается, он тоже может быть поводом для веселья! О, матушка и ее скучные протезы в обморок бы попадали, услышь они их с Лиз «светскую» беседу!..

Едва Ольга ступила в холл — и в ее руках оказалась ярко-синяя роза сорта «Небесная страсть».

— Ой, ваше ве... — начала было Ольга, ища взглядом Гельмута, и осеклась: вместо астурийского короля в холле нашелся один лишь горбун.

— Великолепный цвет, тебе идет, — улыбнулся он.

На мгновение Ольга замерла от неловкости. Она совершенно забыла о Ренаре! Сама предложила подождать их внизу — и сама же забыла.

Ужасно неудобно! А с розой — еще неудобнее, и как-то подозрительно горячо в груди... от того, что Ренар запомнил, с каким именно цветком она вчера шла по улице? Или от того, что он — Д'Амарьяк, заклятый враг ее рода и наверняка все эти любезности не более чем часть хитрого плана по... неважно. Какого-то ужасного, коварного и зловещего. У Д'Амарьяков других не бывает.

— Очень мило. Что это за сорт? — непринужденно осведомилась Лиз, которой досталась такая же роза.

— Понятия не имею, — пожал плечами Ренар. — Идем?

На его фальшивую доброжелательность очень хотелось зашипеть. И вообще, идти куда-то с Д'Амарьяком? Серьезно? Зря он принимает ее за идиотку. И вообще. Хватит уже притворяться милым незнакомцем. Это... это отвратительно.

— У меня только один вопрос, Рене. — Сжав розу так, словно это был нож, Ольга шагнула ему навстречу. — Ты мне назовешь свою настоящую фамилию?

В глазах горбуна на мгновение вспыхнуло темное пламя, он весь напрягся... и тут же выдохнул. Усмехнулся одними губами.

— Не то чтобы я что-то скрывал, но если ты хочешь услышать... Шевалье Д'Амарьяк к твоим услугам.

Он изящно поклонился, приложив руку к сердцу.

Не то чтобы Ольга ждала чего-то другого. Разве что самую капельку надеялась. Непонятно на что.

— Не могу ответить тем же, — холодно ответила она и уронила голубую розу на пол. — Боюсь, вынуждена отклонить ваше любезное приглашение.

— Какая жалость, — с кривой усмешкой парировал Ренар. — А ведь мы могли бы стать друзьями.

— Сказала кошка мышке, — изобразила такую же усмешку Ольга.

— Мышка? Ты?.. — Ренар внезапно рассмеялся, пальцами показал размер мышки и перевел выразительный взгляд на Ольгу, восхищенно покачал головой. — Ни разу не похожа.

Ольга невольно улыбнулась. То есть искренне улыбнулась. И почти решилась предложить мир, как дверь в общагу открылась -ив холл шагнул Гельмут, король Астурии. Инкогнито. То есть в светлосером, без сопровождения и подозрительно похожий на нормального человека. С корзинкой разноцветных фрезий в руках.

— Я выиграла, — шепнула Лиз каким-то подозрительно ломким голосом.

Что одновременно с ней сказал Ренар, Ольга не расслышала, только догадалась, что нечто нецензурное. Выражение лица у него точно стало нецензурное — с таким обычно вызывают на дуэль. Или кидают проклятие в спину, если дуэль невозможна.

— Герр Гельмут! — Ольга с улыбкой шагнула навстречу жениху, оставляя темного мага Д'Амарьяка за спиной и лопатками ощущая его взгляд.

Крайне неприятное ощущение. Крайне! Вообще-то ей стоило изрядного труда удержаться и не закрыться всеми известными защитными заклинаниями. Но ведь это было бы невежливо! Да и вряд ли Д'Амарьяк посмеет что-то ей сделать в присутствии Гельмута, Лиз и десятка человек невидимой охраны.

— Ольга, свет очей моих! Вы обворожительны! — восхитился Гельмут, вручил ей фрезии и поцеловал пальцы. Чуть-чуть дольше и горячее, чем следовало по этикету.

— Позвольте познакомить вас с моей подругой, Элизой. Мы будем учиться вместе. Лиз — целительница.

— Очень приятно, леди Элиза, — продолжая держать Ольгу за руку, кивнул король. — Герр Гельмут к вашим услугам. Рад видеть, что моя дорогая Ольга нашла себе прекрасную подругу.

— Мне тоже очень приятно, герр Гельмут. — Лиз присела в неглубоком реверансе и склонила голову, явно смущенная.

Ольге даже смешно стало: значит, висеть на шее у принца Гектора ей нормально, а тут вдруг смущается. Как будто вот прямо огромная разница.

— А это наш однокурсник, Ренар. Темный маг, — вежливо, но холодно представила его Ольга.

Гельмут оценивающе оглядел Д'Амарьяка, признал не особо интересным и кивнул. Этак снисходительно.

— Для меня большая честь, — поклонился Ренар.

— Рад знакомству, — вежливо соврал Гельмут, явно знающий фамилию горбуна, и отвернулся к Ольге. — Дорогая моя, позвольте проводить вас...

— Нас с Элизой, дорогой, — поправила его Ольга. — Вы представляете, Лиз до сих пор не знакома с лучшей кондитерской Виен.

— О, это требуется немедленно исправить! — просиял Гельмут. — Милая Элиза, прошу вас...

Ольга облегченно выдохнула. Гельмут был на удивление мил, Морис с Фифой очень кстати не появились, Ренар с достоинством принял поражение — даже не попытался никого проклясть или сказать гадость. Впрочем, если бы сказал, наверное, Ольге было чуть проще. Она бы не чувствовала себя так, словно явилась на дуэль с первокурсником верхом на драконе. Все же как-то получилось... нехорошо. Горбатый мальчишка Д'Амарьяк совсем не соперник взрослому красавцу — королю. Совсем-совсем.

Правда, не очень понятно тогда, почему Ольге вдруг стало страшно. Чуть-чуть. Самую капельку. И вовсе не за себя.

ГЛАВА 15. О мышах, темных магах и прочих паразитах

Ольга

После завтрака задумчивая Элиза убежала на встречу с деканом целителей. А Ольга, заперев дверь, достала свою первую улику, чтобы в тишине и без свидетелей изучить подозрительный кулон и записку. Записка была до глупого банальной.

«Коварный совратитель и обманщик. Люблю. Жить не могу. Вот умру, и будешь плакать».

Дура! Лучше бы прокляла кобеля на бездетность, чем травиться. Записку Ольга брезгливо отложила в сторону, но выбрасывать не стала, положила в новенький учебник по некромантии, который еще пах типографской краской. Стопки учебников ждали их с Элизой под дверью, когда они вернулись с завтрака.

На удивление милого, спокойного и приятного завтрака. Гельмут показал себя с неожиданной стороны. Для начала — он явился почти без охраны, сам вел шикарный черный мобиль с хромированными крыльями. Ни разу не заговорил о текущей политике, зато засыпал обеих девушек комплиментами и рассказал пару десятков забавных случаев о сильных мира сего. В целом Ольге даже понравилось. Не столько даже общество Гельмута, сколько неподдельная радость и смущение Элизы. Было такое впечатление, словно за ней, дочерью одного из самых влиятельных бриттских герцогов, никто толком и не ухаживал. Только ради нее Ольга даже почти не язвила, хотя подмывало. Еще как подмывало. Да за все полгода, что она гостила в Виен, Гельмут не провел с ней столько времени наедине, сколько сегодня! Все их беседы сводились к обсуждению погоды и благотворительности под бдительными взорами статс-дам и прочих министров.

Не то чтобы Ольга всерьез на это обижалась, но... наверное, стоило радоваться тому, что Гельмут умеет быть галантным кавалером и дает себе труд это ей показывать. Правда, ехидный внутренний голос подсказывал, что не сбеги она — и не увидела бы его с новой стороны.

А, не суть. Раз жених решил завоевывать ее по всем правилам галантного искусства, следует не нос воротить, а наслаждаться. Может быть даже подсказать Гельмуту, чтобы на одну из встреч взял с собой кого-нибудь из молодых и неженатых приближенных, вдруг у них с Элизой случится любовь, и подруга останется в Астурии, рядом с Ольгой? Вот через неделю и намекнет. Как раз приняла его приглашение пообедать вместе и рассказать о первых днях занятий. Будто ему Людвиг не доложит с подробностями!

В общем, настроение после завтрака было хорошее, но почему-то совершенно не романтическое. И куда больше Лизиных восторгов «таким милым Гельмутом» Ольгу интересовал добытый у гэльсов кулон, который она села изучать, даже не переодев брючный костюм.

Банальный, скучный кулон в виде половинки сердца. Типичный дар влюбленного (или притворяющегося влюбленным) мужчины даме своего сердца. Таких кулонов было в каждой ювелирной лавке по дюжине, и различались они лишь пробой золота и стоимостью самоцветов.

Кстати, этот кулон оказался внезапно дорогим. Даже, пожалуй, в чем-то оригинальным. Форма обычная, работа тонкая и старая, примерно века так позапрошлого, но ничего особенного, а вот камень — редкий. Можно сказать, редчайший. На вид невзрачный, мутно-серый с прозрачными прожилками, неправильной формы камешек назывался «слезой дракона» и стоил примерно как мобиль его величества. И очень удачно, что вчера Ольга почти не держала кулон в руках, а то бы камень засветился и гэльсы наверняка не отдали ей такое сокровище.

«Слезы дракона» ценились за одну крайне интересную особенность. При длительном контакте с одаренным человеком камни напитывались магической энергией и начинали светиться, причем цвет полностью и подробно отражал все нюансы дара. Такие камни традиционно использовали для выявления и оценки магического дара. В семье Волковых «слеза» украшала собой родовой перстень, но последней, кто его носил, была прабабка Елена, достаточно сильная для того, чтобы «слеза дракона» сияла на ее пальце пронзительно-зеленым светом. Мать Ольги не желала демонстрировать слабый дар, а Ольге родовой перстень не полагался, пока она всего лишь наследница.

О второй же особенности «драконьих слез» Ольга слышала мельком, от той же самой прабабки в далеком детстве. Красивую легенду о соединенных судьбах, истинной любви, божественном свете и великом даре. К сожалению, прабабка умерла слишком рано — Ольга была слишком мала, чтобы задавать правильные вопросы, да и саму легенду она запомнила довольно смутно. Теперь же намеревалась порыться в библиотеке, попытаться мастеров-артефакторов и все выяснить. Потому что не мог же этот кулон попасть ей в руки просто так!

Постановив начать библиотечные раскопки прямо сегодня, Ольга взяла кулон в руки и посмотрела на просвет. Подаренная прабабушкой Еленой заколка на мгновение потяжелела, сообщая об остаточных следах темной магии.

Ольга невольно улыбнулась: ее подозрения, что с кулоном все непросто, подтвердились!

А подробный, с лупой, осмотр и вовсе ее обнадежил.

Весь кулон покрывали мелкие царапины, даже камешек был чуть выщерблен. Словно его кидали обо что-то очень твердое. Даже интересно, обо что? Ведь драконьи слезы прочны почти как алмаз! И эти царапины, сплошь покрывающие заднюю поверхность, где традиционно делают гравировку с именем второго возлюбленного.

У Ольги аж пальцы зазудели от азарта! Если удастся прочитать имя на кулоне, наверняка это открытие приведет к архивам княгини Матильды! Должно привести! Ведь она, Ольга, всегда была везучей, ей должно повезти и на этот раз!..

Она едва успела сосредоточиться на крохотных царапинах и почти опознала одну из букв, как распахнулось окно и влетел вестник. Он спланировал на стол листом белой бумаги.

«Студентке Ольге Вульф. Первый курс. Факультет темных искусств. Штраф № 1. Уровень наказания: средний. Отработка: кухня. Прибыть немедленно».

Все это было написано каллиграфическим почерком, а внизу стояла размашистая роспись ярко-фиолетовыми чернилами и печать со стилизованным изображением фурии.

С досады Ольга поморщилась и едва не состарила бумагу до состояния праха. Вот же некстати вылезла отработка от доктора Курта!

Мелькнула даже мысль: как он вообще посмел назначить на кухню ее, княжну Волкову, свою будущую королеву! Но эту гадкую мыслишку Ольга отогнала. Она сама хотела равенства и демократии — вот и нечего теперь злиться.

Прежде чем пойти на кухню, Ольга размягчила парафиновую свечу над огнем и сделала два оттиска кулона. Жаль, под рукой не было магокамеры, умеющей делать точные изображения. Как-то Ольга не подумала, что может пригодиться. Еще больше было жаль, что менталистика дается ей весьма посредственно, и ментальные копии делать она тоже не умеет.

Учиться, учиться и еще раз учиться! Толку от легендарного дара, если она не умеет им пользоваться!

Тут она слегка лукавила, конечно же. По крайней мере, ее умений точно хватило, чтобы закрепить оттиски, спрятать в холодильник и навесить на них заклятие отвода глаз. Просто чтобы Элиза не перепутала ненароком с одним из своих эликсиров, или травяным сбором, или коробочкой с жабьей икрой, или что там еще используют целители.

Сам кулон она завернула в салфетку и засунула в щель между холодильным шкафом и стеной, пообещав себе сразу же, как вернется с кухни, превратить Йорика в шкатулку с секретом. Увы, за минуту такого не сделаешь, нужна будет целая ночь и несколько непростых ритуалов, зато получится надежно. Пока же Йорик сиротливо лежал на полочке и даже не подмигивал.

Точно. Для маскировки она сделает его ночником. Два зелененьких огонька в глазницах будут отлично смотреться по ночам. Или синеньких? Об этом она думала, переодеваясь в спортивный костюм веселенькой черно-фиолетовой расцветки и обещая себе собственноручно украсить его парой-тройкой вышитых черепов. И красиво, и полезно — некромантские обереги отлично помогают сохранять ткань чистой, целой и непривлекательной для любой живности, включая собак, медведей и двуногих идиотов. Вроде Мориса и Ренара.

Ну вот Подумала об Д'Амарьяках — испортила настроение.

— Присматривай тут, — велела она Йорику, не слишком надеясь на ответ.

Заперев комнату на ключ и навесив на дверь парочку проклятий от воров и просто любопытных придурков, она отправилась на поиски кухни. По счастью, вчерашний милый тролль подстригал кусты прямо перед общежитием, и за обещание морковки довел ее напрямик до кухни, расположенной в соседнем корпусе, рядом со студенческой столовой.

— Опаздываете, мефрау Вульф, — рыкнула на нее Фурия.

Ольга лишь пожала плечами. Спорить или оправдываться она считала ниже своего достоинства. Тем более когда никакой вины за собой не ощущала.

— Что от меня требуется? — спросила она, оглядывая помещение: просторное, довольно темное и слегка пыльное. — И где тут можно раздобыть морковь?

— Здесь — нигде. И держите тролля подальше от посуды.

— Зяма хороший, — обиженно пробормотал зеленый и почему-то бочком-бочком спрятался за Ренара.

Фурия его проигнорировала и продолжила инструктаж:

— Значит так. Как проверять плиты и вытяжки, вы уже знаете. Далее. Вся посуда, начиная с котлов и заканчивая чашками, должна быть идеально чистой. Также полы. Окна. Столы и полки. Также вам следует очистить помещение от насекомых и животных.

Ольга еще раз огляделась, невольно поежилась от объема работы и переспросила:

— Мыши?

— И мыши тоже, — кивнула Фурия. — Приступайте, господа студенты.

— Я не собираюсь чистить котлы и мыть полы! — возмутился Морис. — Тратить силы темных магов на тупую неквалифицированную работу — глупо, расточительно и унижительно.

Фурия обернулась к нему и уставилась в упор.

— Малыш, ты можешь повторить это доктору Курту и покинуть стены академии. Тебя никто не держит. Выскажешься? — Фурия с улыбкой ждала ответа, и Ольга казалось, что она наслаждается унижением Мориса.

Не то чтобы самой Ольге это было неприятно. Лучше было бы, только если бы оба шевалье сейчас же отказались от унижительной работы и пошли скандалить к ректору.

— Конечно же, Морис выскажется, — не оправдал ее надежд Ренар. — Иди, братец, объясни доктору Курту, как ему следует организовать тут все.

Ольга сердито нахмурилась. Какого демона этот мерзавец говорит практически то же самое, что хотела сказать она? Как будто она может быть хоть в чем-то согласна с любым из Д'Амарьяков! Нет. Ни за что.

— Фрау Марта, с вашей стороны было бы очень любезно выдать нам фартуки, перчатки и прочие средства для уборки, — сказала Ольга вместо того чтобы подлить масла в назревающий скандалчик. Но вылетать из Академии она не собиралась, одна или вместе с обоими шевалье, неважно. — А также сообщить, действуют ли здесь правила общежития об использовании магии.

— Все что вам нужно — в кладовке, — кивнула Фурия на дверь с рисунком ведра и метлы. — Магией пользоваться можно, но за последствия отвечаете сами. После вас все должно быть чисто. К остаточным эманациям это тоже относится.

— То есть вы нам поручаете работу профессионалов-бытовиков, — покивал Ренар. — Спасибо за высокое доверие.

— Благодарите доктора Курта, — расплылась в клыкастой улыбке Фурия. — Почему-то он решил, что вы справитесь. Или же снова не нашел для вашего курса достойного куратора, и поэтому решил пожертвовать кухней ради вашего вылета из АМН. Потому что если к отбою вы не приведете здесь все в порядок, можете попрощаться с учебой.

— Не дождетесь, — отзеркалил ее улыбку Морис, на мгновение перестав быть и красавчиком, и капризным придурком.

— Я так понимаю, мы можем пользоваться любыми своими способностями и ресурсами, фрау Марта? — вкрадчиво поинтересовался Ренар, снова опередив Ольгу.

— Можете, детки, конечно же, можете. Как закончите, позвоните, и я приду все тут проверить.

— Непременно, фрау Марта, — лучезарно улыбнулась Ольга. — Здесь не так много работы, мы управимся до отбоя.

— Удачи, детки, — не менее лучезарно улыбнулась Фурия и, резко развернувшись на толстых каблуках своих уродливых ботинок, ушла.

— Зяма хороший, — неожиданно проворчал тролль, вырастая из-за спины Ренара. — Зяму кормить, Зяма помогать.

— Пф! Ты наконец-то нашел себе достойного друга, братец! Вы та-ак похожи!

— По крайней мере у Зямы есть мозги. В отличие от тебя, братец.

— Может, вы уже поубиваете друг друга? Я принесу лилии на вашу братскую могилу. Самые красивые, обещаю.

Оба шевалье обернулись к Ольге. Морис — с обольстительно-нахальной улыбкой, Ренар — с ехидным сочувствием.

— Мой прелестный ядовитый цветочек, я не брошу тебя одну, не бойся. — Морис шагнул к Ольге. — Устроим пикник на могилке этого уродца, дорогуша? Приглашаю.

— Ну что ты, дорогуша, — в упор глянула на него Ольга. — Я не посмею вас разлучить. Ваша братская любовь достойна эпоса. Так что приступайте.

— Досадно тебя разочаровывать, милая, но если мы поубиваем друг друга прямо сейчас, ты вылетишь из Академии, — ядовито (и чарующе, демоны его задери) пропел Ренар.

— Ладно, можете отложить это до вечера. Но не забудьте пригласить меня на дуэль.

— Ты будешь моим секундантом, дорогуша? О, я знал — ты от меня без ума. Это вовсе не обязательно скрывать, моя прелесть. Я весь твой.

— Осторожнее, братец. Твоя прелесть может понять буквально. А учитывая, что она предпочитает мертвечинку... хотя нет. Не надо осторожнее, продолжай в том же духе.

— Уверена, в качестве учебных пособий по некромантии вы оба будете великолепны, — фыркнула Ольга.

— Несомненно, — кивнул Ренар. — Лет через двести.

— Я дождусь, милые мои шевалье. Завещайте ваши бранные тела мне, я прекрасно о вас позабочусь.

— Я завещаю их нашим с тобой детям, дорогуша, — просиял Морис. — Предлагаю не откладывать и сделать их сегодняшней же ночью. Мы как раз успеем в храм после отработки.

— Боюсь, чтобы мефрау Ольга вышла за тебя, придется тебе где-то по-быстрому спереть корону и белый костюмчик, — еще более

ядовито пропел Ренар.

Морис глянул на него с недоумением, потом перевел взгляд на Ольгу:

— Только не говори, что ты предпочитаешь занудных стариков! Я все равно не поверю.

— Мефрау предпочитает блондинов и королей. Ты — не то и не другое, так что успокойся и займись делом, придурок.

— Займитесь делом оба. Котлы сами себя не почистят, — ледяным тоном сказала Ольга. — А я не собираюсь вылетать из академии из-за вас. Два придурка.

Резко развернувшись, она пошла к подсобке. Не то чтобы ей было обидно... ладно. Было. Почему-то она не ожидала от Ренара такого яда. Точнее, ожидала не только яда, но и удара в спину, все же они наследственные враги. Но... просто... обидно, да. И нечестно. Как будто это она выбрала себе в женихи Гельмута! Как будто для нее вообще важна эта демонами проклятая корона! Или красота! Или... почему эти Д'Амарьяки такие сволочи, а?!

— Даже не смотри в ее сторону, урод. Она — моя, — услышала Ольга, открывая дверь в подсобку.

На этот раз в тоне Мориса не было и следа игривости, только жажда, восхищение и твердая уверенность.

— Ненавижу, — прошипела Ольга, захлопывая за собой дверь кладовки и щелчком пальцев вызывая зеленый огонек. — Проклятые Д'Амарьяки, чтоб вы сдохли оба!

Выбирая три фартука, ведро и перчатки, она с удовольствием представляла себе, как эти оба идиота шатаются, хватают руками воздух и скрипят: «Мозги, мозги!». Хотя, конечно, тратить такой ресурс на банальных зомби было бы глупо. Вот на умертвия высшего уровня, вроде герра Рихарда — да... Как прекрасно Д'Амарьяки смотрелись бы в прихожей дома Волковых — Мортале! Изумительно! Один — дворецким, а второй — вешалкой для шляп и зонтиков!

Почему-то вешалкой для зонтиков представлялся Морис, а Ренар в ее воображении уже подавал ей утренний шамьет и своим чарующе-проникновенным голосом говорил:

«Приятного аппетита, моя госпожа».

М-м-м...

Вот. Именно это она когда-нибудь и получит. Свободу от проклятия, полдюжины детей и Д'Амарьяков-умертвий в личную прислугу. Прабабка Матильда будет ей годиться!

— Ваши фартуки, шевадьё! — Выйдя из кладовки, она швырнула две тряпки Д'Амарьякам. — За вами котлы и дымоходы, за мной — мыши и прочие животные. И держитесь подальше от заклятий, если жить не надоело.

— Как скажете, моя прекрасная госпожа, — пропел Ренар тем самым голосом из ее мечты и сверкнул разноцветными глазами.

Ольга невольно поежилась. Слишком это было... слишком, короче. И не будет она больше об этом всем думать! В конце концов, мыши сами себя не выведут, а здесь их наверняка полно.

ГЛАВА 16. О кумирах, злодеях и жабах

Ольга

Следующее утро началось с неприятного сюрприза.

Кулон исчез. Бесследно. И Ольга понятия не имела, когда — вчера днем, пока она в вынужденном союзе с Д'Амарьяками приводила кухню в порядок, или уже ночью, пока она спала без сновидений. Потому что проклятая отработка выпила из нее все силы и все нервы. А попробуйте на ходу преобразовать несколько темных заклинаний в бытовые, при этом ничего не разрушив и не подняв десятков скелетов! И все это — не упуская из виду двух темных магов, так и мечтающих воткнуть тебе нож в спину!

В общем, Ольга вымоталась так, что еле доползла до своей комнаты и рухнула в кровать, не раздеваясь. Даже укрывала ее уже Лиз — но самого процесса Ольга не помнила.

Ей вообще показалось, что едва она упала в постель, как ее тут же поднял отвратительно жизнерадостный голос тролля Зямы из-за двери:

— Утро! Утро! Вставать пора! — сопровождаемый грохотом кулачищ.

— Утихомирь своего поклонника, пока я его на декокты не пустила, — сонно проворчала Лиз, накрываясь подушкой.

Ольга лишь поморщилась: вот уж точно, поклонник. Зеленый вчера сожрал столько каменных сухарей (больше ничего съедобного в кухне не нашлось), что всякий порядочный тролль бы на его месте лопнул. Этому же — хоть бы хны. Только улыбался, уверял всех в своей хорошеести... ну и помогал, конечно. Двигал мебель, драил котлы, которые не поддались магии, выметалдохлых мышей и букашек, вытаскивал из вентиляции застрявшую кошку-умертвие...

О своей гениальной идее запустить в узкие трубы свежеподнятую кошку вместо того чтобы лезть туда самой, Ольга даже вспоминать не хотела. Потому что кошка упокоилась в самый неподходящий момент и, разумеется, наглухо застряла. А великие темные маги вместо того чтобы помочь — ржали. Как кони. И требовали за помощь поцелуй.

В общем, мерзавцы. Истинные Д'Амарьяки, чтоб они оба чирьями покрылись!

— Да проснулась я, проснулась, — хрипло со сна крикнула Ольга.

— Доброе утро! Доброе утро! — обрадованно заголосил тролль.

Ольга сжала виски ладонями.

— Тише ты!

— Зяма завтрак принес! Зяма хороший!

— Замечательный Зяма, — морщась, согласилась Ольга и выбралась из постели. С чего бы вдруг тролль принес ей завтрак, она не знала и гадать пока не могла. Сначала бы проснуться. — Не ори так, будь человеком!

Тролль счастливо заржал и принялся повторять:

— Зяма, будь человеком, гы-гы-гы!

За что схлопотал злобное ворчание и меткий бросок подушки от Элизы. Правда, подушка ударилась в закрытую дверь, но Ольга все равно оценила бросок. Отличный бросок. Милая бриттская целительница вполне могла бы записаться в сборную Академии по метанию чего-нибудь.

Глянув по дороге в зеркало, Ольга поморщилась: ее симпатичный брючный костюм превратился в тряпку. Значит, на встречу с деканом факультета, он же куратор спецкурса, придется идти в том же, в чем она завтракала с Гельмутом вчера.

Как же неудобно иметь мало одежды! И как быстро она приходит в негодность, когда нет ни камеристки, ни бытовой магии!

— Зяма, будешь так орать, тебя кто-нибудь проклянет, — предупредила Ольга тролля, открыв дверь.

— Да-а-а-а! — мечтательно протянул зеленый и просиял желтыми хищными глазами. — Вкусно! Проклинать — вкусно! Вот, тебе. Зяма хороший?

Оценив поднос с омлетом, колбасками, горячим картофельным хлебом и толстыми вафлями с вареньем, Ольга кивнула:

— Очень хороший. Откуда это?

— Вот! — тролль ткнул пальцем в записку на краю подноса.

В записке значилось: «С благодарностью за прекрасную работу, герр Шварц, старший повар».

— Ладно. Спасибо тебе, хороший Зяма, — кивнула Ольга, взяла один их хлебцев и дала троллю.

Тот счастливо ухмыльнулся во все свои зубищи (универсальной, то есть человеческой конфигурации, разве что куда более крупные и

острые), проурчал что-то вроде «добр-рая, хор-рошая» и утопал. А Ольга на всякий случай сняла заколку с черепом и провела над подносом: бабушкин подарок никогда не пропускает ни яда, ни вредоносных заклятий. Подарок молчал — и мерзко-едкое чувство опасности где-то под ребрами утихло.

Вот спасибо Д'Амарьякам, теперь в каждом подарке ей мерещится подвох!

От запаха колбасок и вафель проснулась Элиза. Или не совсем проснулась, но за стол пришла. Почему-то Ольга ожидала, что придет еще кто-нибудь... ну там гэльсы... или франки... Но никто больше не пришел. О чем она ну ни капельки не пожалела! И вообще. Она ясно сказала Д'Амарьякам, что здесь им не рады. Вот они и не пришли. Все же приличное воспитание они получили.

Элиза, добрая душа, ее косые взгляды на дверь никак не прокомментировала. Впрочем, ей было и не до того:

— Мне не терпится познакомиться с куратором курса! Говорят...

Восторженные комплименты профессору Ольга пропустила мимо ушей. Что-то ей подсказывало, что встреча с герром Бастельеро будет очень познавательной, но не слишком приятной. Впрочем, это не помешало ей, переодевшись в свой единственный приличный костюм, влезть в щель между стеной и холодильником за кулоном...

— Где?! Лиз, ты не брала? — не очень надеясь на положительный ответ, спросила она.

— Что брала?

— Кулон. Тот, что дал Гектор.

Бриттка только пожала плечами:

— Нет, конечно. Зачем он мне сдался! Наверное, упал. Или у горничной спроси...

— Здесь нет горничных. И дверь была на сигнализации, — нахмурилась Ольга.

Элиза замерла, обернулась.

— Вообще-то когда я вчера входила, никакой сигнализации не было.

— Я вешала проклятия от воров.

— Не было. Я бы увидела.

Мгновение помолчав, они в один голос выругались.

Настроение было окончательно испорчено.

— Расскажи полковнику Бастельеро. Все это как-то слишком.

— Слишком, — согласилась Ольга. — Д'Амарьяки совсем обнаглели.

— Не уверена, что это они, — покачала головой Лиз.

— Больше некому, — поморщилась Ольга, вспомнив обещание Ренара: «Со мной вы будете в полной безопасности».

Что ж. Обещаниям Д'Амарьяков верить нельзя — это аксиома, которую Волковы выучили очень, очень давно.

В двести третью аудиторию учебного корпуса Ольга явилась за пять минут до назначенного времени и очень удивилась, застав там всего семь человек: обоих Д'Амарьяков и еще пятерых парней. Точнее, двух парней и трех мужчин явно старше герра Бастельеро.

Самого его пока не было.

— Вау, какая красotka! Иди ко мне, цыпочка! — оживился один из парней, соломенный блондин совершенно неблагородного вида.

Ренар с Морисом скептически хмыкнули. Остальные — воззрились на Ольгу с искренним интересом. Она же, проигнорировав грубияна, остановилась взглядом на самом старшем и наиболее приличном из студентов и спросила:

— А где все?

— Целители на третьем этаже, меффрау, — отозвался тот.

— К демонам целителей, цыпочка, ты попала по адресу! — Блондин подскочил к Ольге и попытался обнять ее за талию. — Переходи на... Ай! Что за демон?!

Тряся руками, стремительно покрывающимися жабьей бородавчатой кожей, грубиян отшатнулся.

Ольга фыркнула, Д'Амарьяки заржали, взрослые некроманты — Ольга наконец-то разглядела их ауры — тоже засмеялись, но потише, а последний оставшийся парень, на вид — классический злодей, соорудил мерзко-презрительную рожу:

— Слабак. Поддался какой-то девчонке, — и задрал крючковатый нос к далекому потолку.

Морис заржал еще громче, а Ренар громко и отчетливо сказал, обращаясь все к тому же потолку:

— Два идиота на курсе из восьми человек — явно перебор. Вы бы хоть на ауру посмотрели, мастера темных искусств.

— Олье, дорогуша, не обращай внимания на придурков, — подошел к Ольге Морис, коротко поклонился и предложил руку: — Позволь проводить тебя.

— Сомневаешься, что я сама пройду эти десять шагов, дорогуша?

— Ну что ты. Всего лишь напоминаю, что с кем бы ты ни повздорила, я на твоей стороне. Всегда.

— Благодарю за напоминание, но предпочту свою сторону. — Ольга одарила Мориса ледяной светской улыбкой.

— Держи друзей близко, а врагов еще ближе, не так ли сказал кто-то очень умный? — подал голос Ренар.

— Конечно, если ты предпочтешь моему обществу вот это воющее ничтожество, — Морис кивнул на блондина, тихонько поскуливающего от боли в углу аудитории, — мне придется превратить его в жабу окончательно.

— Убери это! Ты! Проклятая ведьма! Не смейте меня трогать! Вы все!.. — парень явно плохо понимал, что несет, и вообще выглядел крайне жалко и неприятно.

— Уберись сам, — зашипел на него Злодей, имени которого Ольга пока не знала, и будь ее воля, предпочла бы не знать и вообще его больше не видеть. — Позор факультета!

— Дети, не ссорьтесь, — укоризненно покачал головой самый старший некромант. — Мефрау, надеюсь, вы умеете снимать собственные проклятия? Кстати, отличное проклятие. Не будете ли так любезны поделиться технологией? И позвольте представиться: Ланс Веннер, некромант.

— Боюсь, со снятием проклятий у мефрау Ольги трудности. Это семейное, — светским тоном прокомментировал Ренар прежде, чем Ольга успела ответить.

— Трудности явно у тех, кто не гнушается воровать у девушек украшения из холодильника, — так же светски парировала Ольга, поймав себя на том, что утреннее дурное настроение чудесным образом развеялось и сменилось здоровой и отчасти даже веселой злостью. Как-то странно на нее действует этот Д'Амарьяк. Как пара чашек крепчайшего шамьета. — Приятно познакомиться с вами, Ланс. Я — Ольга Вульф, маг Смерти. А эта ерунда снимается элементарно.

— Тогда прошу вас, Ольга. Не хотелось бы злить полковника отсутствием дисциплины на первой же встрече.

— Да мы пайньки. Морис Бюсси, темный маг, — подойдя к ним, представился Морис. — А тот ехидный уродец — мой кузен, Ренар Соланж.

— Рад знакомству, — кивнул Ланс.

— Так вы, Ланс, работаете с Бастельеро? В Оранжеее? — спросила Ольга.

— Расследовали одно дело в моем родном Зальцберге. Собираюсь вернуться на службу, получив степень бакалавра. Вы же понимаете, это уникальная возможность, учиться у самого полковника Бастельеро.

— Уверен, скучать нам не придется. Правда же, милая? — Морис поймал руку Ольги и поцеловал ей пальцы.

— Благодаря вам мы вчера отлично повеселились на кухне, — буркнула она, вырывая руку.

— Хорош любезничать, убери с меня эту штуку! — блондин переключился со Злодея, с которым вяло переругивался, на Ольгу.

— Если не хочешь, чтобы тебя выгнали еще до...

— Так-с... — оборвал его на полуслове ледяной голос.

В прямом смысле ледяной. По аудитории пронеслась волна морозного воздуха, изрисовала высокие окна белым узором, а обернувшихся студентов заставила ежиться.

— Полковник Бастельеро! Курс прибыл на инструктаж! — лихим и придурковатым тоном доложил Ланс, вытянувшись по стойке «смирно».

— А, Веннер! Вольно, вы не на службе.

— Так точно, полковник! — отчеканил Ланс.

Бастельеро, к удивлению Ольги, не разозлился, а наоборот, слегка оттаял и даже улыбнулся. Ланс — тоже. Видимо, совместное расследование чего-то там в Зальцберге их каким-то образом сблизило. Несмотря на то что Веннер — если и дворянин, то явно не титулованный, а Бастельеро — герцог и кузен короля. Демократия почти как в Академии.

— Я смотрю, времени вы зря не теряете, — уже без морозных эффектов, но по-прежнему сердито сказал Бастельеро. — Ну-ка, что там у вас, студент?

— Она меня прокляла! — тут же пожаловался блондин. — Это недопустимо! Нам обещали равенство и демократию, но эти аристократы! Как будто простые люди — пыль под ногами!

— Святые подштанники, еще один революционер, — едва слышно прошептал Ренар.

Бастельеро кинул на него короткий взгляд, скривился и рявкнул на блондина:

— Студент! Для начала представьтесь. И не мешало бы сначала думать, а потом нести чушь.

— Я... я не чушь! Я... такой же человек, как вы!

— Имя, фамилия, курс, — потребовал Бастельеро, сделав к блондину пол шага.

Все восемь студентов, включая Ольгу, одновременно сделали по шагу назад. Потому что... а потому что. И почему-то рука Мориса, легко сжавшая ее собственную руку, уже не вызывала такого уж желания отдернуться.

— Удо Кляйн, второй курс, — чуть дрожащим голосом представился блондин.

— Так вот, Удо Кляйн, второй курс. В Академии нет равенства и братства. Зато есть сообщество магов, где всем плевать на ваше происхождение. Отношение к вам зависит только от ваших поступков.

Удо Кляйн набычился и сжал кулаки.

— Аристократы... рука руку моет... — проворчал он едва слышно.

— Вы что-то сказали, студент?

— Я сказал: рука руку моет! — он поднял взгляд на куратора. — Аристократы всегда друг за дружку!

— Когда не рвут друг другу глотки, — любезно уточнил Бастельеро. — Можете считать, что вас приняли в свой круг. Мефрау Ольга, вам понравились отработки на кухне? Не терпится повторить?

Ольга вздрогнула, но тут же гордо развернула плечи.

— Отличная практика, герр Бастельеро. Бесценный опыт.

Бастельеро усмехнулся.

— А скажите-ка, герр Кляйн, за что вас прокляла мефрау Вульф. Мне крайне интересно.

— Я ей не понравился, — кинув на Ольгу полный ненависти взгляд, заявил блондин.

— То есть студентка вам так и сказала: вы мне не нравитесь?

— Ничего она не сказала, просто взяла и прокляла. Я ей ничего плохого не сделал. Наоборот! На ней не написано, что она из принцесс, я думал — нормальная девчонка!

— Так-так, — покивал Бастельеро. — Думали, и?..

— И все! Я к ней со всей душой, а она — бац, и нате вам!

— То есть вы студентку не оскорбляли, рук не распускали...

— Слушайте, я может из простых, но девушек не обижаю! Уж не знаю, что ей не так было, но я со всем уважением.

— ...облапал незнакомую девушку, обозвал гулящей девицей... — тихо прокомментировал Ренар.

— Никого я не обзывал!

— Баргот вас... — выдохнул Бастельеро и потер висок. — Так. Все замолчали. Веннер, что именно он сказал и сделал.

Ланс рассказал. Спокойно и подробно. Не обращая внимания на протесты блондина.

— Как вы оцениваете проклятие, Веннер?

— Невербальное контактное проклятие. Для жизни не опасно, затрагивает только верхние слои эпидермиса. Отличная работа, не всякая опытная ведьма на такое способна. Опять же, нестандартная модификация, видимо, семейный рецепт.

— Контактное? — поднял бровь Бастельеро. — Очень странно, если вы не распускали рук, студент Кляйн.

— Не распускал! Я всего-то ее приобнял! По-дружески!

Ольга передернула плечами. По-дружески, да? Прелестные представления о манерах у этих «простых людей». Едва увидев даму, лезть в ее личное пространство, лапать, называть цыпочкой, словно какую-то дешевую девку.

— Покажите вашу руку, Кляйн.

— Вы дол...

— Молча! Так. — Бастельеро провел над поврежденной рукой ладонью, принюхался, окутался мертвенно-синим мерцанием. Фыркнул. — Отличная работа, мефрау Вульф. Зачет по проклятиям за первый семестр.

— Что?! — возмутился блондин. — Вместо того чтобы...

Под ледяным взглядом Бастельеро он осекся.

— Продолжайте-продолжайте, студент. Что я там должен?

— Наказать ее! Никому не позволено вот так... ни за что... Вы должны поступить по справедливости!

— Ага. Должен. По справедливости.

— Именно!

— Но вот досада, студент Кляйн. Справедливость — это не жалость к идиотам вроде вас, как бы вам того ни хотелось.

— Я не идиот! У меня отличные оценки!

— Идиот-отличник, все ясно, — покачал головой Бастельеро. — Тяжелый случай.

— Клинический случай, — еле слышно проворчал Злодей. — Не лечится.

— Ну почему же, студент... э... — клыкасто улыбнулся ему Бастельеро.

— Дольф Файербах, второй курс, — коротко поклонился Злодей.

— Так вот, Дольф. Запомните. Вы все покинете Академию либо высококласными магами, идеально приспособленными к выживанию в самых сложных условиях, либо мертвецами. Вне зависимости от того, кто ваши предки.

На этих словах Бастельеро выразительно оглядел Ренара и Мориса. Те лучезарно улыбнулись.

— Это угроза, герр Бастельеро? — распетушился Кляйн.

— Ни в коем случае. Это — первое правило моего факультета. Если кто-то не согласен, сейчас самое время покинуть учебное заведение.

— Не дождетесь, — тихо, но очень четко сказал Ольга.

— Вы что-то сказали, мефрау? — Бастельеро пронзил ее злодейским взглядом.

— Да, профессор, — громко, с ясной улыбкой отозвалась Ольга, злодейский взгляд она не боялась, потому что и сама их умела. — Я спросила, какие еще правила нам нужно знать.

— Вы намереваетесь быть примерной студенткой? Похвально.

«Но ни демона у вас не выйдет», — говорил его тон.

— Разумеется, профессор. Учиться у вас — это уникальная возможность, которую я не собираюсь упускать.

— Мы все не собираемся упускать, — поддержал ее Морис.

— Подхалимы, — с отвращением пробормотал Кляйн.

— Тупица, — совершенно в том же тоне парировал Злодейский Дольф.

— Детский сад, — совсем тихо резюмировал Ланс Веннер.

— Барготова богадельня, — громко и четко поправил его Бастельеро. — Итак. Правило второе: я всегда прав. Правило третье:

если вам кажется, что я не прав — смотрите правило второе. И правило четвертое, самое главное: вас тут никто не держит, что-то не нравится — уходите своими ногами. Частный вариант этого правила, студент Кляйн, относится к вам.

— Я не собираюсь уходить из Академии.

— Прекрасно. Значит, вы готовы нести полную ответственность за свои поступки. Да, правило важное, касающееся не только моего факультета. Звучит просто: сглупил — плати. Скажите-ка мне, студент Кляйн, в чем именно вы сглупили и за что расплачиваетесь?

Блондин насупился и промолчал.

— Плохо, студент. Вы не усвоили урок. Следовательно, следующий на эту же тему будет намного более болезненным. Студент Соланж, в чем ошибка студента Кляйна?

— Ошибки. Множественное число, профессор, — отозвался Ренар. — Первая: он считает девушек заведомо слабее себя, даже если девушка учится на факультете темных искусств. Вторая, вытекающая из первой: не умеет читать невербальную коммуникацию, не видит сигналов опасности. Третья: считает себя единственно правым в своих привычках общения, не готов принимать чужие. То есть лезет со своим уставом в чужой монастырь. Четвертая: не желает признавать своих ошибок, тем самым отрезая себе возможность их исправить. Пятая...

— Благодарю, достаточно. Вы взяли психологию факультативно?

— Да, профессор.

— Я напишу вам разрешение посещать занятия с четвертым курсом. Морис, в чем пятая ошибка студента Кляйна?

— Только полный идиот тратит время на трындеж, вместо того чтобы бежать к целителю и спасать конечность.

— Но... но она сказала... — Кляйн испуганно осмотрел свою руку: зеленую и бородавчатую. Прелесть что за рука.

— Только полный идиот принимает слова некромантки «эта ерунда снимается в два счета» всерьез. Обычно «ерунда» снимается вместе с кожей, придурок.

-Но... Герр Бастельеро! Вы же не допустите! Это... мне нужен целитель!

— Тихо, Кляйн. Вы идиот, но пока не начались занятия, вы не умрете.

— Пока?! О чем вы говорите?!

— О том, что меффрау Ольга сейчас ликвидирует последствия своих художеств, не так ли?

— Конечно, профессор. В два счета, — и Ольга подмигнула Морису.

— Но моя кожа... профессор! — в глазах блондина плескалась паника. — Не позволяйте ей!..

— Студент Кляйн, заткнитесь.

Блондин заткнулся и круглыми-круглыми глазами смотрел на Ольгу, не спеша подходящую к нему. Не то чтобы она нарочно его пугала. Он и сам прекрасно испугался, спасибо Морису. Вот же темная тварь!

И нет. Ольга вовсе им не восхищалась. И разбором от Ренара — тоже. Не восхищалась! Ни разу! Просто отдавала должное этим мерзким темным тварям. Точка.

— Руку, Кляйн, — нежно пропела Ольга, остановившись в полушаге от труса несчастного.

Тот молча сглотнул и протянул руку. Ольга провела ладонью поверх, не касаясь ни кожи, ни рукава. И тихо-тихо велела:

— С-с-с-смотри мне в глас-с-с-а, с-с-смертный.

Смертный вздрогнул, еще раз сглотнул и посмотрел.

— А теперь с-с-скаш-ш-ши волшебное с-с-слово.

— Ка. .. кое?

— Волш-ш-шебное, — прошипел трусу в левое ухо невесть как оказавшийся за его спиной Ренар. — С-с-скаш-ши, а то умреш-ш—ш...

— В с-с-страш-шных муках... — поддержал Морис с правой стороны.

— А... по... пожалуйста?.. — пролепетал блондин.

— На с-с-сдоровьиц-це, — ласково улыбнулась Ольга, решив, что отныне будет звать его Трусом. Так проще запомнить.

— Еще раз тронешь даму моего сердца — пушу на ингредиенты, — уже нормальным голосом пообещал Морис и подхватил Ольгу под руку. — Ты прекрасна, дорогая. Я восхищен.

— Сучка, — почти всхлипнул Трус.

— Ой. Я совсем забыла! — с милой улыбкой обернулась к нему Ольга. — У этого заклятия есть побочный эффект.

— Какой еще побочный?..

— Ругаться нельзя. Каждое ругательное слово — один чирей... где-нибудь. Но ты не волнуйся, это не опасно. Через недельку само пройдет.

— Или не через недельку, — в тон ей добавил Морис.

— Или не пройдет, — добил несчастного Ренар.

Трус что-то нечленораздельно провыл. Сквозь зубы. Видимо, чтобы без слов и без чирьев.

Остальные маги наблюдали за представлением молча. С очень серьезными лицами. Самое серьезное лицо было у профессора Бастельеро. Ольга готова была поставить Йорика, что он прикусил язык, чтобы не смеяться. Бедняжка. Ему же нельзя, он же профессор.

— Хм, — сказал профессор, выдержав минутную паузу. — Что ж, на это раз вы обошлись без отработок, меффрау Вульф. Поздравляю.

— Благодарю, профессор.

— А теперь сядьте все... — дальше Бастельеро неслышно пробормотал что-то явно нецензурное, характеризующее любимых студентов с самой лучшей стороны.

Сам Бастельеро уселся на кафедру (вместо того чтобы встать за нее, как положено). Студенты расселись на первом ряду амфитеатра, и Ольга оказалась между Д'Амарьяками. Протестовать она не стала — глупо устраивать скандал при всех, тем более что сейчас они точно не причинят ей вреда. Не посмеют.

— Итак. Правила факультета все усвоили, я надеюсь?

— Да, профессор, — отзывались все восемь человек нестройным хором.

— Отлично. Теперь об учебном процессе. На первом курсе вас четверо, на втором — двое, на четвертом — двое. И еще одна меффрау на третьем, она присоединится к вам со второй недели. Рекомендую вам не конфликтовать и по возможности держаться вместе. Темных и некромантов не любят везде, Академия не исключение. Думаю, вы уже в курсе, — он посмотрел на второкурсников.

Злодей и Трус кивнули, не глядя друг на друга.

— Поэтому помните: если вы будете воевать друг с другом, этим обязательно кто-то воспользуется.

Общий вздох был ему ответом.

— Общие предметы вы слушаете с другими факультетами. Зелья — с целителями, теория магии и основы магических взаимодействий

— со стихийниками, математика и алхимия — с кем успеете, физкультура — с боевиками. — На этом месте Бастельеро глянул на Ренара. — Вопросы есть?

— Этот дохляк — с боевиками? — переспросил Трус и рассмеялся.

Ольге очень захотелось проклясть его снова. Смеяться над горбуном — подло, мерзко и... плевать, что он — Д'Амарьяк. Она сама его убьет. Потом. Когда случай представится. Но смеяться над ним?! Нет! И никто не посмеет!

— Герр Кляйн, — бесцветно сказал Бастельеро, и Трус заткнулся. — Как декан темного факультета, я обязан предупреждать студентов в случае, если в процессе обучения им грозит смертельная опасность. Поэтому рекомендую вам немедленно покинуть АМН, а также в ближайшие годы не появляться в Виен. В противном случае АМН не несет за сохранность вашей жизни и здоровья никакой ответственности.

— Допрыгался, придурок, — с оттенком сочувствия прокомментировал Злодей.

— Но... профессор! В чем дело?

— В отсутствии у вас мозга и чувства самосохранения, не говоря уже об элементарной вежливости. Вы не желаете ли посмеяться надо мной, герр Кляйн? К примеру, вот над этим, — предложил Бастельеро, снимая перчатку и демонстрируя студентам полупрозрачные черные чешуйки на тыльной стороне ладони.

— Не-ет... но... — Трус наконец-то внимательно посмотрел на Ренара, Мориса и Ольгу.

За Д'Амарьяков она ничего не могла сказать, они сидели идеально ровно и дышали спокойно. А за себя... Обычно, когда она чувствовала себя настолько легкой, прозрачной и невозмутимой, обитатели поместья Волковых старались не попадаться ей на глаза. Все, включая кошек и птичек. А на светских приемах гости и хозяева просто держались от нее подальше. Предпочтительно в другой комнате. Или в саду. Или в соседнем городе.

Так что в целом Бастельеро был прав. Трусу безопаснее бежать. Быстро. Прямо сейчас. Не все проклятия Волковых-Мортале так просто снимаются. Вообще хоть как-то снимаются.

— Э... Соланж... я не хотел тебя обидеть, слушай. Просто... ну... не бери в голову, приятель! Подумаешь, ну... я ж ничего такого не сказал! Ты же сам не хочешь на физру к боевикам, что, я не прав?..

У Бастельеро с каждым его словом делалось все более страдальческое лицо, словно у него зуб болел. Или два зуба. Все зубы.

— Если бы ты не был настолько жалким идиотом, тебе точно стоило бы бежать, малыш, — внезапно сказал Ланс. — Тебя может спасти лишь то, что благородным людям противно мараться о безмозглую грязь.

Ренар рядом с Ольгой выдохнул и чуть-чуть расслабился.

— Ты прав, Ланс, — очень ровно сказал он. — Пачкаться об это ниже достоинства разумного человека.

— Он все равно нарвется, — добавил Морис. — На кого-то более нервного.

— И чуть ближе к своей весовой категории, — поддержала его Ольга и легко погладила Ренара по руке. — Я уже жалею, что связалась. Это ж все равно что на червяка наступить. Он совершенно не способен оказать достойное сопротивление.

— Хотя какое-то сопротивление, — кивнул Ланс. — Дольф, прими наши соболезнования с таким сокурсником.

— Принимаю. Хотя лучше бы мы выпили на его похоронах.

— Выпьем так просто. За знакомство, — предложил Ренар. — Нам, темным тварям, следует держаться вместе. Правда же, Оле?

Последнее он шепнул Ольге в ушко и, перевернув свою ладонь, переплел пальцы с ее пальцами. То же самое сделал с другой стороны Морис.

На Труса никто из них уже не смотрел. Да и не на что там было смотреть. Наверняка сегодня они видят его в последний раз. Если, конечно, у него есть хоть капелька мозгов.

— Что ж, сплоченный коллектив — это прекрасно, — кивнул Бастельеро. — Но мы сначала закончим с официальной частью.

— Да, профессор! — слаженно отозвались пять голосов.

Еще двое — третий курс, некроманты, имен они пока не называли и в общем безобразии не участвовали — промолчали. Трус что-то недовольно пробурчал, но его никто не слушал.

— Вот и чудно. Спецпредметы у вас веду я. Разбиваться по курсам не будем, на разницу в вашей подготовке мне... хм...

— Вам плевать, профессор, — договорил за него Злодей.

— Именно. Так как мою работу в конторе никто не отменял, занятия будут в основном практические. Совмещенные с розыскной и прочей следственной деятельностью.

— Допросы? — оживился Злодей.

— Когда нос дорастет, — усмехнулся Бастельеро. — Для вас будет много разной интересной работы. Как известно, без квалифицированных некромантов этот мир погрязает в хаосе и беззаконии. Так что на вас вся надежда.

— Швабры в руки — и вперед, на зачистку моргов. Бесценный опыт, — подал голос Ланс.

Все дружно захихикали, представив толпу темных магов и некромантов со швабрами.

Бастельеро злорадно прервал их веселье.

— И швабры тоже. Но на вашем месте я бы не надеялся на легкую жизнь.

— Ну что вы, профессор! Как можно! — подхалимским тоном пропел Морис.

— Негодяи, — по-отечески усмехнулся Бастельеро.

— Нам есть на кого равняться, — таким же тоном добавил Ренар.

— Барготовы дети, — вздохнул Бастельеро и посерьезнел: — Рано расслабились. Отмечать я вам не запрещу, но ложку дегтя добавлю.

— О-о-о! — Барготовы дети в лице Д'Амарьяков, Дольфа, Ланса и Ольги скорчили несчастные морды, твердо уверенные, что профессор оценит

Профессор оценил.

— Правильно. Бойтесь меня. А чтобы сильнее боялись, к завтрашнему дню все пишете эссе на тему «великие деяния некромантов/темных магов», нужно подчеркнуть. Задача ясна?

— Да, профессор!

— Вот и молодцы. Все. Брысь. Мне еще работать, в отличие от вас.

— Барготовых детей, — продолжил кто-то почти неотличимым от профессорского голосом.

— Именно, — сверкнул глазами Бастельеро, открыл портал и шагнул в него.

— Очешуешь, — восхищенно прошептал Дольф Злодейский.

И Ольга поняла, что завтра на его руках появится полупрозрачная черная чешуя. В точности как у идола и кумира. И, возможно, сюртук превратится во френч полувоенного покроя. Чтобы уж полное сходство.

ГЛАВА 17. О книгах, крысах и проблемах недоверия

Ольга

«Именно так был заложен краеугольный камень первой международной академии магии, в которой женщины учились и занимались наукой наравне с мужчинами, и в которую принимали по дару и способностям, а не по положению. Здесь творил великий Даэли, здесь механику превратили в науку, именно здесь был испытан первый в мире полноприводной мобиль, здесь до сих пор совершают открытия и познают неизведанное».

Перечитав последний абзац своего эссе, Ольга сдула упавшую на лоб прядь и удовлетворенно улыбнулась.

Эссе получилось поэтично-пафосное, но ей нравилось. Гордость предками — замечательно чувство. Законное. Полезное для собственного развития. И то, что Ольга учится в АМН, основанной ее прабабкой — правильно. Конечно же, основала АМН не только Матильда. На самом деле подобные идеи были у Бастельеро, Курта и Мессера, но именно Матильда сделала самое важное: объединила их и подвигла к воплощению мечты. И дала денег на все это, разумеется. Поначалу на строительство АМН пошел капитал Волковых и Бастельеро (в соотношении один к пяти в пользу Матильды), затем к процессу присоединился франкский император Морис Золотой, по чистой случайности лучший друг князя Андре Волкова-Мортале, и лорд Говард, основатель корпорации «Драккар» — друг и деловой партнер семьи Волковых-Мортале...

Немного досадно, что акций компании «Драккар» в семье не осталось, лет пятьдесят назад Говарды предложили за них хорошие деньги, а тогдашняя княгиня совершенно не желала заниматься столь низменным делом, как производство каких-то там экипажей...

Потом локти кусала, да поздно было, обратно акции ей никто не отдал.

И дружбу растеряли. Может быть, Ольге удастся ее восстановить — мать Элизы из Говардов, впервые за полвека хоть какие-то контакты, кроме сугубо деловых.

Ольга вздохнула. С одной стороны гордость — с другой стороны досада. Всего два поколения блистательных и могущественных княгинь Волковых, а дальше как-то все сдулось. Попробовал бы русский император отобрать титул у Матильды или ее дочери, Елены! Над ним бы все дворцовые лакеи смеялись. Теперь же ее собственная мать, княгиня Наталья, лишь смиренно вздыхает и утешает дочь: королеве Астурии русийское княжество ни к чему, у тебя будет целая страна. Тем более тебе в любом случае некому будет свой титул передать, ты ж пустоцвет. И не вздумай даже пытаться рожать, и сама умрешь, и ребеночка не родишь. Так что покорись воле императора, деточка.

Да-да. Сейчас. Вот прямо взяла и покорила. Три раза.

Фыркнув, Ольга оглядела тихую, сумеречную библиотеку, освещенную лишь парой ламп в зеленых абажурах. В последний вечер перед началом учебного года она была единственной посетительницей. Остальные темные маги после совместной пьянки в ближайшей к АМН пивной в библиотеку, разумеется, не пошли. И Ольгу совершенно не интересовало, как они собираются завтра сдавать свои эссе профессору Бастельеро. Вот ни капельки.

Несколько таких же, как она, энтузиастов учебы — не с ее факультета — давно разошлись. За узким окном висел тусклый погодный шар, притворяющийся второй луной, и мерцал Звездный Ручей. Где-то шуршала крыса-мутант, устойчивая к любой магии, включая проклятия самого доктора Курта. Из-за толстых стен, отделяющих сокровищницу знаний от внешнего мира, не доносилось ни звука, хотя лаборатории, как и библиотека, работали круглосуточно. Правда, несмотря на отсутствие библиотекаря, надежда Ольги пробраться в хранилища не оправдалась. Все что ей удалось — это определить запирающий барьер как воздушно-пространственно-ментальный, и понять, что для его преодоления ей потребует что-то большее, чем упорство и удача. Возможно, маг-пространственник. Или порталщик. И может быть еще менталист. И совершенно точно — год-другой обучения, чтобы хотя бы понимать, как к этому кошмару подступиться.

Ну и ладно. Она и не ожидала, что секретные дневники Матильды Волковой выдают в читальный зал для всех желающих.

Зато теперь весь зал в ее распоряжении. Эссе готово, на крысиное шуршание ей плевать, можно заняться кое-чем нужным и полезным.

Перенеся на свой стол вторую лампу, Ольга выложила из сумки слепки кулона. Умница, Оленька, что послушалась интуиции, подстраховалась. А у того, кто украл кулон — пусть руки отсохнут.

Представив себе Ренара с руками-ветками, Ольга злорадно усмехнулась... и тут же почему-то погрустнела. Печальная картина вообще-то. Ему и так досталось проклятие Матильды... ведь если подумать, правнук того самого Маньяка ни в чем не виноват. Ну, был не виноват. Когда только родился.

В том, что сейчас Ренар и Морис — воплощение зла и коварства, не стоит даже сомневаться! Все Д'Амарьяки такие! Это генетически обусловлено и подкреплено дурным влиянием семьи, вот! Так что нечего вспоминать чарующий голос, прикосновение теплых губ к запястью и очаровательно-наглую улыбку. Глупости это. Морок и наваждение. Они же оба темные маги и менталисты, в них нет ничего настоящего!

В очередной раз приняв решение никогда и ни за что не доверять Д'Амарьякам, Ольга взяла лупу и принялась за изучение оттисков.

— Это точно Матильда, только она писала букву «Аз» как кружок с хвостиком, — по детской привычке Ольга размышляла вслух, так, словно рядом был любимый отец, всегда готовый помочь и поддержать. — Ее стиль — делать самые простые вещи не как все нормальные люди. Вряд ли кто то стал бы подделывать ее почерк на каком-то старом кулоне... Хотя, могли бы конечно. Только зачем?

Ответом ей был топот крысиных лапок где-то за соседним стеллажом.

Машинально бросив в ту сторону антикрысиное проклятие, Ольга прищурилась и снова склонилась над буквами. Разобрать что-то было крайне сложно, слишком много царапин. Но вроде бы, если повернуть к свету наискось, чтобы тени от случайных царапин и от букв получились разной глубины... да, точно! Целый слог: «кар». Ура?

Заколка-череп в волосах потяжелела, напоминая о себе.

— Ты тоже это ощущаешь? Темную ауру? — прошептала Ольга, оглядываясь.

Но зал был пуст, только островки света над столами, да тусклые по ночному времени плавающие светильники под потолком.

Показалось? Или...

«Шур-шур-шур, топ-топ-топ».

— Я тебя поймаю, — сказала она крысе-мутанту. — Даже не мечтай спрятаться. Я тебя запомнила.

«Топ-топ, шур-шур, хрусь-хрусь-хрусь», — в звуке прогрызаемой бумаги слышалась насмешка.

— Ах ты дрянь серая, — невольно восхитилась крысиной наглостью Ольга и вернулась к оттискам.

Увы, сколько она их ни вертела, как ни направляла свет — больше ничего разобрать не удалось, кроме... силуэта книги? Нет, серьезно? Кто-то выгравировал на любовном послании стилизованную книжку?

— Значит, что мы имеем... — шепнула Ольга под нос. — Книжка, буква «а» строчная, слог «кар», тоже со строчной... значит, это вторая часть слова. Или второе слово? Кар... карамель? Карусель? Кармин? Нет, длинно, не уместилось бы. Максимум еще две буквы. Кара? Вряд ли... Наверное, все же второй слог, что у нас заканчивается на «кар» и относится к любви? Или... к книгам? Кар... хм... Кар! Мобиль! Побриттски это мобиль! Акции «Драккара»... о! Драккар — это вариант, но причем тут книга...

Что-то подсказывало Ольге, что этот кулон попался ей неслучайно. Это подсказка, которая так или иначе приведет к разгадке тайны проклятия. Прабабка Матильда прокляла Маньяка в припадке дикой ярости, когда ей и ее возлюбленному грозила смертельная опасность по вине Д'Амарьяка, но так как сила ее проклятия была несоизмерима с виной темного мага, откатом ударило и по роду Мортале... Но у любого проклятия есть обраточка, закон снятия, узел, на котором завязана маг-структура. Все, что Матильда сказала тогда, это «поцелуй любви». Об этом знали и Волковы, и Д'Амарьяки. Но почему-то ни один поцелуй любви проклятия не снял. Ведь всем известно, что Жорж Д'Амарьяк женился по любви на Жозефине Соланж, подруге Матильды...

Почему-то именно тут Ольгу посетило сомнение. Что-то здесь не сходилось. Между Матильдой и Андре была истинная любовь, их брак благословили древние боги, и поцелуев любви между ними было — не сосчитать. Однако проклятие никуда не делось.

И Жозефина любила Жоржа, а Жорж — Жозефину, однако их сын получился карликом. Очень сильным магом, таким же хитрым и

беспринципным как Маньяк, но — карликом. И внук тоже. Его даже зовут Черным Карликом, он больше полувека возглавляет орден Лилии. Все прочие отпрыски Д'Амарьяков безнадежно бездарны, зато обладают великолепным здоровьем. Выбивается из общего ряда лишь Морис. Он — Д'Амарьяк, он здоров и красив, он обладает сильным темным даром. Да и Ренар, если уж так, вовсе не карлик. Наоборот, он довольно высок, несмотря на горб. Хоть и формально уродлив... Интересно, а Ренар или Морис влюблялись по-настоящему? Так, чтобы истинная любовь?

Наверное, Морис ведет все эти разговоры о любви к Ольге и женитьбе на ней из-за проклятия. Надеется, что их брак разрушит проклятие.

Глупо.

Да, точно. Глупо.

Потому что ни один Д'Амарьяк не сможет полюбить Волкову, а ни одна Волкова — Д'Амарьяка. Только ненавидеть, как Матильда и Жорж ненавидели друг друга.

Ольга обхватила голову ладонями. Слишком много мыслей, слишком много вариантов, непонятно, за что хвататься. И как же тяжело одной! Был бы рядом отец, они бы все обсудили, разложили по полочкам и непременно нашли нужный вариант! Не зря же отец говорил, что раз Ольге выпал неординарный дар — значит именно ей и снимать родовое проклятие. Потому что кому же еще-то, дальше откладывать некуда.

Запихнув куда подальше злость на мать и бабу, смилившихся с Божьей Карой (кар... нет-нет категорически не подходит, Матильда не верила в Божьи Кары, ее и от храма-то едва не отлучили за вольнодумство), Ольга заставила себя думать логически и конкретно, а не строить безосновательные теории об истинной любви, которой наверняка вообще не существует. То есть нужной ее разновидности, снимающей проклятие. И вообще, судя по всему, нужен не поцелуй как поцелуй, а какой-то артефакт или заклятие. Потому что просто поцелуи не сработали.

Итак. Следует вернуться к кулону и для начала проверить те теории, которые проверить проще всего. Так учил отец, а уж он точно знал толк в завиральных теориях.

Значит, стоит допустить, что книга — это именно книга и есть. Вон их сколько вокруг. Почему бы не...

— Не может быть так просто! — воскликнула Ольга и вскочила, переполненная естество-пытательским энтузиазмом. — Книга! Драккар!

К стеллажу, украшенному вычурной надписью «механика», она буквально подлетела. Нашла взглядом исторический раздел, пробежалась пальцами по корешкам с однотипными названиями. И ни на одном не было слова «Драккар». Странно. Ведь должно что-то быть, именно в лабораториях «Драккара» была сделана добрая половина великих открытий, и к половине из этой половины приложила руку Матильда...

Ну же! Смотри внимательно, Олечка, смотри и думай!

На миг прикрыв глаза и улыбнувшись воспоминанию об отце — это была его любимая присказка — она снова пробежалась пальцами по корешкам, но полкой ниже... остановилась, ощутив что-то... распахнула глаза, прочитала название «Первые мобили: от сказки к реальности» и...

И книга под ее пальцами шевельнулась.

Модифицированное антикрысиное проклятие сорвалось с ее пальцев раньше, чем она успела подумать. Книга нагрелась и задымилась.

— Ой...

— Зачем же уничтожать такую прекрасную библиотеку, — одновременно с ее ойканьем раздался знакомый бархатный голос, и книга перестала тлеть. — Или, по-твоему, я так похож на крысу?

— Очень похож. — Ольга зло дернула на себя книгу. — Только крупнее и опаснее.

— Намного опаснее, милая, — усмехнулся Ренар и отпустил книгу.

Ольга, продолжавшая тянуть ее на себя, отлетела от стеллажа и упала. То есть села на пол, опершись на соседний стеллаж.

— Ты!.. — На глаза чуть слезы не навернулись с досады.

— Ты не ушиблась? — склонился над ней горбун, тут же появившийся рядом, и протянул руку. — Извини, я всего лишь собирался быть вежливым и не отнимать у прелестной девушки интересное чтение на ночь.

Ольга поморщилась и встала сама, не прикасаясь к Ренару. И отступила вбок — назад было некуда, стеллажи мешали.

— Вот не надо, Д'Амарьяк. Мы оба знаем, что ты меня ненавидишь.

— Ты так в этом уверена? — о его кривую усмешку можно было порезаться.

— Как и в том, что покушения — твоих рук дело. Глупо искать драконий хвост, когда рядом вы с Морисом.

— Э... Фифа? — Он сделал большие глаза. — Я не узнал тебя в гриме.

Ольга сердито фыркнула.

— Тебе не удастся меня задеть.

— Ольга Волкова-Мортале не может рассуждать, как Фиолофинель Брильяниоль, у которой в голове исключительно рюшечки и список приглашенных на свадьбу персон.

Ольга снова фыркнула, но уже не так сердито. Вообще-то ей стало смешно. И... ну. . Ренар в самом деле вытащил ее из-под мобиля. А Морис поймал на лестнице и не дал сломать шею. Так что подозревать их глупо.

— Все равно я тебе не доверяю, Д'Амарьяк, — собрав остатки злости, сказала она.

И не смогла сдержать улыбку.

Ренар — тоже. Не сдержал. И не пытался.

— Благодарю за комплимент, — поклонился он. — Плохим бы я был темным магом, если бы юные прекрасные девы мне вот так запросто доверяли.

Почему-то Ольга залилась жаром. Странно. Он вроде ничего такого не сказал, а все равно. Жарко. И сердце бьется, как сумасшедшее. И во рту пересохло. Наверное... наверное, это темная магия! Он пытается ее проклясть! Поэтому и смотрит так пристально — в глаза, и вот ниже... на ее губы...

— Я, между прочим, ничуть не младше тебя, — из чистого упрямства заявила Ольга, для надежности прижав книгу к груди обеими руками.

— Ладно. Взрослые, умудренные жизнью прекрасные девы, — продолжая бесстыже на нее пялиться, согласился Ренар. — Ты очаровательно краснеешь, знаешь?

— Здесь жарко! — все из того же упрямства парировала Ольга.

Горбун тихо и как-то мягко рассмеялся, подавшись к ней чуть ближе.

— Очень жарко, — шепнул он. — Еще немного, и случится пожар.

— Прекрати, — нахмурилась Ольга, с трудом преодолевая глупое желание пофлиртовать.

О боги. То есть что, он с ней флиртует? Какая наглость! Да как он смеет!

— Ты собиралась почитать о мобилестроении, Олье? — Ренар отступил на шаг и убрал руку, которой опирался на стеллаж рядом с Ольгой.

— Да. Не думаю, что тебе будет интересно. Здесь ни одного ужасного проклятия или кошмарного заклęcia. Даже ни одной картинки человека со снятой кожей.

— М-м-м... неужели у меня уже настолько кошмарная репутация? Олье, милая, я счастлив!

— Вот и чудненько, мессир темный маг. Ступайте смотреть ваши счастливые сны и оставьте деву в одиночестве. Обещаю целую минуту дрожать от страха, чтобы вам лучше спалось.

— Ты невероятна, — восхищенно покачал головой Ренар. — Если бы я был способен любить в принципе — я бы непременно в тебя влюбился. Вот прямо сию секунду.

Ольга вопросительно подняла бровь.

— М-м?

— О, ты же не все знаешь о проклятии Д'Амарьяков. Олье. Хотя это странно, уж твоя прабабка Матильда должна была поделиться столь ценной информацией.

— Какой? — невольно переспросила Ольга и прикусила язык. Но поздно. Она уже попала на крючок.

— Д'Амарьяки не способны любить, — сообщил Ренар все тем же бархатно-чарующим тоном, чуть склонившись к ней — так, что их губы почти соприкасались. — Только желать.

Ольга отшатнулась. Не потому что ей стало больно от какого-то иррационального разочарования — нет, чушь какая! Просто... просто... это неприлично, почти целоваться с совершенно посторонним

мужчиной. К тому же, кровным врагом. И вообще, он — урод, а с уродами она целоваться не собирается. Никогда!

— Да ты мне просто Новый Свет открыл, — с холодным сарказмом парировала она, усилием воли успокаивая дыхание и отчаянно стучащее в груди сердце. — А я-то уже поверила в нежные чувства Мориса и составляю список приглашенных на свадьбу персон. Еще чуть, и начну подписываться как Фиолофинель Брильянфиоль.

Ренар зло сверкнул разноцветными глазами в прорезях маски и скривил тонкие губы в усмешке.

— Бедняжка Морис, какое разочарование его ожидает.

— Бедняжка Морис, его даже собственный брат ненавидит. За что, кстати? Открой мне эту великую тайну, коварный темный маг.

— Ну что ты, ненавидеть брата — это дурной тон. У нас с Морисом полное взаимопонимание.

Ольга презрительно скривилась:

— О том, что темные маги врут, как дышат, я тоже знаю. Говорят даже, правда причиняет вам невыносимые страдания. Что-то вроде костров святой инквизиции.

— Врут, милая, — нежно пропел Ренар. — Всего лишь ощущения, как от легкого несварения желудка. Вполне терпимо.

— Ну так ответь правду для разнообразия, ми-илый Рене-е, — передразнила его Ольга. — И не беспокойся, если ты ненароком расстанешься с ужином от такого нечеловеческого усилия, я не буду смеяться. Обещаю.

— И как устоять перед столь нежной просьбой? Хм... впрочем... я же темный маг, ты не забыла, милая? Так что для начала скажи, что мне за это будет.

— Э... медаль?

— Не пойдет. Медаль у меня уже есть. Предложи что-нибудь поинтереснее. К примеру, поцелуй прекрасной юной девы.

— Боюсь, поблизости нет ни одной. Если только ты согласен пойти со мной в общежитие. Я держу Фифу, ты целуешь — идет?

С каждым ее словом губы Ренара неудержимо растягивались в улыбке, а с последним он рассмеялся. Искренне и почти счастливо.

— И-идет... — сказал он сквозь смех и утер слезу. — Олье... о прекраснейшая Олье, от тебя... нет противоядия...

Ольга рассмеялась вместе с ним. Она не понимала, как так получается. Вроде бы они ругались. Ненавидели друг друга. То есть ненавидят — вот прямо сейчас. Но почему-то это так... тепло, что ли. Уютно. Как будто от перепалки с Ренаром она вся наполняется свежей и бурлящей, словно горный ручей, энергией. И ей хочется еще и еще.

— Ты не ответил, ужасный темный мат — отсмеявшись, вернулась она к своему вопросу.

— А ты скорее череп мне проклюешь, чем вежливо отстанешь, да?

— Какой ты догадливый, я в восхищении!

Несколько мгновений они в упор глядели друг на друга. На миг Ольге показалось, что он все же ее поцелует. Но...

— Ладно. Сдаюсь. Я отвечу тебе, а потом мы вместе почитаем этот увлекательный талмуд о мобилестроении.

— Зачем тебе? — тут же насторожилась Ольга.

— Не ты одна любопытна, как стая сорок.

— Вот опять, — укоризненно покачала головой Ольга. — Не врешь, но уходишь от ответа. Что, в самом деле так сложно?

— Зану-уда, — ласково ответил Ренар.

— Скользящий ублюдок, — не осталась в долгу она.

И они опять рассмеялись.

Вот что это такое, а? Может, так действует родовое проклятие? Или не родовое, а эти двое ее приворожили? Да нет, вряд ли... она же не влюблена, и они не кажутся ей неземным совершенством... кажется, привороты работают именно так. Понижают способности к критическому мышлению, повышают физическое влечение, и вуаля — объект не видит недостатков, одни достоинства. Но она-то видит! Вот он, Ренар Д'Амарьяк, одни сплошные недостатки.

Тьфу. Хватит уже. Лучше пойти спать, а то она демон знает до чего тут додумается.

— Непременно скажи, когда твои ядовитые железы переполнятся. Помогу ссeditь, — с искренним восхищением сказал Ренар, невесть когда успевший взять ее за руку. — Но вообще ты разговаривала вслух, а я отлично слышу.

— Отлично подслушиваешь.

Руку Ольга отдернула, и не потому что это было неприлично, держаться за руки, а потому что прикосновение ощущалось слишком

остро. И слишком приятно.

— Странно, если бы лейтенант ордена Лилии не умет подслушивать. Но тебе не о чем беспокоиться, ничего нового я не узнал. Ты лишь подтвердила мои подозрения. И вообще, у нас с тобой одна цель, не так ли?

— Боюсь, у нас совершенно разные цели.

— Ну, в целом — возможно. Но в данном случае цель одна. Снять проклятие. Ты хочешь детей, я хочу... хм... — он сглотнул и едва заметно поморщился, — стать нормальным. Видишь ли, горб это демонски неудобно.

— То есть твоя внешность тебя не смущает? — тут же вцепилась в возможность Ольга.

— А тебя? — немедленно парировал Ренар.

— Ни капельки. Форма соответствует содержанию, — ласково улыбнулась Ольга.

— Именно так сказала Матильда, когда проклинала моего прадеда, — почему-то довольно кивнул Ренар. — Ты знала?

— Нет, — покачала головой Ольга. — Точной формулировки проклятия не сохранилось... или сохранилась у вас?

— У нас, Д'Амарьяков, отличная память.

— Ты так говоришь, как будто это плохо.

— Иногда — да, — горбун резко посерьезнел. — Ну что, идем читать талмуд? Вдруг в нем действительно что-то найдется.

ГЛАВА 18. О времени, которое деньги, и проклятых костях

Ренар

В талмуде по истории мобилестроения и в самом деле кое-что нашлось. Кое-что такое, что сложно было бы пропустить.

Кстати, в отличие от Ольги он прекрасно заметил, что половинки кулона пропитаны не какой-то там абстрактной темной магией, а магией крови. Собственно, ради того, чтобы в этом убедиться, он и забрал вторую половинку у Ольги.

Короче говоря, кто-то очень хотел, чтобы половинки оказались вместе. Иначе с чего бы ему пришлось в голову тащить с собой в АМН безделушку, всей ценности в которой — крохотный осколок драконьей слезы? Честно говоря, он вообще слабо помнил, откуда у него взялась эта вещичка. Просто была всегда, периодически попадаясь на глаза в самые неподходящие моменты. В детстве они с Морисом даже игру придумали. Один прячет, другой находит. Как-то братцу пришлось лезть за половинкой кулона на крышу — Рене поручил его спрятать сороке, которая свила гнездо рядом с каминной трубой.

И ведь не только полез, но и слез оттуда целым и невредимым, везучий гаденыш.

Так вот. Половинка кулона попала ему под ноги ровно в тот момент, когда он возвращался в комнату после того, как подслушал кусочек разговора Ольги с гэльскими герцогами. В их разговоре проскочило что-то о половинке кулона, но Рене поначалу никак это не связал с собственной безделушкой. Только когда наступил на нее и едва не растянулся на полу, к вящей радости проклятого братца.

Разве мог он пропустить такое совпадение? То есть поверить, что это просто совпадение — глупость, достойная бездарного конюха, но никак не шевалье Д'Амарьяка.

Защитные заклинания Волковой поддались на удивление легко. Рене даже заподозрил наследственную резистентность к любой их магии, не только к проклятиям. И сделал себе пометочку проверить. Чуть позже, при подходящем случае.

Пока же — воспользовался традиционными методами, то есть слежкой и подслушиванием. Уж что-что, а оставаться невидимым и неслышимым он умел великолепно. Всю жизнь тренировался, изображая тень Мориса. У него так хорошо получалось, что большинство франкских аристократов было уверено, что у Черного Карлика один сын. Совершенно нормальный с виду, великолепно одаренный Ренар Морис. Собственно, в каком-то смысле так оно и было... наверное...

Думать об этом парадоксе Ренар не любил — тут же начинала болеть голова. В догонку к больной спине это было уже слишком.

В общем, девиз «Время — деньги» он заметил первым, и первым понял, что это именно то, что нужно. А еще — что ему крайне интересно, кто написал на его половинке слово «капитан» и вложил настолько сильный и при том незаметный манок, что стоило Рене взять в руки обе половинки — и ноги сами принесли его в библиотеку. К Ольге.

К великолепной, упрямой, язвительной, сильной и удивительно нежной...

Почему-то при взгляде на нее хотелось убить Мориса и проверить — в самом ли деле они настолько тесно связаны, как утверждал некий старый пройдоха? Того пройдоху Ренар не помнил, к нему обращался за тайной консультацией Черный Карлик через несколько дней после рождения наследника.

Или наследников.

Темная история. Не только эта, но вся история рода Д'Амарьяк.

— Красивый мобиль, — мечтательно сказал Ольга, разглядывая картинку в энциклопедии мобилестроения. — Тут написано, что это первый прототип, испытанный самим капитаном Драккаром.

— Вот оно, — не понимая толком, зачем делится с соперницей жизненно важной информацией, Рене ткнул пальцем в магографию приборной панели, занимающую половину страницы.

— Надпись?.. — переспросила Ольга и прочитала: — Время — деньги.

— Думаю, да. Девиз графов Хемплтон, младшей ветви семейства Говард, основатель — сэр Джеймс Роберт Говард, капитан шхуны «Драккар» и учредитель компании «Драккар». Зря вы, кстати, продали акции.

— Зря, — согласилась Ольга. — Я бы ни за что не продала. И от такого мобиля бы не отказалась.

— Красивый мобиль, — кивнул Рене. — Время, деньги... Первый Хемплтон... хм... часы...

Под внимательным взглядом Ольги он постарался не показать, что его осенило. Пусть сама догадывается дальше, он свое получил — и теперь дело за малым, проверить догадку.

Ольга тоже что-то шептала, сведя серебристые брови к переносице и напряженно разглядывая кончик его носа.

— Кстати. Ты в курсе, что отбой давно уже был, моя милая?

Глупо было называть ее так. Глупейшее мальчишество в духе Мориса. Но удержаться почему-то не было сил. Примерно как удержаться и не съесть кусочек шоколадного торта, дожидającegoся на буфете очередного приема и строго воспрещенного к поеданию детьми. Под страхом жестокого наказания.

Разумеется, Рене очень рано освоил чары иллюзии, от которых торт казался целым. Лет так в пять. Что, впрочем, не спасло его задницу от розог а смазливое личико Мориса — от синяков. Потому что нечего было сдавать его отцу. Мало ли, что не поделился!

С тех пор Рене либо делился добычей — либо проворачивал свои дела втайне от братца. Что давалось крайне тяжело. Все же их связь... а, в Бездну ее.

Просто называть Ольгу милой было щекотно и сладко, а отказывать себе в мелких удовольствиях Рене не привык. Их в его жизни не так уж много.

— Разумеется, — фыркнула белобрысая язва, чума и холера. — Боишься попасться фрау Фурии?

— Я бы на твоём месте не слишком надеялся на встречу с ней, — в тон ей усмехнулся Рене. Опять же, удержаться невозможно! Она так забавно фыркает и ехидничает! Смотрел бы и смотрел. И на вкус бы попробовал. Попробует. Обязательно. В подходящий момент. — Говорят, в общежитии водится кое-что пострашнее Фурии. И оно вылезает ночью, когда силы зла властвуют безраздельно.

— Ты, что ли? — лучезарно улыбнулась эта язва.

— А как ты догадалась, свет очей моих?

Нет, ну совершенно же невозможно! Она так сияет и искрится, словно нет на свете ничего приятнее, чем вот так пикироваться.

— У тебя слишком самодовольный вид... хм... Морис, моя прелесть, я не узнала тебя в гриме!

Рене рассмеялся, поймал ее руку и поцеловал костяшки пальцев — нежные, теплые, пахнувшие бумажной пылью и чем-то неуловимо горьким и манящим, присущим только ей. Ольге Волковой-Мортале.

Даже немного жаль, что Д'Амарьяки не способны на настоящую любовь. Влюбиться в Ольгу было бы, наверное, очень приятно.

Отобрав руку, Ольга смахнула в сумку мелочевку со стола, подмигнула Рене и направилась к выходу из библиотеки, толкнула дверь и вышла. А Рене, чуть отстав, шел следом и любовался ее походкой. О, эти женские брюки, демонское искушение! Как она покачивает бедрами, шагая по пустынному холлу, и ее шаги отдаются эхом — от стен и где-то внутри него, оглушительным биением сердца. Неужели у него, у шевалье Д'Амарьяка, есть сердце?

Он так залюбовался, что не сразу заметил потускнение света огромной хрустальной люстры и какое-то подозрительное не то подрагивание, не то покалывание где-то на границе магического восприятия.

И уж тем более не успел сообразить, что за дерьмо он творит — то есть бросается к Ольге, сшибает ее с ног, и они вместе проезжают по скользкому паркету: она на спине, он — на ней.

А вот Ольга среагировала мгновенно. Оттолкнула его со всей дури, усиленной магией — так, что Рене упал спиной на пол...

— Какого де... — начала вскочившая на ноги Ольга, когда ее прервал грохот.

Грохот, звон, пыль, брызги стекла, щепки паркета и, через секунду — тихий, на грани слышимости, зуд тревожного сигнала.

Почему зуд, а не оглушительный вой? — подумал Ренар, ловя падающую прямо на него некромантку. Живую и невредимую. Проклятая люстра упала в трех шагах от нее. На то самое место, с которого Рене ее оттолкнул.

Что-то в спине жалобно хрустнуло, отдавшись ослепительной болью в левом бедре и ноге до самых кончиков пальцев.

Правда, боль тут же исчезла, словно ее стерли. Слишком близко была Ольга — растерянная, испуганная, такая открытая и беззащитная, такая...

Подумать он снова не успел. Или не захотел. Потому что ее губы оказались слишком близко. Так близко, что совершенно невозможно устоять. И Рене ее поцеловал. А она — ответила. Нерешительно и неумело, вся трепеща в его руках, и тихонько застонала ему в губы...

Дурацкое, глупое счастье продолжалось то ли вечность, то ли секунду, Рене не понял. Да и неважно это было. Она ответила на поцелуй. Почему-то это было очень важно. Невероятно важно. Намного важнее, чем то, что через мгновение она очнулась, глянула на него совершенно дикими глазами — и сбежала, словно за ней демоны гнались.

Наверное, все же гнались.

Потому что по некогда блестящему паркету кто-то шел. Медленно и неумолимо. Хрустя осколками и щепками, попадающимися под ноги.

Этот кто-то шел напрямик к Ренару, и явно не с намерением помочь калеке, не способному пошевелиться.

С трудом преодолевая боль в изломанных проклятием костях, Рене повернул голову, взгляделся в темный силуэт на фоне тусклого окна — и бессильно уронил голову на пол.

— Ты?! — хрипло спросил он, уже зная ответ.